

Юлия Остапенко

Тебе держать ответ

«Автор»

2006-07

Остапенко Ю. В.

Тебе держать ответ / Ю. В. Остапенко — «Автор», 2006-07

Раз в поколение, волей богини Яноны, рождается Тот, Кто в Ответе, человек, каждый – пусть и самый ничтожный – поступок которого оказывает огромное воздействие на мир Бертан. Ныне жестокая милость Яноны избрала своей мишенью Адриана Эвентри – мальчишку из дикого клана, погрязшего в давней кровавой междоусобной распре. Божественная шутка может дорого обойтись миллионам людей – если Адриан, оглушенный ужасом и чувством вины, не научится ежеминутно, ежесекундно делать правильный выбор... Судьба клана – или судьба страны? Подвиг – или преступление? Люди – или боги? Бездействие – или поступок? Тот, Кто в Ответе, должен решать снова и снова...

© Остапенко Ю. В., 2006-07

© Автор, 2006-07

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	19
3	32
4	44
Часть 2	57
1	57
2	67
3	78
4	92
Часть 3	100
1	100
2	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Юлия Остапенко

Тебе держать ответ

Памяти Нasti III.

Часть 1

Тот, кто в ответе

1

Ничего не случилось бы, если бы он не запер калитку. Если бы просто оставил её открытой. Ничего бы не было.

Впрочем, нет. Калитка тут ни при чём, всё началось гораздо раньше. Дело было в Бетани. И что ей только стоило остаться наверху, как велели, так нет же – потащила за Адрианом, ещё и малыша за собой потянула. И если для двоих у замочной скважины в двери зала ещё нашлось бы место, то для троих его никак не хватало.

– Убирайся отсюда, – прошипел Адриан, едва заслышав стук её башмаков на лестнице. Оборачиваться не требовалось – так семенить, топоча при том, будто лошадь, могла только его ненаглядная сестрёнка.

– Сам убирайся, – громко ответила Бетани и больно ткнула его локтем под ребро. Адриан дёрнулся и едва не наступил на Бертрана, тише мышки шмыгнувшего за сестриной юбкой. Бетани немедленно воспользовалась замешательством брата и прильнула к замочной скважине. Ей для этого даже присесть не пришлось – достаточно было чуть-чуть нагнуться. Малыш Бертран пристроился рядом, благоразумно приложив ухо к дверной щели. Адриан оказался бесповоротно вытеснен с занимаемых позиций. Он рассеянно поглядел на сестру, размышляя, не стукнуть ли её прямо сейчас, потом решил быть куртуазным и стиснул её локоть.

– Пусти, – не двигаясь, сказала Бетани. Когда она говорила таким тоном, Анастас кривился и просил, чтобы она перестала изображать матушку. – Не пустишь, закричу, и тебя выставят вон вместе с нами.

Бертран шумно засопел снизу, возмущённый их вознёй. Временно сдавшись, Адриан отпустил сестру и, отодвинувшись от неё, окинул дверь обречённым взглядом. Между панелью и косяком проходила тоненькая щель; на зиму её забивали паклей; но сейчас стояло лето, посему все дыры и трещины замка Эвентри были гостеприимно раскрыты для сквозняков. Щель была совсем узкая и располагалась высоковато. Адриан приподнялся на цыпочки, для опоры упёрся ладонями в дверь и прильнул к щели.

Конечно, с такого обзорного пункта зал было видно не так хорошо, как через скважину. Адриан видел только кресло, в котором сидела мать, и Анастаса на корточках рядом с ней, и ещё ноги отца, вытянутые к каминной решётке. Ричард оставался вне поля зрения – должно быть, стоял за отцовским креслом. Они всегда так располагались на семейных советах: первенец поближе к отцу, второй сын – рядом с матерью. Странно, отчего бы так – Адриану казалось, что оба родителя любили старших сыновей одинаково. Анастас даже чаще спорил с матерью, чем с отцом, хотя в конце концов всегда соглашался с обоими, как и положено второму сыну. Ричард, впрочем, совсем никогда с ними не спорил.

«Они бы меня хоть разочек послушали», – подумал Адриан. Но где уж там...

– Бертран, ты на моём подоле стоишь! Слезь сейчас же! – возмущённо пискнула Бетани снизу.

– Да заткнись ты уже, – шикнул Адриан. – И так не слышно ничего...

Бетани, на удивление, послушалась. Адриан затаил дыхание. Родители сидели далеко от двери, только потому до сих пор не услышали возни младших прямо за ней, но их собственный разговор Адриан мог разобрать.

– Я знаю, кто такие Сафларе, Мелинда, – спокойно говорил отец. – И, верь мне, знаю лучше твоего. Не пытайся смутить меня дворовыми сплетнями, которых ты набралась от челяди. К тому же я уже принял решение.

– Ещё бы! – сказала мать; она сидела неестественно прямо, стиснув подлокотники кресла напрягшимися пальцами, её голос звучал высоко и почти визгливо. – Ещё бы, ты всё решил! Ты всегда всё решаешь сам! Уж и не знаю, к чему тебе делать вид, будто тебя интересует мое мнение и мнение твоих наследников! О, если бы только был жив твой отец!..

– Мои наследники, – всё так же спокойно ответил лорд Эвентри, – присутствуют здесь потому, что нынешние наши заботы касаются их самым непосредственным образом.

– Мы сделаем, как вы скажете, отец, – поспешно заверил Ричард. Адриан скривился: даже не видя старшего брата, он как наяву видел его подобострастное лицо. Отец, должно быть, сейчас похлопал его по плечу или, по крайней мере, одарил ободряющим взглядом...

– Знаю, что сделаете, Ричард. Но вы оба взрослые мужчины, и я хочу, чтобы вы понимали причины, по которым ваша судьба решается именно так, а не иначе. Со временем вам придётся вершить судьбами собственных детей, и мне хотелось бы, чтобы, когда этот час пробьёт, вы помнили о сегодняшнем дне.

– Во имя Гилас, Ричард, перестань читать им нравоучения, – сварливо перебила мать. – Ты не для того их сюда позвал.

– Верно. Не для того. То, что я сейчас сказал, предназначалось больше для тебя, Мелинда.

Мать вспыхнула и села ещё ровнее. Её выпуклый лоб под ровной линией платка пошёл пятнами. Она открыла рот, намереваясь ответить, но потом, должно быть, поймала взгляд отца и опустила глаза.

Снизу тихонько чихнул Бертран. Бетани шикнула на него, Адриан вздрогнул, но не ото-рвался от щели.

– Итак, – после долгой паузы снова заговорил отец, – один из наших детей должен будет соединиться браком с представителем клана Сафларе. Нам предстоит решить, здесь и сейчас, кто это будет.

– Я готов, отец, – покорно сказал Ричард.

Бетани захихикала. Адриан отвесил ей подзатыльник, и в ответ она пнула его в голень так метко и с такой силой, что он едва не взвыл от боли.

– Благодарю тебя, сын мой, – сказал отец с теплотой, вынудившей Адриана забыть об ушибленной ноге и стиснуть зубы. – Я знал, что ты это скажешь. Но, боюсь, это не лучший случай для тебя засвидетельствовать свою преданность клану.

– Почему? – недоуменно спросил Ричард. Адриан снова без труда задействовал воображение: так и видел обиженно распахнутые голубые глаза и удивлённо отвисшую губу, что в сочетании с приподнятыми бровями придавало Ричарду-младшему сходство с замковым дурачком Олпортом.

– Сафларе, что бы ни думала о них ваша мать, – достойный и славный клан, спору нет. Однако, если говорить начистоту, – не самый древний и не самый сильный.

– К тому же они почитают Аравин, Мологову дочь, – снова вмешалась леди Мелинда. – Подумать только, мало того, что приспешники Молога, так ещё и торгаши!

– Мне всё равно, каких богов они чтят, – сказал отец так, что возмущённая речь матери немедля оборвалась. – Главное, чтобы их слова не расходились с делом.

– Ты бы и самому Мологу родных детей отдал, если бы только...

– Хватит, матушка! – резко поднявшись на ноги, сказал Анастас. – Довольно. Имейте, в конце концов, почтение.

Леди Мелинда шумно захлопнула рот. Бетани опять захихикала, а Бертран спросил:

– Бетани, почему Анастас кричит на матушку?

– Он не кричит, дурачок. Он всё верно сказал.

– А раз верно, то умолкни, наконец, женщина! – полушёпотом рявкнул на неё Адриан.

Бетани показала ему язык. Адриан быстро отвернулся от неё к своей щели, раздражённый, что пришлось отвлечься. Отец в это время успел что-то сказать, и мать теперь смотрела на свои ладони.

– Брак с Сафларе сейчас необходим, но это не главная карта, которую нам предстоит разыграть. Ты мой прямой наследник, Ричард, и спешить с твоей женитьбой было бы неосмотрительно... особенно теперь, перед жатвой, – многозначительно добавил он.

– А что жатва? – удивлённо спросила Бетани. Адриан не ответил, и она настойчиво подёрнула его за рукав. – Адриан, при чём тут жатва?

Адриан отмахнулся. После жатвы и до осенних дождей – время больших сражений, но как такое объяснить сопливой девчонке?

– Вы правы, как всегда, отец, – беспечно сказал Анастас, хотя лорд Эвентри обращался вовсе не к нему. – Я всё понял и, разумеется, не пойду против вашей воли. Вы одно только скажите – она и впрямь так страшна, как говорят, или всё не столь плохо?

Адриан почувствовал, что ухмыляется. Ох уж этот Анастас! И как ему это даётся только – так говорить с родителями, так дерзко глядеть на них, широко расставив ноги и заткнув большие пальцы за пояс, и ни капельки их не гневить! Даже мать оттаяла, услышав его звонкий голос, звучавший громче и твёрже бормотания Ричарда-младшего. Да и немудрено – что бы Анастас ни делал, что бы ни говорил, им нельзя было не любоваться, даже в такую минуту, когда его отправляли под венец неизвестно с кем.

– Какие у меня послушные сыновья, – заметил лорд Эвентри, и в его голосе звучало беспредельное удовлетворение сим отрядным обстоятельством.

– Ой! – сказала Бетани. – Анастаса женят! Всё-таки будет свадьба, Адриан! Как думаешь, может, ещё до осени?

Адриан не удостоил её ответом, любясь открытым лицом Анастаса, – и как ему ещё доставало сил так широко и искренне улыбаться?

– Но, увы, а может, и к счастью, на сей раз мне не придётся злоупотреблять вашей сыновней любовью, дети мои. Тебя, Анастас, я не отдам Сафларе по той же причине. Ты слишком хорош для них.

– Счастье ваше, что они не слышат, отец, – фыркнул Анастас, и лорд Эвентри рассмеялся, хотя Адриан на месте Анастаса за подобную вольность огрёл бы крепкий подзатыльник.

– Зачем же ты позвал их сюда? – спросила леди Мелинда, слегка изменившись в лице.

– И в самом деле, зачем? – подхватил Ричард, до которого, как обычно, туго доходило.

Отец заговорил, и из его голоса ушла даже тень смешинки.

– Затем, что, как я уже сказал, вы оба достаточно взрослые, чтобы принимать решения наравне со мной и вашей матерью. Тебе, Ричард, двадцать один, Анастасу в осенние праздники исполнится девятнадцать... – Он смолк. Потом заговорил чуть изменившимся голосом, хотя Адриан не смог понять причин такой перемены: – Вы уже совсем выросли, сыновья мои. И не как мои сыновья, но как мои первые советники, помогите решить, кого из моих детей мы этим летом отдадим клану Сафларе.

– Всё-таки будет свадьба! – сказала Бетани и беззвучно хлопала в ладоши.

Адриан вдруг почувствовал, как онемели прижатые к двери ладони. Он слабо пошевелил ими, будто проверяя, на месте ли они. Сердце ёкало в груди безо всякого повода... он ведь знал, что они решат, не сомневался, иначе и быть не могло.

– Ричард, скажешь что-нибудь? – после затянувшегося молчания спросил Анастас, отдавая дань старшинству. Тот, видимо, помотал головой, потому что Анастас кивнул и, облокотившись о подголовник матеиноного кресла, небрежно сказал: – Тогда, с вашего позволения, отец, – Алисия, разумеется. Она как раз достигла брачного возраста, к тому же она старшая из ваших дочерей. Отдавая её Сафларе, вы тем самым свидетельствуете, сколь ценен этот дар.

– Алисия? – неуверенно переспросила мать. – Ей же едва пятнадцать исполнилось... к тому же... какое будущее ей там уготовано? Поклонники Аравин, подумать только! Моя девочка будет с утра до ночи вести счета и...

– Она будет вести счета вне зависимости от того, за кого выйдет замуж, – сухо ответил отец. – И я уже высказал своё мнение насчёт богов, Мелинда. Не вынуждай меня повторяться. Предложение Анастаса видится мне мудрым и резонным, но есть одно немаловажное обстоятельство. Вам известно, что у Кирка Сафларе было две жены. Четверо его старших отпрысков – от первой, и они уже достигли зрелого возраста. Дочери около двадцати, а неженатые сыновья подбираются к сорока...

Мать воздела руки, молчаливо взывая к заступничеству Милосердного Гвидре. Отец оставил её жест без внимания.

– Двое же младших, от второй жены, совсем юны. Сыну четырнадцать, дочери десять. Полагаю, вот на этих младших нам и стоит сосредоточиться. Всё же двадцатилетняя разница в возрасте – не то, на чём строятся счастливые браки. Если бы не было иных путей, разумеется, пришлось бы смириться...

– Четырнадцать и десять, – задумчиво проговорил Анастас. – Мальчику четырнадцать, да? На два года старше Бетани... Они будут идеальной парой.

– Что?! – вскрикнула Бетани.

Адриан круто развернулся и схватил её за тоненькие плечи, чувствуя, что не может удержать расплывающуюся по лицу ухмылку.

– Будет сва-адьба, – протянул он и, подхватив сестру, закружил её в шутовском танце. – Будем петь и плясать, когда Бетани пойдёт под венец нынче летом!

– Пусти, дурак! Не пойду я под венец! – вырываясь, пищала Бетани. Адриан хохотнул, поставил сестру на пол и, бесцеремонно оттолкнув её и Бертрана, встал на колени у замочной скважины. Отсюда было видно всех – и родителей, и братьев, и даже кусочек окна, сквозь которое лился розоватый вечерний свет.

Отец смеялся, хотя Адриан прослушал, что его так развеселило.

– Нет, нет и нет! – заявил он. – Ты, жестокосердая мать, и думать забудь! Моя маленькая принцесса Бетани выйдет замуж только за принца. Во всяком случае, не менее чем за Фосигана. Это моё последнее слово.

– Понятно? Я пойду за Фосигана, а не за какого-то там мальчишку, который поклоняется Аравин! – сказала Бетани и со злостью наступила Адриану на ногу. Но ему теперь было не до неё – он перестал дышать, перестал видеть что-либо, кроме фигур родных у камина, перестал слышать что-либо, кроме их голосов.

– Тогда остаются мальчишки, – сказала мать.

– Младшей девочке Сафларе десять, – напомнил Анастас. – Чуть старше Бертрана, но всего три года разница...

– Вот ещё! – взвилась мать. – И думать о том не смей, Ричард, слышишь? Только посмей отдать моего любимого мальчика этим дрянным Сафларе, и ты узнаешь, что такое материнский гнев!

– Двадцать третий год на него люблюсь, и жив пока, – спокойно отозвался отец, но мать его не слушала.

– Нет и нет! Я уж скорее отдам Алисию за взрослого мужчину. Она всё-таки уже не маленькая, а Бертран совсем дитя! Да и где это видано, чтобы жена была старше мужа?!

– Тогда остаётся Адриан, – сказал Ричард.

И Адриан подумал: «Вот, вот, вот. За это я тебя и ненавижу. Ты, гадкий тупоголовый болван. Зачем надо было это говорить?!»

– В самом деле! – тут же поддакнула мать. – Адриан подходит превосходно. Ему четырнадцать, девочке Сафларе десять. Чудная разница в возрасте, прямо как у нас с тобой, Ричард.

– Да уж, воистину гарантия счастливого супружества, – с иронией заметил лорд Эвентри.

– Но ей только десять, – сказал Анастас. – Не рановато ли для брака?

– Пока ограничимся помолвкой. Этого будет достаточно. А поженить их можно будет, скажем, года через четыре. Адриан как раз достигнет совершеннолетия, и я отдам Сафларе не просто сына, но мужчину, способного взять в руки меч. Если же обстоятельства изменятся за эти четыре года, мы всегда сможем взять своё слово назад, – отец удовлетворённо кивнул, будто не сам изрёк эти чудовищные для Адриана слова, а услышал их от кого-то и был полностью согласен. – Да. Это мудрое решение. Единственно верное, возможно. Благодарю вас, дети мои, что помогли мне увидеть его.

– Не стоит благодарности, отец, – пробормотал дуралей Ричард, а Анастас добавил:

– Вопрос только, что на это скажет сам Адриан...

Отец поднял голову. Солнечные лучи путались в рыжих прядях его бороды, точно такой же, какая была у его отца, лорда Уильяма. Адриан вспомнил, как кололась и кусалась эта борода, когда дед вынимал его, совсем маленького, из колыбели и разглядывал, вскинув на могучих руках к самому небу, довольно щуря голубые, как у всех Эвентри, глаза. Вспомнил и вздохнул, потому что это было ужасно давно. Дед умер, когда Адриану едва исполнилось два года, а отец никогда на него так не смотрел.

Теперь он так не смотрел даже на Анастаса. Лучистая голубизна глаз превратилась в пронизывающий резкий свет, от которого хотелось отвести взгляд.

– Почему я должен думать об этом? – спросил лорд Эвентри своего второго сына, и беспечный, нахальный Анастас, смеявшийся дерзить ему почти всегда, потупился.

– Простите, отец, я...

– Ты изъявил готовность беспрекословно исполнить мою волю ещё до того, как узнал о моих намерениях. Отчего же твой брат должен поступить иначе? Чем он хуже тебя или Ричарда?

– Он ещё мал, – сказал Анастас, не поднимая взгляда. – Он может не понимать...

– Ему придётся понять. Если не сейчас, то позже, так не всё ли равно, когда. Интересы клана прежде всего, затем воля богов, затем приказы конунга, затем личная корысть. Только так, сын мой.

– Я это знаю, отец.

– Я знаю, что ты знаешь, Анастас, – сказал лорд Эвентри, и в его голосе прозвучала нежность, смешанная с гордостью, которую он даже не пытался скрыть.

Повисло недолгое, почти торжественное молчание, во время которого сердце Адриана, кажется, остановилось вовсе. Потом леди Мелинда с явным облегчением всплеснула руками и сказала:

– Ну, слава Гилас и сыну её, Гвидре Милосердному! Стало быть, решено. Мой третий сын будет помолвлен этим летом. Ну, вот и начали мои птенчики разлетаться кто куда, – вздохнула она и смахнула набежавшую слезу.

– Да, – сказал лорд Эвентри. – Решено.

«Да. Решено», – набатным гулом отозвалось в голове Адриана. Он обнаружил, что Бетани со всей силы дёргает его за рукав.

– Ну что, ну что, ну что? – монотонно бубнила она, должно быть, уже давно, а он и не замечал. Адриан взглянул на неё, ужасно нелепую в своём длинном платье, из которого Алисия выросла совсем недавно, и такую похожую на мать... Особенно сейчас, когда её круглое смазливое личико расплылось в понимающей улыбке, мгновенно затем сменившись фальшивым сочувствием.

– О-о, – протянула Бетани. – О-о-о!

– Что случилось? – спросил Бертран, которому за ногами старшего брата и сестры уже давно ничего не было ни видно, ни слышно.

Бетани сгребла его в охапку и закружила по тесному коридору, в точности как Адриан кружил её несколько минут назад.

– Адриан женится! – запела она. – Женится-я... ля-ля-ля... Адриана женят!

– Заткнись, – сказал Адриан, сжимая кулаки.

– Женят, женят! На девчонке десяти лет! Ля-ля-ля... она тебе в самый раз по уму!

– Если ты не заткнёшься, я тебя ударю! – закричал Адриан.

Последствия, конечно, не заставили себя ждать.

– Что там за шум? Это дети? – раздался из-за двери голос отца, а за ним – звук отодвигаемого кресла и шагов. Адриан не двинулся с места, всё так же глядя в презрительно прищуренные глаза сестры. Бетани скорчила рожу, но не отступила, только прижала ничего не понимающего Бертрана крепче к себе.

– Ну и ударь, – сказала она. – И ударь. Был бы ты мужчина, давно научил бы болтливую женщину молчать.

Адриан стиснул кулак крепче. Шаги звучали уже у самой двери, и, когда она стала открываться, Адриан разжал кулак и рванулся к лестнице, не оборачиваясь на бегу. Он бросился вниз, перепрыгивая через две ступеньки, услышал, как Анастас сверху зовёт его по имени, но не становился. С чего бы? Анастас точно такой же предатель, как и они все. Точно такой же. И даже хуже!

Адриан на бегу распахнул дверь и вылетел во двор, едва не споткнувшись о курицу, с кудхтаньем выскочившую из-под его ног. Чуть не навернулся, вот позорище было бы! Это заставило его чуть сбавить шаг – ладно, будет ему, как маленькому, сломя голову нестись куда глаза глядят. Хотя именно это ему сейчас больше всего хотелось сделать.

На подворье было шумно – люди как раз возвращались с полей и пастбищ, ручейками стекаясь в главные ворота, через которые как раз прогнали замковое стадо овец, с блеянием толпившихся теперь у загона. Сперва непонятно было, отчего затор, – а потом Адриан увидел, что путь овцам преградили паломники, которых впустили в замок утром и о которых он совсем забыл. Ещё днём ведь собирался потолкаться около них, повыспрашивать всякие интересные, но потом Бетани принесла на хвосте сплетню про собирающийся семейный совет, и такое, конечно, нельзя было пропустить. Лучше бы пропустил, право слово. Ну, подумаешь, решили его судьбу, обручили за глаза с какой-то глупой малявкой. Мог бы хоть в самый день помолвки узнать – всё равно его спрашивать никто не собирается!

– Не стойте тут, вашмилсть, и так тесно, – гаркнул старший пастух Петро, бесцеремонно отпихивая хозяйского сына в сторону. А что тут такого, подумаешь – благородного в сторону пихнуть! Овцы важнее, конечно, уж если не важнее благородного, то важнее Адриана – точно... ну, может, и не важнее. Скорее, такие же. Их ведь тоже никто не спрашивает, когда гонит в загон, или на случку, или на убой.

Адриан закусил нижнюю губу, предательски задрожавшую, и пустился бегом вокруг донжона, расталкивая овец, мимо колодца, всё равно куда, только бы подальше, подальше отсюда, ото всех...

...И, завернув за угол, с размаху влетел в крепкие объятия Анастаса.

– Пусти! Пусти, говорю! – кричал Адриан, вырываясь, хотя это и было совершенно бесполезно: брат был на сажень шире его в плечах, а макушка Адриана едва доставала ему до подбородка.

– Ш-ш, братишка, тише.

– Пусти, сказано! – снова крикнул тот, на сей раз с подозрительной дрожью в голосе, и тут же испуганно смолк. Ну да, разреваться посреди двора, на глазах у челяди – только этого ему для полного счастья сейчас и не доставало.

– Угомонился? Молодчина. Ну-ка пойдём, потолкуем, – сказал Анастас и, обхватив младшего брата рукой за плечи, повлёк в заднюю часть замкового двора, к кузнице. Там сейчас было совсем пусто – хозяйственные постройки громоздились у восточной стены, и только далёкая суматоха у главных ворот нарушала тишину – ну да ещё храп часового у калитки возле северной башни. В другое время Анастас сделал бы старику-стражнику нагоняй, но теперь было не до того.

– Сядем-ка, – сказал он и плюхнулся на поваленную колоду, громоздившуюся у стены. Адриан остался стоять, хмуро глядя в сторону. Теперь можно было убежать, но он понимал, что это выглядело бы глупо. Да оно с самого начала выглядело глупо, понял он наконец и залился краской. Анастас сделал вид, будто ничего не заметил, и повторил, с мягкостью, которой Адриан никогда в жизни не слышал ни от кого, кроме него:

– Ну садись, говорю.

Адриан сел на колоду на расстоянии вытянутой руки от брата, опёрся на расставленные колени. Ладно, пусть его, удирать он больше не станет, но и разговаривать тоже не собирается. Хочется ему сидеть, ну, они посидят, и только.

Анастас полез за пояс, вытащил трубку, не спеша набил и раскурил её. Затянулся, с видом крайнего блаженства пустив облачко дымка. Адриан покосился на него. Анастас чуть заметно подмигнул ему.

– Отец же не велит тебе смолить, – резко сказал Адриан.

– Не велит, – согласился Анастас. – Только он ведь меня сейчас не видит.

– А ты там знаешь, видит или нет?

– Ну, я надеюсь, что нет, – хохотнул Анастас и затянулся снова.

– Дай мне, – попросил Адриан. Он и раньше просил, каждый раз, когда заставлял Анастаса с трубкой, и всегда получал одинаковый ответ.

– Даже не думай.

– Но почему? – выпрямившись, спросил Адриан. – Почему тебе можно, а мне нельзя?

«Ты мал ещё», – отвечал обычно на это Анастас и, смеясь, ерошил волосы Адриана в ответ на его глухое предупреждающее рычание, а дальше за этим обычно следовала хорошая дружеская драка. Но сейчас Анастас так не сказал, и не улыбнулся, только затянулся снова, еще глубже.

– Я не знаю, – сказал он наконец, и Адриан вскинулся от удивления.

– Что?

– Не знаю, почему. Правда. И сам тем же вопросом задаюсь... иногда. Почему мне можно то, чего нельзя тебе. Мне, и Ричарду, и Алисии. С младшими-то понятно – они младшие. А ты...

– А от меня избавиться только рады, – закончил Адриан, и тут же понял, что не стоило этого делать – нижняя челюсть снова задрожала, и ему пришлось крепко-крепко стиснуть зубы. Брат, к счастью, на него в тот миг не смотрел – или ловко притворялся, будто не смотрит.

– Не избавиться, нет... Просто с тебя больше спрос. И я не знаю, отчего.

– Так отца бы спросил, – с горечью сказал Адриан.

Анастас посмотрел на него. Очень ясно и открыто.

– Я не могу его о таком спросить, Адо. Прости.

А ещё он единственный среди всей родни называл Адриана уменьшительным именем. Мать так его называла, пока ему не исполнилось три года, а потом перестала. Почему – Адриан тоже не смог бы её спросить, поэтому он понял то, что сейчас сказал Анастас, и не стал настаивать.

– Десятилетняя малявка... ужас, – сказал Адриан и обречённо свесил голову. – Наверное, страшная... – неуверенно, с затаенной надеждой добавил он и похолодел, когда Анастас безжалостно качнул головой.

– Не знаю про малышку, но я видел старших Сафларе. Если она уродилась в них, то... крепись.

Адриан свесил голову ещё ниже, так, что болтавшиеся перед носом пряди его светлых волос утонули в пыли. Потом решительно сказал:

– Я сбегу.

Анастас бил его нечасто, вернее, почти никогда – дурашливые потасовки не в счёт, – потому Адриан обалдел вдвойне, кувырнувшись через голову и очутившись на земле с ноющим от затрешины затылком. Ещё через мгновение Анастас встал, сгрёб брата за шиворот и, хорошенько встряхнув, бесцеремонно усадил обратно на колоду. Адриан лишь отметил, ошалело хлопая глазами, что трубку Анастас всё это время сжимал в зубах.

– Сбегу, – процедил Анастас, садясь рядом, и снова повторил: – Сбегу. Я тебе дам – сбегу! Глупый щенок. Хочешь превратиться в шелудивого пса, предавшего собственный клан? Ты хоть понимаешь, что для Эвентри значит союз с Сафларе? Понимаешь или нет? Отвечай!

– Не понимаю, и понимать не... – проворчал Адриан и обиженно взвыл, заработав ещё одну затрещину, впрочем, уже не столь внушительную.

– Так я тебе объясню, – мрачно сказал Анастас, вытряхивая трубку. – Сафларе – свободные бонды. Всё время свары между Фосиганами и Одвеллами они сохраняли нейтралитет. А сейчас, впервые за двадцать пять лет, стали поглядывать в сторону прислужников Молога.

– Отец говорит, что боги не важны, – проворчал Адриан.

– Отец говорит это матери, чтобы сбить с неё спесь. На самом деле боги, которых мы чтим, – отражение того, чем мы стремимся быть. Одвеллы дурны не потому, что чтят Молога. Они чтят Молога, потому что они дурны.

– Сафларе поклоняются богине Аравин, а она – дочь Молога, – возразил Адриан. – Это то же самое, что...

– Вижу, занятия с местром Адуком не прошли для тебя даром, – насмешливо сказал Анастас. – Я в твои годы этого не знал.

– Ну а я знаю, – взъярился Адриан, – и...

– И, – спокойно перебил Анастас, – есть разница между тем, чтобы чтить хитроумную богиню дельцов, и тем, чтобы почитать своим духовным родичем самого Черноголового. Если Сафларе один раз встанут на этот путь, им не повернуть назад. С этой дороги возврата нет, понимаешь, Адо?

Адриан всё ещё не очень понимал, а потому счёл разумным промолчать. Анастас тоже смолк и какое-то время набивал трубку под выразительный храп стражника у стены. Возня у главных ворот вроде бы поутихла, где-то заунывно запела свирель.

– Поэтому, – как ни в чём не бывало заговорил Анастас, будто и не умолкал вовсе, – если сейчас Сафларе отдаст двести своих воинов Одвеллам, обратно он их уже не отзовёт. А двести воинов для Одвелла – это двести воинов против Фосигана.

– И против Эвентри, – сказал Адриан.

Анастас взглянул на него с одобрением и взъерошил ему волосы свободной рукой.

– Ты не дурак, братишка. Ты дураком никогда не был, в том даже наша дражайшая матушка тебя не смогла бы упрекнуть. Если мы сейчас не присоединим Сафларе, это может потом стоить нам дорого... очень дорого.

– Моя жизнь дешевле, дело ясное.

На удивление, Анастас не рассердился – но по его лицу скользнуло что-то такое, чему Адриан не мог подобрать описания.

– Да нет тут речи о твоей жизни, глупыш. Не злись! Ну, подумаешь, делов-то – женишься. Всё равно ведь придётся, рано или поздно. К тому же это не теперь, а только через четыре года. К тому времени обязательно начнётся война, так что пойдём в поход, может статься, аккуратно после твоего венчания. Только и беды, брачную ночь отмучиться, – серьёзно закончил Анастас и с многозначительным видом выпустил дым.

Адриан почувствовал, как невольно заливается краской, и быстро отвернулся. Мальчишки из челяди, его сверстники, уже вовсю бегали ночами на сеновал, назначая там свидания дворовым девушкам. Но сам Адриан никогда ничего такого не делал, да и вообще не очень чётко представлял себе, чем они там, на сеновале, занимаются. Нет, конечно, он видел, как это делают кони и овцы или как петух топчет курицу, но только...

Он почувствовал ладонь брата на своём плече и вскинулся, будто его застали за чем-то непотребным.

– Тебе придётся это сделать, Адо. И мне придётся это принять, как и тебе. Я бы лицемерил, если б сказал, что мне так же нелегко. Но, веришь, брат, если бы я мог тебя заменить в этом союзе – я бы заменил. Только отец не позволит.

– Ага, – сказал Адриан.

Анастас внимательно посмотрел ему в глаза, не убирая руки с его плеча. Потом чуть заметно кивнул и, быстро и почти грубо притянув Адриана к себе, коротко поцеловал его в лоб. Потом оттолкнул.

– Беги. Да отцу на глаза не попадайся сегодня. Я с ним сам поговорю.

– А... ты? – бестолково спросил Адриан.

– А я ещё одну выкурю, если раньше не попалят, – лукаво сказал Анастас и легонько пнул Адриана сапогом по лодыжке. – Пшёл, кому сказано, мелюзга! Шастает тут...

– За мелюзгу бока намну, – мрачно пообещал Адриан. Анастас серьёзно кивнул, принимая вызов.

– Завтра. В полдень. У большого дуба, – зловеще сказал он, и Адриан вскинул руку с раскрытой ладонью, выявляя готовность к бою. Потом они обменялись ухмылками, не сговариваясь; им не нужно было сговариваться, да и говорить не нужно было – они всегда понимали друг друга без лишних слов. Адриан вдруг ужасно удивился тому, как они провели последние четверть часа. Говорили о чём-то, вроде бы даже важном... но он уже смутно помнил, что это было, знал только, что ошибался насчёт Анастаса: брат на его стороне.

Брат всегда на его стороне.

Проскользнуть в детскую спальню незамеченным, к сожалению, не получилось.

– Где ты шлялся? Младшие уже спят! И тебе давно пора быть в постели! – громко сказала Алисия, стискивая плечи Адриана тонкими, но на удивление крепкими руками. Сложением она удалась в мать – длинная и нескладная, словно цапля, уже сейчас выше Адриана почти на голову, но силы в ней было, пожалуй, как в Анастасе. Во всяком случае, Анастаса Адриан в удачный день ещё мог уложить на лопатки, но вырываться из хватки старшей сестрицы было делом совершенно безнадёжным. Поэтому он мог только огрызаться, что и сделал, злясь, что она поймала его:

– Так и не орала бы, раз младшие уже спят. Сама-то чего не спишь?

– Тебя караулю. Вот расскажу завтра матушке, что ты снова шлялся до ночи. С солдатами, небось?

– Не твоё дело, – бросил Адриан, дёргая плечом. Он действительно ошивался возле казарм, когда стало ясно, что утомлённые дорогой пилигримы расположились ко сну. Алисия сварливо вздохнула (Анастас говорил, что Бетани временами изображает матушку, но Алисии её даже изображать не надо – и так на одно лицо) и, выпустив Адриана, подтолкнула его в спину.

– Спать! – прошипела она, закрывая дверь детской. Было уже совсем темно, оставалось не более часа до полуночи. Ночь выдалась ясная, тусклый свет ущербной луны сочился в узкое окно. Зимой в это время суток тут стояла бы совсем непроглядная тьма, но на лето стёкла из окон вынули и ставни держали распахнутыми настежь. Адриан пошёл к своей кровати по белёсой полоске лунного света. Он спал у окна, и в жаркое время года это было здорово – постель продувалась и всегда оставалась приятно холодной. Осенью было похуже, что уж говорить о зиме. «Интересно, – подумал Адриан, – когда я женюсь на девчонке Сафларе, у меня будет своя большая кровать посреди комнаты, как сейчас у старших? А может, даже свои покои? Да почти наверняка! У меня ведь будет жена, а с женой положено уединяться...»

Зря он об этом подумал – немедленно вспомнился весь сегодняшний вечер, гнусный и позорный, и настроение сразу испортилось. Адриан медленно стянул через голову рубашку, разглядывая замковый двор. Окно детской спальни выходило на северную стену – Адриан видел колоду, на которой недавно сидел с Анастасом. Теперь Анастаса там не было... и стоило Адриану так подумать, как он увидел старшего брата, крадущегося вдоль стены. Он сперва глазам своим не поверил: чтобы Анастас – и крался, будто вор?! Но это совершенно точно был он, Адриан хорошо видел в темноте, да и узнать Анастаса смог бы в любую видимость и с любого расстояния. Что же он там делает? Проверяет караул? Но зачем тогда красться?

Анастас остановился у задней калитки, возле которой, скрестив могучие руки на груди, дремал старый Гридо. Протянул руку, осторожно тронул стражника за плечо. Тот мигом вскинулся, завертел головой, но ту же успокоился. Похоже, неожиданная проверка его ничуть не смутила... если только это и впрямь проверка, во что Адриану верилось всё меньше. Анастас что-то сказал, Гридо ответил ему и, поднявшись на ноги, воровато огляделся. Потом загремел ключами, отпирая ход. Адриан смотрел и глазам своим не верил. Старым ходом под стеной, заложенным вместе с самим замком Эвентри, не пользовались, долгое время он вообще был завален, и никто не знал, куда он прежде выводил. Но потом лорд Уильям велел его расчистить, однако место выхода хранилось в тайне, а сама калитка охранялась днём и ночью. Толстая стальная дверь, сквозь которую можно было пройти лишь одному человеку, и то согнувшись, отпиралась только изнутри, и проникнуть через неё в замок снаружи было немногим проще, чем через главные ворота, да и на время осады её заваливали кирпичом. Однако, судя по всему, Анастас всю жизнь пользовался этим ходом, причём явно не в первый раз...

Старый Гридо закрыл за Анастасом калитку и – Адриан вновь отказывался верить глазам – не стал её запирасть! Снова огляделся, пробормотал что-то себе под нос и уселся на место, видимо, собираясь досмотреть прерванный сон.

Это на случай, если он уснёт слишком крепко, понял Адриан. Анастас вернётся в замок, видимо, до рассвета, и тем же ходом, каким ушёл. Иначе...

– Адриан! Что ты встал там столбом? Ложись наконец! – громким шепотом сказала Алисия. Бертран обиженно застонал во сне, заворочался, шурша сползающим одеялом. Адриан забрался в постель, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок, рассеянный надвое косой линией лунного света. Алисия ещё какое-то время ворочалась в своей постели у двери. Потом всё стихло, только сверчок стрекотал под половицей.

– Адриан, – прошептала Бетани.

Адриан напрягся. Потом усилием воли заставил мышцы расслабиться.

– Адриан, ты спишь?

– Чего тебе? – так же шепотом спросил он.

– Ты отца видел?

– Нет.

– А я видела. Он меня отругал за тебя, за то, что ты подслушивал!

– Ты и сама подслушивала.

– Ну да, а если б ты не заорал, никто нас и не заметил бы. А так я за нас двоих огребла, ещё и за то, что Бертрана привели.

– Это ты Бертрана привела! – свирепея, сказал Адриан. – Я говорил, чтоб ты его оставила, да и сама не совалась!

– Опять ты кричишь, – возмутилась Бетани. Алисия застонала во сне. Бетани умолкла, потом продолжила, снова шепотом: – Нам вечно влетает из-за тебя.

Адриан отвернулся к стене и ткнулся в неё лбом, подтянув колени к груди. Право слово, а может, и не так плохо, что скоро всё поменяется. Для девчонки Сафларе он будет мужем... А муж – это хозяин. Это господин, которого надо слушаться. И пусть только попробует пойти ему наперекор...

– А Анастас тебя ещё и защищал, – продолжала тихо возмущаться Бетани. – Не надо, говорит, батюшка, я сам с ним поговорю! Ну, поговорил?

Адриан промолчал.

– Поговорил? – настойчиво повторила Бетани.

– Ну, – буркнул Адриан.

– И что?

– Ничего. Не твоего ума дело. Спи давай, шмакодявка, деткам давно пора баиньки.

– Поня-ятно, – протянула Бетани.

Адриан резко повернулся в постели. Бетани лежала на спине, раскинув руки поверх одеяла. Её светлые кудряшки разметались по подушке.

– Что тебе понятно?

– Понятно, что из тебя делают дурачка, а тебе нипочём. А впрочем, и впрямь нипочём, ты дурак и есть...

– Что ты несёшь?

– Анастас тебе говорил что-то про честь клана, верно? Про сыновний долг... ну, вроде как то, о чём ему батюшка тогда толковал? Да?

– И что? – напряжённо спросил Адриан.

– А то! Ты думаешь – почему он батюшке так покорен? Потому что знает, что батюшка поперёк его блага не пойдёт. Видишь, как – у Сафларе двадцатилетняя дочь, но Анастаса на ней женить не стали. Вот ему-то легко болтать о сыновнем долге. Женюсь, батюшка, никак не пойду против вашей воли, – передразнила Бетани недавние слова Анастаса – и, вынужден был признать Адриан, передразнила очень похоже. – А сам-то сейчас, небось, побежал на свидание к своей девице в деревню!

– Какой девице?

– А ты не знал? У него зазноба в долине. Доярка какая-нибудь или пастушка, – Бетани хихикнула и картинно вздохнула, будто в восхищении. – Подумай, Адриан, как романтично! Он знает, что отец никогда не позволит такого союза, и тайно встречается с ней за замковой стеной по ночам... Делает, словом, что ему хочется. Такому-то легко рассуждать о сыновнем долге, когда его выполнять другим!

Адриан перевернулся на спину. Его руки, лежавшие поверх одеяла, были сжаты в кулаки. Он попробовал разжать их и понял, что не может.

– Вот такой он, твой ненаглядный Анастас, – с обидой сказала Бетани. – Ну да ничего, рано или поздно батюшка всё узнает, и тогда ему влетит тоже, как мне сегодня за тебя. Вечно одна беда от вас, мальчишек!

«Тебе придётся принять это, Адриан, – сказал Анастас сегодня, глядя на него печально и серьёзно. – И тебе, и мне, хотя, видит Гилас, если бы я мог занять твоё место...»

– Адриан, ты что, уснул?

«...я бы сделал это. Принял бы мученичество во имя блага клана, пожертвовал бы собой... если бы да кабы. А пока что я бегаю к своей девчонке за замковую стену, а ты, дурак этакий, слушай мои побасёнки да лапшу покрепче на уши мотай!»

– Я не вру, – сказал Бетани и, насупившись, отвернулась, положив конец ночной болтовне.

И что хуже всего – Адриан знал, что она не врёт.

Он лежал в постели очень долго, совсем потеряв счёт времени. Месяц ушёл за угол донжона, темень стала почти непроглядной. Замок Эвентри погрузился в сон.

И тогда Адриан встал, оделся, беззвучно прокрался мимо постелей сестёр и брата и выскользнул за дверь.

В караулке внизу коптил факел, и Адриан прополз мимо неё на четвереньках, не дыша и молясь, чтобы никто из лениво переговаривавшихся стражников не бросил взгляд в его сторону. Пронесло – и через минуту, пробравшись мимо спавших впопалку на сеновале пилигримов, он уже был на заднем дворе.

Оставалось самое сложное. Хотя это с какой стороны посмотреть – то, что ему удалось зайти так далеко, уже ободряло и придавало решимости.

Старый Гридо храпел на табурете у железной калитки, свесив голову на плечо. Спал он, однако, чутко – это Адриан знал. Связка с ключами болталась у него на поясе. Адриан остановился и сглотнул. Ему стало холодно – ночной ветерок выдался свежим и пробирал до самых костей. Поёжившись, Адриан медленно наклонился вперёд, вытягивая руку с растопыренными пальцами и стараясь, чтобы она не дрожала. Он видел, как это делал Анастас пару лет назад, когда они как-то своровали у дремлющей поварихи ключ от кладовой, где были до праздника Эоху заперты всякие сладости. Адриан тогда стоял в дверях, следя, чтобы никто не прошёл, а Анастас встал от поварихи в полушаге и вытянул руку, унимая дрожь. И Адриан смотрел на его пальцы как замороженный, будто в мире ничего лучше и прекраснее тогда не было, смотрел, как рука Анастаса медленно, очень медленно касается связки, потом подцепляет её и тянет вверх, очень медленно, очень спокойно, без единого звука...

Они тогда пробрались в кладовую и налопались орехов и цукатов так, что у Адриана три дня болел живот. Анастаса, как старшего и зачинщика, посадили на хлеб и воду, но он всё равно был ужасно доволен – не столько марципаном, сколько удавшейся вылазкой.

Адриан почувствовал, что улыбается, думая об этом, и вдруг застыл, испугавшись того, что собирается сделать. Но потом он вспомнил, как Анастас пускал табачный дымок в небо, щурясь и серьёзно глядя Адриану в глаза, а потом – как он крался вдоль замковой стены, как хлопал старого Гридо по плечу... И страх ушёл, будто не бывало, сменившись холодной решимостью.

Рука Адриана медленно, очень медленно коснулась связки, потом подцепила её и потянула вверх, очень медленно, очень спокойно, без единого звука.

Гридо продолжал храпеть, свесив в голову на плечо.

Адриан крепко стиснул ключ от задней калитки в кулаке. Несколько мгновений стоял пошатываясь, сам не веря в успех. Потом быстро сунул связку за пояс сзади, одёрнул сверху рубаху и со всей силы врезал Гридо по плечу.

– Не спать, солдат! – рявкнул он, подражая Анастасу. – Что за вольность на посту?!

Стражник мгновенно распахнул глаза, такие ясные и внимательные, что Адриана бросило в дрожь. А ну как он и не спал вовсе, а только притворялся, чтобы поймать вора?! Но через мгновение на морщинистом лице старика проступило смущение.

– А, милорд Адриан, ваша милость, – пробормотал он, неуклюже выпрямляясь. – Вино-ват, задремал.

– Тебя в караулку кличут. Бегом, – сурово сказал Адриан, сведя брови.

– Да ну? – удивился старик. – И вашу милость с постели подняли, чтоб мне доложить?

Адриан открыл рот и закрыл его, так и не придумав, что ответить. Он почувствовал, что краснеет, и, хотя в темноте это наверняка не было заметно, уже счёл свою затею полностью проваленной, когда старый Гридо с кряхтеньем поднялся и стиснул плечо Адриана, но не грубо, а сочувственно.

– Эх, малыш, вовсе не жалеют они тебя, – тихо сказал он и зашагал в сторону караулки, чуть припадая на правую ногу – засидел, должно быть, со сна. Адриан смотрел ему вслед несколько бесконечно долгих мгновений, которые не имел права терять. Едва старик растаял во тьме, он опомнился и бросился к калитке.

Она действительно была не заперта.

За дверью, подавшейся с тугим скрипом, зияла тьма. Из тьмы тянуло сквозняком, слабо, чуть ощутимо, – ход, видимо, шёл почти прямо и выводил на поверхность совсем недалеко от крепостного рва. Адриан прикрыл глаза, и воображение нарисовало ему склон холма, блестящий огоньками пастушьих костров, и деревеньку Дубовая Роща, темневшую далеко внизу. Где-то там, на сеновале, его старший любимый брат Анастас сейчас тратит свою жизнь так, как ему хочется, а не как будет лучше для клана. Он там, ему тепло и весело в девичьих объятиях. А Адриан – здесь. Возле двери, стоит и смотрит во тьму.

Адриан шагнул назад и захлопнул калитку.

Железо громынуло о косяк. Адриан подскочил на месте и заозирался, будто загнанный заяц. Но страх его был безоснователен – вроде бы никто ничего не услышал. Поспешно вставив ключ со связки в замок, Адриан непослушными руками повернул его, что удалось не сразу. Потом запер второй замок, что висел пониже первого. Воровато обернулся, не спешит ли обратно старый Гридо, обнаруживший обман – и ткнулся взглядом в стену кузницы, неподалёку от которой они с Анастасом сидели вечером.

Хорошенько прицелившись, Адриан замахнулся и забросил связку с ключами от задней калитки на крышу кузницы. Ключи тяжело громынуло о деревянный настил, потарахтели и, зацепившись за что-то, застряли.

Не оглядываясь, Адриан стремглав кинулся вокруг замка, против направления, в котором отправил Гридо. Он представил, что будет, когда старик, обнаружив обман, вернётся на свой пост, потом обнаружит, что дверь заперта, хватится ключей – и крепко зажмурился на бегу.

Пробираясь в спальню, он дышал глубоко и часто, так шумно, что его должны были слышать на весь замок, но почему-то не слышали. Сердце колотилось в груди, как бешеное, а губы растягивала нелепая, дикая ухмылка, хотя на душе было совсем не радостно. Так-то, Анастас! Попробуй-ка, вернувшись до рассвета, проникнуть в замок привычным путём – а вот тебе! Нет уж, милый братец, будь любезен утром постучаться в главные ворота, как все честные люди, а после объясни батюшке своё ночное отсутствие. Не только другим за тебя отдуваться, хватит уже...

«Да я и прежде за него не отдувался, – подумал Адриан. – Вот хотя бы с теми цукатами – наказали ведь его, а не меня, потому что я тогда заболел... И за драки наши тоже всегда отчитывали Анастаса, как старшего... а меня не ругали даже. Меня просто не замечали. Что есть Адриан, что нет его. И даже теперь, на вчерашнем совете, – вспомнили в самую последнюю очередь, и то лишь для того, чтобы продать с потрохами клану Сафларе. Других-то жалко, а Адриана не жалко. Верно старик Гридо сказал сейчас – не жалеют они меня, вовсе не жалеют!

Адриан остановился и привалился спиной к стене. Яростно вцепился зубами в костяшки пальцев. Вспомнил звук, с которым ключи оседали по крыше кузницы, цепляя деревянные заусеницы на досках. Потом выпрямился и твёрдым шагом пошёл в детскую.

У двери он замер, вслушиваясь. Кажется, его отлучку никто не заметил – иначе Алисия уже подняла бы крик. Адриан удовлетворённо улыбнулся и протянул руку к двери.

Но прежде чем он успел коснуться её, кто-то схватил его сзади.

«Всё-таки поймали! – в панике подумал Адриан, и ещё в его голове успели мелькнуть имена возможных соглядатаев: Алисия, Ричард, отец... а может, даже Анастас. – Что если он вернулся прежде, чем я запер калитку? Хотя нет, Анастас никогда не схватил бы меня так грубо... и так больно... что ты делаешь,пусти...»

– Что ты де... – начал Адриан, и чья-то большая, жёсткая от мозолей ладонь накрыла и зажала его рот.

Адриан глухо вскрикнул и тут же ощутил, как земля уходит из-под ног. Он попытался отодрать эту жуткую руку от своего лица, но тут другая рука схватила и сдавила его горло.

«Что это такое, я же ничего не сделал, я не знаю ничего, Анастас!» – подумал Адриан Эвентри и впервые в жизни потерял сознание.

И ведь ничего бы не было, если бы не Бетани и если бы он не спустился закрыть калитку.

2

Адриану нечасто доводилось ездить на телегах – а точнее, только один раз, давным-давно, когда он ещё был совсем мелкий и всюду бегал за Анастасом, а Анастаса тянуло в долину, к деревням, хотя отец запрещал ему ошиваться там без дела. Однажды кто-то из крестьян, возвращавшийся с сенокоса, прокатил их на телеге, и они всю дорогу кувыркались в душистом сене. Анастаса потом, конечно, наказали, и если он после и бегал тайком в деревню, то без Адриана, один.

Он и сейчас был в деревне, без Адриана, а Адриан трясся на раздолбанной колымаге, катившейся по грунтовой дороге вниз с холма. Только душистого сена на сей раз тут не было.

Адриан приподнялся на руках, стараясь удержать равновесие, что было мудрёно в широко раскачивавшейся телеге. У него болела голова, першило в горле, на зубах скрипела какая-то дрянь. Адриан сплюнул несколько раз, прямо себе под руки, но легче не стало. В глазах немного прояснилось, но толку от этого было чуть – луна зашла за облака, и кругом стояла непроглядная ночь. Деревья пролеска неслись мимо, и только стучали колёса телеги да всхрапывала лошадь.

Адриан сел и тут же повалился набок от резкого рывка. Под руками захрустело, в ладонь впилось что-то острое. Адриан отдёрнул руку и уставился на неё, растерянно моргая. Руки, да и весь он, перемазались чем-то сухим и чёрным, этим же сухим и чёрным было усыпано днище телеги.

«Да это же уголь. Я в телеге угольщика!» – понял Адриан, и с этой мыслью память вернулась к нему окончательно. Он вспомнил схватившие его жуткие руки, ещё более жуткую темноту, в которую они его швырнули, и снова ощутил панику. Обернувшись, Адриан посмотрел на козлы телеги, где сидел возничий, и увидел тёмную согнутую фигуру, взмахивавшую кнутом. Если этот человек и услышал возню Адриана, то виду не подал, но хотелось верить, что он всё ещё считает, будто его пленник лежит без сознания. Затравленно озираясь, Адриан отполз к краю телеги. Задний бортик был поднят, и беззвучно соскользнуть с досок никак бы не получилось – оставалось только прыгать. Телега шла ходко, и когда Адриан заглянул за борт, от беспорядочного мельтешения внизу камней и палых веток ему стало страшно. Но оставаться в набитой углём телеге за спиной у жуткого человека было ещё страшнее, поэтому Адриан приподнялся, схватился обеими руками за бортик и, набрав полную грудь воздуха, как перед нырком, подался вперёд...

Падая, он слышал дикое ржание резко осаженной лошади, заглушившее его собственный короткий вопль. Телега дёрнулась, отчасти погасив инерцию падения, но Адриан всё равно кубарем прокатился несколько ярдов и ткнулся головой в траву. Несколько мгновений он просто лежал, не смея пошевелиться и гадая, что именно и в скольких местах себе сломал, однако когда крепкие руки вздёрнули его на ноги, завопил скорее от неожиданности и страха, чем от боли.

– Ты цел? Цел, спрашиваю? – повторял отрывистый мужской голос, но Адриан только шумно всхлипывал без слёз, совершенно одурев от страха.

– Цел или нет?! – крикнул ему человек в самое ухо, и Адриан, подскочив, выдохнул:

– Цел!

После чего немедленно получил тяжёлую, будто удар обухом, оплеуху.

– Малолетний идиот! Ты в своём ли уме? Если бы я лошадь не осадил, ты костей бы не собрал! – рывкнул мужчина и с силой толкнул Адриана в загривок. – А ну пошёл! Залезай обратно. Живо!

Адриан глубоко вздохнул, тряхнув гудящей головой – рука у незнакомца была тяжёлая. Самого человека Адриан по-прежнему не мог разглядеть – только видел, что он одет в какое-то рубище, какое обычно носят самые бедные простолюдины, и вымазан в саже с головы до пят.

Адриан сделал шаг, потом другой. Незнамец по-прежнему стоял у него за спиной, но больше не держал. Тогда, понимая, что другой возможности может и не быть, Адриан сорвался с места, как заяц, и кинулся в заросли у дороги.

– Молог, сжался! – выдохнул мужчина, и уже через несколько мгновений сгрёб Адриана в охапку, прижимая беглеца к земле и предоставляя сколько угодно барахтаться в его медвежьих объятьях.

– Слушай, парень, угомонись, – сказал угольщик. – Я не хочу быть грубым, но если мне придётся тебя связать, ты сам будешь виноват.

Адриан испуганно застыл, перестав вырываться. Так дело не пойдёт: пока он свободен в движениях, у него ещё остаётся шанс удрать, а связанным далеко не убежишь.

– Вот и молодец. Вставай, мы и так потратили время попусту. Впрочем, раз уж ты очнулся... вставай, говорю.

Мужчина встал сам и протянул Адриану руку. Тот поднялся, даже не поглядев на неё.

– Кто ты такой? Чего тебе от меня надо?

– Будет ещё время наболтаться. Иди пока сюда. Вот, – мужчина пошарил на дне телеги и швырнул Адриану какое-то тряпье, которое тот машинально поймал на лету. – Надевай это, и поживей.

– Это что такое? Что за рваньё?..

– Верно, это рваньё, которое ты сейчас наденешь. Третий раз я повторять не стану.

Что-то в голосе незнакомца полностью убедило Адриана, что это чистая правда. Неохотно стягивая с себя одежду, в которой выскочил в замковый двор, Адриан подумал, что этот угольщик говорит явно не как угольщик, да и руки у него явно привыкли скорее вышибать дух из врагов, чем раздавать затрещины нерадивым подмастерьям. И в плечах – косая сажень... ещё увидеть бы лицо, но как раз лица было совершенно не разглядеть.

Натянув штаны и рубаху, которые дал ему незнамец, Адриан неуклюже прижал к груди свою дорогую и до недавнего чистую одежду.

– Дай сюда, – сказал мужчина и отобрал у него одежду прежде, чем Адриан успел что-то сказать. – Пригодится ещё. Теперь полезай в телегу.

Адриан подчинился.

– Теперь, – уже немного мягче продолжал незнамец, – набери полную пригоршню угля и как следует им умойся. И не забудь поваляться по дну – ты должен выглядеть так, будто всю жизнь провёл в угольной яме.

– Зачем? – хмуро спросил Адриан.

– Затем, что мы с тобой угольщики, а угольщикам положено быть чернее Молога, – почти весело ответил мужчина и запрыгнул на козлы. – Ещё четверть часа, и доедем до деревни, а там встанем в каком-нибудь сарае на ночлег, что тоже положено честным угольщикам. – Он закинул хлыст на плечо и, полуобернувшись, добавил: – И помни, о чём я тебя предупреждал. Без фокусов, иначе пожалеешь.

Телега, тяжело качнувшись, тронулась. Адриан какое-то время сидел, упираясь ступнями в борт. Грубая ткань рубахи царапала тело, хотелось пить, головная боль не отпускала. Просто так сбежать не удастся, это он уже понял: этот мужик сильнее и быстрее его, и шутить явно не расположен, несмотря на затеянный маскарад. Что это маскарад, Адриан уже не сомневался: очевидно, неизвестный похититель был угольщиком не больше, чем его пленник. За десять минут он по меньшей мере трижды помянул Молога, имени которого суеверные крестьяне чураются больше, чем прокажённых... Ох, не к добру всё это, совсем не к добру.

Однако пока что приходилось смириться и выждать. Исчезновение Адриана наверняка будет замечено с рассветом: Алисия, как всегда, проснётся первой и сразу поднимет крик. Отец снарядит погоню, и на вечерней заре голова загадочного мологопоклонника украсит пику на замковой стене. Лорд Эвентри мог любить Адриана меньше, чем других своих детей, но коль дошло до такого оскорбления, как похищение члена семьи прямо из родового замка, месть его будет скорой и страшной. Стало быть, только и оставалось, что стиснуть зубы и притвориться паинькой, хотя за недавнюю оплеуху Адриан затаил на неизвестного глухую и глубокую обиду.

Вспомнив о последнем приказе незнакомца, Адриан зачерпнул ладонями уголь, немного подержал, перебирая крошащуюся массу, потом поднёс к лицу и осторожно размазал. Ощущение было странное: сажа сыпалась, а там, где оседала, стягивала кожу, но тут Адриан представил, будто матушка видит, что он сейчас сделал – и ему заложило уши от её воображаемого крика. Немедленно по рукам бы надавала и потащила к колодцу мыться – где это видано, чтобы сын благородного лорда в саже вымазался, будто угольщик какой! Адриан обнаружил, что улыбается, да не просто так, а во весь рот. Вот дурак, а? Его похитили и заставили обрядиться чучелом, а он и рад. Нет, рад он не был, конечно... и сердце гулко билось в груди, но уже не от страха (когда Адриан обдумал ситуацию и её единственно возможное разрешение, страх ушёл, как не бывало), а от восторга – того самого, который обуревал его, когда они с Анастасом удирали из дому и дурачились на воле, упиваясь недолгими минутами сладостной вседозволенности...

Движимый необъяснимым порывом, Адриан нагнулся, зачерпнул ещё сажу, погуще, с самого дна, и обильно вымазал ею лицо и руки. Потом кинулся на доски и несколько раз перевернулся со спины на живот, стараясь как следует извозить одежду. Наконец, усевшись снова у бортика телеги, вздохнул, и в этом вздохе прозвучало такое глубокое удовлетворение, что, кажется, даже неизвестный мужчина его почуял – и обернулся.

– Сделал? Молодец. Я знал, что ты не дурак.

Хорошее настроение моментально улетучилось.

– Не дурак, ага, – угрюмо отозвался Адриан. – Я это вчера уже слышал.

– Правда? – спросил мужчина, и голос его звучал странно – словно он улыбался. – И от кого же?

– Ни от кого, – буркнул Адриан и нахмурился, услышав то, что показалось ему приглушённым смехом.

– Почти приехали. Потерпи немного, – сказал мужчина, хотя Адриан вовсе не торопился никуда приезжать.

– А тебя как звать-то? – спросил он, хотя, конечно, это не имело никакого значения. Он ждал в ответ окрика или грубости, но, к его изумлению, мужчина ответил:

– Том.

– Том? И всё?

– И всё.

– Так только простолюдинов зовут.

– Я и есть простолюдин.

– Ага, ври больше, – проворчал Адриан, поворачиваясь на бок. В телеге, если приноровиться, можно было устроиться почти уютно. Адриан понял, что хочет спать, но тут человек, назвавшийся Томом, произнёс негромкое «тпр-ру», и телега остановилась.

– Просыпайся, Тобо. Кстати, тебя теперь зовут Тобо.

– С чего бы это?! – возмутился Адриан.

– Потому что я так сказал. Вылезай, живо. И возьми кобылу под уздцы.

Они подъехали к одной из деревенок, прилепившихся к подножию холма, на котором стоял замок Эвентри. Всего таких деревенок было четыре. Адриан бывал только в одной, и то – давным-давно, так что узнать его тут никто бы не смог, даже если бы он не вымазался в саже

с ног до головы... Если бы только именно в этой деревне жила подружка Анастаса! От этой мысли Адриан встрепнулся. Вот бы столкнуться сейчас с братом! А уж он-то узнает Адриана, хоть бы тот по уши в болоте сидел, в этом Адриан был уверен.

Анастас-то узнает – но что, если Анастаса здесь нет? Впервые Адриану пришло в голову, что в идее испачкать лицо сажей не было ничего такого уж хорошего. Он запоздало провёл рукой по щеке, но, поскольку руки тоже были выпачканы, только размазал грязь.

– Пошли. И, что бы ни случилось, ни звука. Говорить буду я, – спокойно сказал Том и, взяв лошадь под уздцы с другой стороны, зашагал вперёд.

Деревня, как и замок, давно лежала в глубоком сне, но над дверями корчмы ещё горел огонёк, высветляя вывеску в виде пенящейся пивной кружки. Внутри тоже светилось, хотя и неярко, а из-за прикрытой двери доносились хмельные голоса припозднившихся посетителей.

Том постучал в дверь кулаком – коротко и твёрдо, как человек, привыкший, чтобы ему отпирали по первому требованию. И впрямь отперли, хотя в фигуре и лице хозяина, окинувшего гостей неодобрительным взглядом, было крайне мало дружелюбия.

– Доброй ночи, мил человек, – сказал Том; он старался говорить простецки, но всё равно выговаривал слова слишком чётко, не сглатывая окончания на манер крестьянского говора, а будто героическую песню читая. – Не надо ли угля?

– После полуночи-то? Нет, не надо, – сказал корчмарь. – Завтра приходи.

– Нам с сыном переночевать негде. Мы с Шементонской ярмарки едем, до ночи не успели к деревне добраться. У меня ещё восемь мер угля осталась от продажи – не выменяешь ли на хлеб и кров?

– Что, не удалась ярмарка? – усмехнулся корчмарь.

– Бывало и лучше, – мрачно сказал Том, будто и впрямь был более всего на свете озабочен сбытом угля. – Так что, по рукам?

– В сарае ночуйте. Тут вы мне перепачкаете всё, жена ор подымет. А в сарае как раз кожевник с подмастерьем спят, тоже с ярмарки. Вони от них... ну, словом, разберётесь там как-то. Лошадку твою я распрягу. Сарай вон там.

– Спасибо, мил человек, – душевно поблагодарил Том и взял Адриана за руку. Тот как раз озирался, выглядывая пути к бегству. Как назло, всей деревеньки было – шесть дворов, ни закоулков тебе, ни поворотов, а пролесок остался позади, да и месяц снова вышел из-за облака, озарив долину, – никак не спрячешься. Том направился к сараю, и Адриан пошёл за ним, кривясь от боли в будто тисками сжатой руке.

Дверь сарая отворилась со скрипом, в нос ударило сильной смесью прелого сена, кож и немых тел.

– Потеснитесь, люди добрые, принимайте соседей, – сказал Том, проталкивая Адриана внутрь.

– Ну, чего ещё? – заворчал кто-то из темноты, затем раздалось движение и шуршание – сонные кожевники передвигались в глубь сарая.

– Устраивайся, Тобо, я у двери лягу, – сказал Том.

«Ну ещё бы, – подумал Адриан, опускаясь на пол. – Небось и ногами её подопрёшь, чтоб я за ночь не сбежал». Тяжело вздохнув, он упал в сено, не столь мягкое, как хотелось бы, но почему-то даже более удобное, чем его постель в замке. «Ну и приключеньице на мою голову», – и он нервно хохотнул в кулак.

В тот же миг тяжёлая рука легла ему на плечо. Не схватила, просто сдвинула на несколько мгновений, будто предупреждая. А, да, он же сказал: ни звука.

«Это та самая рука, которая меня чуть не задушила в замке всего несколько часов назад, – понял Адриан. – И пощёчину мне влепила ни за что ни про что – будь здоров. Да о чём я вообще думаю?! Этот тип через слово поминает Молога! А ну как он меня на жертвоприношение какое везёт? Отведёт завтра в пролесок да прирежет там втихую – с него станется!»

Адриан лежал, окаменев от этих запоздалых, но таких очевидных предположений. Том, ошибочно истолковав его поведение и приняв неподвижность за проявление покорности, убрал руку. В полумраке Адриан видел его силуэт, ворочавшийся у двери.

Дверь открылась, в сарай полыхнуло светом от подвесного фонаря, который держал в руке корчмарь.

– Эй, угольщик, я хлеба вам принёс. Тебе и сыну твоему.

– Спасибо, мил человек... – сказал Том, и тут Адриан, сев, закричал:

– Я ему не сын! Я Адриан Эвентри, сын вашего лорда! Этот человек меня похитил, помогите мне, доложите отцу!

Он ждал чего угодно – новой пощёчины, удара, даже смерти. Но вместо того чтобы ударить его или ещё как-то выдать, что преступление раскрыто, Том обернулся, мягко обхватил Адриана за плечи и, притянув к себе, потрепал по голове.

– Простите, добрые люди, – сказал он корчмарю и окончательно проснувшимся от всей этой суматохи кожевникам. – Я говорить не хотел, чтоб вас не тревожить. Мой сын, он... придрюковат немного. Дурачок, одним словом. Вообще-то он тихий, молчит больше, но если устанет, начинает порой городить ахиною. А так он безобидный.

– Да вижу, – сказал корчмарь, неодобрительно глядя на Адриана, онемевшего от такой невообразимой наглости, а ещё больше – от невозмутимости похитителя. – Только ты, угольщик, смотри, как бы он в присутствии благородных чего-нить такого не ляпнул. Так недолго и языка лишиться дурачку твоему.

Он бросил Тому две хлебные краюхи и, не дожидаясь ответа, захлопнул дверь.

– Во даёт пацан! – сказал кожевник – не тот, что бранился, а другой, молодым голосом. – Сын ихнего лорда! И часто он себя лордёншом воображает?

– Когда лордёншом, – печально отозвался Том, – когда бродячим актёром... бывает, что и котом. В минувшем месяце и вовсе прикинулся скамьёй и целый день простоял на четвереньках. Пришлось поливать холодной водой, чтоб опомнился.

– Ишь ты, – удивлённо сказал молодой кожевник. – Да, видать, совсем сдвинутый.

– А всё ж сын родной. Единственный. Жена и остальные детки от оспы померли, один он крохой остался.

– Поганая штука – жизнь, – проговорил старший кожевник. Похоже, он, как и его подмастерье, безоговорочно поверил в эту дикую историю.

– Не без того, – согласился Том.

Адриан сидел, всё ещё не в силах двинуться с места. Он знал, конечно, что в таком виде его никто не узнает, но и подумать не мог, что ему не поверят, если он позовёт на помощь.

– Держи, Тобо, – сказал Том.

Адриан посмотрел на него и увидел только глаза, блестящие в темноте. А потом – руку, протягивавшую краюху белого хлеба.

Конечно, Адриан не собирался спать – хотел только выждать, пока уснёт его сторож. А чтобы притупить бдительность Тома, свернулся в сене, прикидываясь спящим, закрыл глаза для пушей убедительности... и всего через несколько мгновений удивлённо распахнул их и тут же зажмурил от яркого света, пробивавшегося сквозь прорехи в стенах сарая.

– Поднимайся, Тобо, сколько дрыхнуть-то можно? Дорога не ждёт.

Адриан сел, ошалело моргая и пытаясь понять, что происходит. А ничего, собственно, не происходило – всего лишь наступило утро, и Том стоял над ним, загораживая собой вход. Адриан вскинул голову и попытался всмотреться ему в лицо, но ничего толком не смог разглядеть со сна.

– Сам пойдёшь или волоком? – спокойно спросил Том.

Адриан мигом вскочил на ноги. Том коротко усмехнулся и, отвернувшись, вышел из сарая. Адриан, поколебавшись, пошёл за ним. Кожевник со своим подмастерьем всё ещё хранили в сене.

Телега уже стояла во дворе, запряжённая всё той же кобылой, лениво дожёвывавшей овёс. Том пошёл прямо к ней, будто нимало не заботясь, что происходит у него за спиной. Адриан быстро осмотрелся, всё ещё не теряя надежды сбежать. Стояло раннее утро, совсем раннее – Том поднял его до первых петухов. Народу вокруг не было – в корчме хозяин стучал посудой, но на его помощь рассчитывать было нечего. Через час или два крестьяне пойдут на сенокос, и кто-то из них узнает в мальчишке-угольщике сына здешнего лорда... да только к тому времени, когда они проснутся, Том уже увезёт его отсюда.

– Вот мошенник! – вполголоса ругнулся Том, и Адриан вздрогнул от страха, всерьёз поверив, что этот человек читает его мысли. – Весь уголь выгреб подчистую, только что доски не выскоблил. Эх, ладно... Полезай, Тобо.

Адриан в отчаянии бросил через плечо последний взгляд – и остановился.

Между сараем и колодцем, у самой дороги, на земле сидел человек. С виду он был взрослый мужчина, почти пожилой, но вёл себя подобно пятилетнему ребёнку: с радостным урчанием копошился в луже у дороги, вытаскивая из неё пригоршни грязи и обильно расплёскивая её вокруг себя. Всякий раз, когда грязевая лепёшка шлёпалась оземь, человек причмокивал толстыми губами и торжествуя встряхивал головой.

– Олпорт, – прошептал Адриан. – Олпорт!

Он теперь знал, что это за деревня: Том увозил его на восток, туда, где быстрее всего оканчивались границы отцовских владений. Дурачок Олпорт жил как раз в деревеньке, лежавшей на восточном склоне холма. Когда-то давно он был шутком лорда Уильяма, деда Адриана, но у лорда Ричарда чувство юмора было не совсем таким, как у его отца, и со смертью лорда Уильяма он отослал дурака в деревню. Иногда Олпорт забредал в замок, и отец не велел его гнать, потому что Милосердный Гвидре одинаково милосерден ко всем, включая сирых и убогих. Алисия всегда визжала, когда видела увальня Олпорта, тащившегося по двору, Бетани выпрашивала для него на кухне кусок свежего пирога, а Адриан бросал в дурачка яблоки и смеялся, глядя, как тот неуклюже ползает, пытаясь подобрать их, пока они не раскатились.

Только теперь Адриану вовсе не хотелось смеяться.

– Олпорт! – закричал он и кинулся к дурачку. Тот будто не слышал и очнулся только когда Адриан схватил его за плечи и силой развернул к себе, умоляюще глядя в удивлённые равнодушные глаза. – Олпорт, это я! Это я, Адриан! Ты меня узнаёшь?

– А-адриан, – недоуменно протянул дурачок, будто впервые пытаясь произнести какое-то мудрёное слово.

– Да, Адриан! Я давал тебе яблоки! Помнишь?

– Я-яблоки, – повторил Олпорт и принялся жевать нижнюю губу.

– Яблоки! – чуть не плача, крикнул Адриан и снова встряхнул дурачка. Плешистая голова Олпорта медленно запрокинулась на бок, а глаза округлились и стали похожи на плошки.

– Яблоки, – почти осмысленно повторил он. – Я помню яблоки. Ты кидал яблоки в грязь, а я собирал яблоки.

– Да, да! Ты помнишь?!

– Помню. Ты гадкий, – сказал Олпорт и толкнул Адриана в грудь.

Адриан повалился на спину, одинаково потрясённый что словами дурачка, что его поступком, что его невероятной силой. Но прежде чем он успел подняться, небо над головой потемнело от нависшей над ним фигуры человека, лица которого Адриан снова не смог разглядеть.

– Что ты делаешь, Тобо? Оставь его, – сказал Том и, рывком поставив Адриана на ноги, потащил к телеге. Адриан понуро шёл за ним, не смея даже оглянуться на Олпорта, вновь весело заплескавшегося в своей луже.

– Эй, что там такое? – спросил от дверей вышедший на шум корчмарь; руки у него были по локоть в пивной пене, и он отирал их передником на ходу. – Ты, угольщик! Убери-ка своего дурака от нашего. Подерутся ещё.

– Прости, мил человек, – виновато сказал Том и подзатыльником намекнул Адриану, что пора забираться в телегу. – Мы уезжаем уже. Спасибо за хлеб и кров.

– Давно пора, – проворчал корчмарь, не ответив на благодарность, и скрылся в доме.

Адриан забрался в телегу, мучительно чувствуя неправильность происходящего и в то же время слишком страшаясь безжалостной невозмутимости своего похитителя. Том занял место возницы и пустил лошадь рысью. Телега двинулась с места. Адриан не отрываясь смотрел на дурачка, даже не вздрогнувшего, когда телега тяжело ухнула колесом в лужу и окатила его тучей грязных брызг, – он только поднял голову и встретился с Адрианом глазами.

– А-адриан, – негромко сказал дурачок, провожая его пустым взглядом. – А-адриан.

Том стегнул кобылу, и она пошла быстрее.

Адриан смотрел на деревеньку, пока та не скрылась из виду. Потом развернулся в телеге и, сев на голый дощатый пол, обхватил плечи руками.

– Чего тебе всё-таки надо от меня? – спросил он, стараясь, чтобы голос прозвучал не очень жалобно.

Том не ответил, лишь снова стегнул кобылу. Телега покатила веселее. Уже рассвело, лучи просыпавшегося солнца золотили некошенные поля, тянувшиеся по обе стороны от дороги. Отсюда до границы владений Эвентри всего-то семь или восемь лиг. День пути, а то и меньше. Если отец не поторопится, то может и не успеть перехватить их до ночи...

Внезапно Адриана взяло зло. Всё это было так глупо! Он мог сбежать в любую минуту, но всё равно этого не делал, слишком боясь и слишком рассчитывая на своевременную помощь отца. А что если подобрать камень побольше да засадить этому ублюдку по башке? Пока от замка недалеко ещё отъехали, обратно и пешком добежать можно... Только чтобы подобрать камень, надо снова прыгать с телеги, а что после этого будет, Адриан уже знал и повторять не стремился.

– Почему ты выставил меня дураком? – спросил он. Это было ещё глупее, чем прыгать с телеги, но ему хотелось выпустить злость. – Как ты вообще посмел вести себя со мной так при смердах моего собственного отца?! Они же теперь никогда не будут меня уважать!

Том не ответил, только снова взмахнул хлыстом, коротко свистнувшим над его головой. Теперь, при свете дня, Адриан видел, что у него тёмные волосы, неприлично отросшие и неаккуратно подстриженные. Надо же, выговор как у благородного, а за собой последить не в состоянии. Эта мысль отчего-то взъярила Адриана ещё сильнее.

– Ну, отвечай! – зло крикнул он и рванулся было к Тому, чтобы дёрнуть его за рукав, но тут телега покачнулась, и Адриан полетел на дно, больно стукнувшись спиной о доски.

Том сунул хлыст за спину и рассеянно почесал рукояткой лопатку.

– Я назвал тебя дураком, потому что ты дурак, – равнодушно отозвался он, и его тон потряс Адриана больше, чем само оскорбление. Он не только верил в собственные слова – больше того, он, кажется, ничуть не злился на Адриана за его давешнюю выходку, словно это была не более чем шалость непослушного ребёнка.

– Ты сам сказал вчера, что я не дурак! – возмущённо выпалил Адриан.

– Я ошибся. Дурак и есть. Был бы умный, не стал бы ор поднимать, зная наперёд, что это ничего не даст. Неужели ты и впрямь думал, что я этого не предвидел?

Адриан открыл рот и закрыл его, так ничего и не сказав.

– Так что это не я тебя выставил дураком, – добавил Том, постукивая хлыстом по плечу. – Ты с этим превосходно справился сам. А я тебе только подыграл.

Адриан стиснул зубы. «Что ж, Том, выдающий себя за простолюдина и меж тем поминающий Молога... Этого я тебе тоже не забуду. Счёт открыт, и ты его, похоже, вознамерился с каждым днём пополнять – что ж, когда придёт время платить, не жалуйся».

– Молодец, – одобрительно сказал Том, и Адриан уронил челюсть от изумления.

– Чего?! Кто молодец?!

– Ты молодец, что не огрызаешься. Не всегда стоит оставлять последнее слово за собой. Особенно если не можешь вовремя придумать достойный ответ.

Произнося эти слова, он обернулся и впервые посмотрел Адриану в лицо. И не просто посмотрел – с улыбкой.

Он был не старый ещё, хотя и годился Адриану в отцы. И, без сомнения, благородный – черты лица были правильными, гармоничными. Мать Адриана такую внешность называла «породистой»; отец, впрочем, добавлял, что породы бывают у лошадей и собак, а у человека – происхождение. Адриан не знал, и впрямь ли этот человек происходил от Молога, но поверить в это было не очень сложно: тёмные волосы и глаза, до черноты загоревшая кожа – ну точно и впрямь дьявол, только-только вылезший из печки. Только вот улыбался дьявол вовсе не так, как в понимании Адриана было положено улыбаться нечистой силе: от этой улыбки не было ни страшно, ни муторно. И даже хотелось улыбнуться в ответ, чего Адриан, впрочем, не сделал.

А ещё через мгновение он забыл и про странные слова Тома, и про его внешний вид, и даже про Молога, потому что внезапная догадка озарила его и вытеснила все остальные мысли.

– Постой, я знаю тебя! Я тебя видел вчера в замке. Ты пилигрим, ты пришёл с пилигримами!

– Вот, это уже точнее, – усмехнулся Том, сверкнув зубами, неестественно белыми на фоне его вымазанного сажей лица. – Я и правда пришёл с пилигримами, хотя сам не пилигрим. Был бы ты всегда таким наблюдательным, может, вышел бы толк.

– Так ты проник к нам в замок специально, чтобы... чтобы меня...

– Чтобы тебя забрать, – просто закончил Том. – Да. Специально для этого.

– Зачем? Ну... ну зачем?

Адриан задал этот вопрос с тоской в голосе, не особенно надеясь на ответ – но получил его. Том посмотрел на него блестящим, внимательным, ужасно странным взглядом. И сказал:

– Тебе нельзя было там оставаться.

Беда стряслась ещё до полудня. Вернее, стряслась-то она гораздо раньше, просто до полудня Адриан о ней не знал. Не знал и Том, и отцовские крестьяне, приютившие на ночь двух заезжих угольщиков. Слух проник за толщу замковых стен только с рассветом и понёсся по холму вниз, разносимый солнечными лучами и людским страхом.

Группа крестьян бросила работу в поле и шумно переговаривалась, стоя у дороги. При виде их сердце в груди Адриана заколотилось: может, отец уже успел разослать весть о его исчезновении, может...

– Эй, вы! – крикнул один из крестьян ещё до того, как телега успела с ними поравняться. – Часом не из замка теперь будете?

– Не из замка, мил человек, – с прежней невозмутимостью отозвался Том – даже вплотную приблизившаяся опасность не вынудила его потерять самообладание. – Мимо ехали, в деревне вашей заночевали.

– А не слыхали, правду про замок говорят? – спросил другой крестьянин.

Они ждали ответа в явном волнении, лица у всех были напряжённые и испуганные. Том придержал кобылу, и сердце в груди Адриана снова ёкнуло, но на сей раз – от невыносимо

дурного предчувствия, так что захотелось вцепиться Тому в плечи и закричать: «Нет, не останавливайся! Давай скорее уедем отсюда!»

– А что – замок? – обеспокоенно спросил Том.

– Да, говорят, там ночью стряслось что-то, – нервно теребя в кулаке шапку, ответил первый крестьянин. – Вроде напал кто-то, то ли лорд соседний, то ли ещё какой бес. И лорда нашего, говорят, и леди повязали, и детишек их – всех как есть! Как знать теперь, солдат не пришлют?..

– Так не слышно же нечего, – возразил кто-то. – Всю ночь спокойно простояли, в замке вроде тоже всё тихо было...

– Ну да, говорят, там даже тревоги поднять не успели. Предатель в стены пробрался, видать, и ворота открыл...

– Что ж теперь будет? – в панике спросил кто-то, и тут все заговорили разом, крича и перебивая друг друга. Кто-то, махнув рукой, кинулся к деревне – собирать скarb и бежать в лес, пока время есть. Войны дорого обходятся крестьянам, порой дороже, чем их господам – особенно накануне жатвы.

На угольщиков внимания никто больше не обращал. Том воспользовался этим и стегнул кобылу.

– О чём он болтал? – наконец опомнившись от невероятного известия, выдавил Адриан.

– Молчи, – не оборачиваясь, ответил Том, продолжая стегать кобылу. Телега теперь не катилась, а скакала, взлетая на колдобинах и грузно валясь в ямы. Адриан вцепился обеими руками в бортики, пытаясь удержать равновесие, и обернулся на голубой силуэт замка Эвентри, висевший на холме. Солнечные лучи беспечно блестели на башенных кровлях, и Адриан много отдал бы, чтобы узнать, что сейчас происходит под ними. Мысли у него путались.

Новость разносилась быстрее, чем телега катилась по долине. Поля пустели, крестьяне бросали работу и бежали к своим домам, кричали женщины, плакали ничего не понимающие дети. «Это неправда, – думал Адриан, – стойте, перестаньте кричать, ведь это же всё неправда, вас обманули! Не могло там ничего случиться, Эвентри уже почти восемьдесят лет не осаждался, не бывает такого, просто не может быть...»

Кнут свистел в воздухе, безжалостно охаживая взмыленные бока лошади. Том больше не останавливался и не оборачивался, только стегал и стегал кобылу, неуклонно правя к лесу, темневшему там, где кончались поля. За этим лесом проходила граница фьева Эвентри, дальше были земли лорда Кордариола, а сразу за ним – фьев Сафларе. Они придут на помощь отцу, если и впрямь стряслась беда, попытался уверить себя Адриан. Обязательно придут, они ведь собирались заключить с нами союз, и теперь...

И теперь не заключат, с холодным ужасом понял он. Отец не раз говорил, что запланированный, но не скреплённый союз ещё более шаток, чем одна только мысль о союзе. Сафларе пока что не давали им никакого слова. А значит, на их землях Адриан будет чужим... и хорошо если не врагом.

Хотя какая теперь-то разница... Сейчас у него есть только один враг – тот, что хлещет кнутом над его головой, – и у Адриана было чувство, будто это его бока вздрагивают под ударами, а не бока лошади. Избавиться от него как можно скорее, сбежать и...

И что, Адриан Эвентри? Дальше-то – что?

До леса они добрались, никем не остановленные. Проехав немного вглубь, так, что дорога и поле скрылись из виду, Том наконец позволил измученной кобыле остановиться и спрыгнул с козел.

– Выбирайся, парень, и поживее. Надо найти ручей, – отрывисто сказал он и, сняв с оглобли прицепленный к ней узел, сграбастал Адриана за плечо. Тот понял, что на сей раз вывернуться тоже не удастся, и подчинился.

Ручей нашёлся быстро. Том остановился, выпустил Адриана и, сев на корточки, опустил грязные руки по локоть в стремительно бежавшую воду.

– Слушай, Адриан, – сказал он, глядя перед собой. – Я знаю, что был груб с тобой. Но сейчас всё изменилось. Подумай головой. Тебе теперь просто некуда бежать.

Адриан замер, чувствуя невыносимое желание ответить – но любой ответ, приходивший в голову, казался глупым и нелепым. Кричать, что всё враньё, что он вернётся домой, что отец не допустит... Глупости, глупости и страх, опутавший грудь и горло при виде крестьян, в панике бегущих с полей. Нет, они не стали бы бежать просто так. Адриан знал, что не стали бы.

Том тем временем вымыл руки и, окунув голову в ручей, наскоро сполоснул волосы. Потом скинул лохмотья угольщика, и Адриан понял, что не ошибся – у этого человека была фигура воина, а не смерда. Ничуть не смущаясь наготы, Том развернул свой узел и вынул оттуда серый свёрток, который оказался балахоном пилигрима – тем самым, благодаря которому Том вчера слился с толпой паломников.

– Это ты, – сказал Адриан. – Ты впустил этих... этих... Ты открыл им ворота!

Мускулистые руки скользнули в рукава, подол балахона упал в траву.

– Не мели ерунды, – сухо сказал Том и вдруг замер, пристально глядя на Адриана. Адриан увидел, что этот человек моложе, чем ему сперва показалось. И лицо, как, впрочем, и волосы, были у него не такими уж тёмными. Но только легче от этого открытия не стало: в обращённом на Адриана взгляде было лишь подозрение, отрешённое раздумье и отстранённая неприязнь.

– Я сейчас уйду, – сказал Том. – Попытаюсь пробраться в деревню и узнать, что к чему. Надо бы тебя связать... но не стану. Если сбежишь, значит, ты в самом деле дурак, а дуракам – туда и дорога.

Адриан только потрясённо смотрел на него. Том подобрал с земли свои нищенские лохмотья и сунул их Адриану.

– Выстирай. Своё тоже. И вымойся как следует. Потом жди меня. Если не вернусь к ночи, беги через лес на юг. К Кордариолу не иди – если замок и вправду захвачен, могут перекрыть заставы.

Сказав это, он повернулся и зашагал туда, где они оставили телегу, а Адриан стоял, глядя ему вслед широко раскрытыми глазами. Вот она, долгожданная возможность побега – только её и ждал! Словно замороженный, Адриан следил, как Том распрягает кобылу и, тихо приговаривая, уводит её за собой из леса. Потом он скрылся, и Адриан заметил, до чего же в лесу тихо – только высоко над головой тревожно шумели ветви деревьев.

Адриан увидел, что всё ещё сжимает тряпье угольщика, и разжал руки. Груда рванья упала наземь. Он какое-то время смотрел на неё, пытаясь понять, что ему делать дальше.

Потом с отвращением стащил собственную замызганную одежду и полез в ручей.

Вода, казалось, смысла с него страх и оторопь. Вымывшись, Адриан неумело выстирал своё и Томово тряпье. Раньше ему никогда не приходилось стирать, он только видел, как это делают дворовые женщины, макая одежду в пенящуюся воду, и пытался делать так же, но грязь почему-то не сходила, будто намертво въевшись в ткань. Бросив мокрое тряпье на берегу, Адриан вернулся к телеге и вытащил оттуда узел со своей собственной одеждой – той, в которой он был, когда Том напал на него в замке. Она была сухой и чистой, и он переделся в неё, но удовлетворения не почувствовал – почему-то казалось, словно он надел чужое, да ещё и к тому же неуместное платье.

Теперь надо было что-то делать, но что, Адриан по-прежнему не знал.

Надеясь, что решение найдётся само собой, он пробрался к кромке леса – и замер, будто громом поражённый.

В долине густо клубился дым. Не очень близко, за полями, но и не далеко. Адриан не сразу сообразил, что горит та самая деревушка, в которой они с Томом провели эту ночь. Дым

низко стелился и полз над полем вдоль подножия холма, а над ним всё так же безмятежно сиял на солнце, сверкая крышами, замок Эвентри.

Адриан сполз на землю и сел, рассеянно обрывая пучками траву. Суматохи отсюда не было видно, да и бегущих прочь крестьян не наблюдалось – поле будто вымерло, сиротливо пестря брошенными шапками и мотыгами. Что бы ни стряслось там, в деревне, кто-то в ней пристально следил за порядком... и вряд ли это были солдаты отца.

«Если Том пошёл туда, он не вернётся», – подумал Адриан и не ощутил ни малейшей радости. Напротив, с этой мыслью к нему вернулся страх.

Он неожиданно понял, то боится остаться один.

«Может, Анастас уцелел? – в отчаянии подумал он. – Я же запер калитку, он не мог ночью вернуться в замок. Может, поискать его?..»

Стоило поискать, конечно. Да только десять против одного, что гораздо раньше, чем Анастаса, он встретит тех, кто поджёт деревню в долине и захватил его семью. И тогда уже не будет иметь никакого значения, был ли Анастас в замке во время нападения.

Тихо застонав, Адриан подтянул колени к груди и обхватил их руками, пытаясь унять дрожь. В этой-то позе и застал его, вернувшись, Том. Он шёл пешком, кобылы с ним больше не было. Адриана он заметил ещё с дороги, и на мгновение его хмурое лицо просветлело, но тут же снова стало угрюмым и жёстким.

При его приближении Адриан вскочил, не зная толком, что сделать или сказать. Том избавил его от этого затруднения, в качестве приветствия одарив очередной оплеухой.

– Какого дьявола торчишь на виду? Совсем мозги растерял? – рявкнул он и пинками погнал Адриана обратно в лес. Оказавшись на безопасном от дороги расстоянии, критически осмотрел его с ног до головы и вlepил ещё одну затрещину.

– Я велел тебе выстирать твоё тряпье, а не выражаться в это!

– Я выстирал! – поспешно выпалил Адриан, боясь огрести ещё один подзатыльник. – Но оно же мокрое...

– Так гольшом бы подождал, пока высохнет, не девка всё-таки, – сказал Том. Его лицо было мрачным, как маска Молога на картинках в старых книгах, и в то же время – странно и страшно неподвижным, словно его свело судорогой. При одном взгляде на него Адриана пробирал озноб; он уже отчаянно жалел, что не сбежал, пока была возможность.

Том взял его за локоть и грубо поволок к ручью. Там швырнул на землю и заставил переодеться в одежду угольщика, успевшую высохнуть на полуденном солнце – теперь, впрочем, это была не одежда угольщика, а обычные нищенские обноски. Рубашку и штаны Адриана Том снова скрутил в узел, вместе со своими.

– Пойдём через лес. И быстро пойдём – может, заставу выставить ещё не успели.

– Что там? – сдавленно спросил Адриан. – Я видел дым...

– А Молога ты там часом не разглядел? – резко спросил Том и снова ударил его – совершенно непонятно, за что. Адриан упал в траву, задыхаясь и сплёвывая кровь, сочившуюся из разбитой губы. – Твоя семья захвачена кланом Индабиран. Их люди были в толпе пилигримов и ночью открыли ворота. Индабираны вырезали гарнизон замка и взяли в заложники всех Эвентри, которых нашли. Двоих недосчитались, и один из этих двоих ты. И если бы ты вчера ночью держал рот на замке, солдаты Индабирана не подпалили бы деревню, в которой тебя видели! Они сожгли каждый дом, думая, что крестьяне тебя укрывают – ты понимаешь это или нет?! Полсотни человек лишились всего, что у них было, только из-за того, что ты не соизволил подумать своей дурной башкой, прежде чем орать!

Он кричал, и от этого крика смолкли птицы в тревожно шумящих ветвях. В конце своей речи Том снова ударил Адриана, и в этом ударе было столько злости, будто это его родные лишились крова и его семья была в плену у предателей, и всё это по вине Адриана.

И странное дело – Адриану было больно и страшно, но он чувствовал, что каким-то непостижимым образом Том прав. Что дело действительно в нём, и ему не надо было вчера кричать. Всё равно из этого не вышло никакого проку.

Том остановился, тяжело дыша, будто после быстрого бега. Адриан стоял в траве на четвереньках, капала кровь из рассечённой губы. Широко расставленные ноги Тома упирались в землю перед его лицом.

– Кто второй? – хрипло спросил Адриан.

– Что? – после короткой паузы переспросил Том.

– Ты сказал, что Индабираны... что они недосчитались двоих.

– Не знаю, – хмуро ответил Том. Он всё так же стоял над Адрианом, но злость из него ушла. Адриан неловко сел в траву и утёр рот.

– Наверное, это Анастас, – сказал он. – Я ему... ну... в общем, я думаю, его не было в замке этой ночью. Из-за меня.

Кровь всё ещё сочилась, и Адриан, повернувшись к ручью, промыл рану. Тягучая ленточка крови выгнулась в бурном потоке и тут же унеслась вниз по течению. Адриан прикоснулся к губе онемевшими от холодной воды пальцами и скривился от боли.

Внезапно он понял, что молчание затянулось, и обернулся.

Том стоял, всё так же широко расставив ноги, и неотрывно глядел на него. И от этого взгляда Адриану стало так худо, как не было ни разу за прошедшие двенадцать часов, бесспорно, самые ужасные в его недолгой, сытой, счастливой жизни.

«Ты меня теперь убьёшь?» – хотел спросить он, но вместо этого с языка сорвались совсем другие слова, нелепые и смешные:

– Ты знал, что всё так случится? Ты поэтому увёз меня из замка?

Том не засмеялся. Только покачал головой, медленно и тяжело, словно движения давались ему с трудом.

– Нет. Я не знал. А если бы знал... – он умолк и решительно протянул Адриану руку.

И на сей раз, вставая, Адриан опёрся на неё.

– Дальше пойдём как пилигримы, – проговорил Том; его давешняя невозмутимость наконец вернулась к нему. – Если остановят, запомни: я – паломник, ты – мой подопечный, сирота, которого я веду на послушничество в храм Гвидре в Скортиаре.

– Это правда? – тихо спросил Адриан.

– Нет, не бойся. В монастырь я тебя не запроторю.

– Да я не о том... Что я сирота. Это... это правда?

Том отвёл глаза.

– Я не знаю наверняка, мальчик. Не было возможности расспрашивать. Я слышал только обрывки разговоров крестьян и индабиранских солдат. По ним выходит, что твои родители живы, но отец тяжело ранен. Твой брат Ричард, по слухам, погиб. Что с остальными, я не знаю.

Он не добавил слов соболезнования, и это было хорошо. Адриан деревянно кивнул, жалея, что спросил. «Ричард погиб», – подумал он и ничего не почувствовал. А если бы он узнал, что погиб Анастас, то тоже ничего бы не ощутил?.. От этой мысли ему захотелось кричать, или сдавить голову руками и рухнуть в траву, или что угодно, только бы куда-нибудь деться от чёрного ужаса, охватившего его, когда он представил Анастаса холодным, неживым...

К счастью, именно в этот миг Том крепко взял его за плечо и сжал, будто всё ещё предупреждая попытку к бегству. Конечно, он не стремился помочь, он вообще не понял, что происходит с Адрианом, да ему и не было до этого никакого дела, – но Адриан всё равно ощутил вспышку благодарности за то, что его вырвали из кошмара.

– Идём. Проси, чтобы нас благословил в пути Милосердный Гвидре. Это ведь ему поклоняется твой клан? Надо же, какая удача, выбрать себе бога странников...

– А кому поклоняется твой клан? Уж не Мологу ли?

– У меня нет клана, мальчик, – коротко и криво улыбнувшись, ответил Том. – А про Молога я тебе как-нибудь потом расскажу. Времени у нас впереди более чем достаточно.

3

У неё было лицо Камиллы. Кожа Камиллы, её волосы, её руки, даже одежда цветов её клана. Только глаза выдавали, кто она на самом деле, но он не смотрел ей в глаза.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Что ты делаешь, Том?

Конечно, она не была Камиллой, даже тенью или духом Камиллы. Камилла умерла намного раньше, чем он стал зваться Томом. А она называла его этим именем, потому что знала, что именно так он в мыслях называет сам себя. Это действовало.

– Я знаю, что я делаю, – как всегда спокойно ответил он.

– Неужели? Прежде ты не мог похвалиться этим.

– Оставь меня в покое, – устало попросил Том, хотя и знал, что она не уйдёт.

Лже-Камилла наклонила голову, качнув вплетённым в волосы жёлтым цветком. Наверное, Том должен был помнить, как сам срывал и вплетал его, и оттого расчувствоваться, но он ничего не помнил. Всё это было так давно.

– Меня волнуешь не ты, Том...

– Я знаю.

– ...меня волнует мальчик.

– Я знаю.

– Ты сказал ему?

– Нет.

– Почему? Почему нет? Чего ты ждёшь?

– Ещё рано.

Она тяжело вздохнула. Её всегда раздражало его упрямство.

– Пойми, ты не можешь просто держать его здесь силой.

– Почему не могу? Вполне могу.

– Ты погубишь его. Так же, как себя, и как...

– Может, ты права, – сказал он задумчиво. – Может, так было бы лучше. Если бы он умер. Я подумаю над этим.

Она тихонько рассмеялась смехом Камиллы... должно быть, её смехом – Том плохо его помнил, а может, не помнил вовсе и ему только казалось, что и смех у неё должен быть, как у Камиллы, раз уж она украла всё остальное.

– Ты не станешь думать об этом, Том. Ты давно решил и теперь делаешь.

– Спасибо. Польщён твоей верой в мою целеустремлённость.

– Я не говорила, что это хорошо.

– Ну тогда не взыщи.

Она протянула руку и провела ладонью по его щеке. Том почувствовал это прикосновение, будто оно случилось наяву.

– Ты так зарос, – сказала она со смесью ласки и неодобрения. – И загорел. И отощал. Я тебя помнила совсем другим. Что ты сделал с собой?

– Ничего такого, о чём стоило бы жалеть, – ответил он и убрал её руку от своего лица. Она не стала смеяться, но улыбнулась улыбкой Камиллы.

– Адриан не позволит тебе, – сказала она, и это звучало как обещание. – Он не захочет стоять в стороне. Он не такой, как ты.

– Дай-то бог, чтоб не такой, – сказал Том и проснулся.

Он сел в постели и с остервенением потёр лицо ладонями, хотя в этом и не было нужды. Ему казалось, что он не спал вовсе, и почти наверняка так оно и было: только что состоявшийся разговор не был сном, хотя и явью тоже не был. Выбросив его из головы, Том откинул волчью

шкуру, служившую ему одеялом в становившиеся прохладными ночи, и встал. Сквозь дверные щели слабо пробивалось утреннее солнце.

Том сделал шаг и легонько пнул босой ногой Адриана, свернувшегося калачиком на полу.
– Просыпайся, парень. День на дворе.

Адриан заныл сквозь сон и скрутился улиткой, натягивая шкуру на голову. Он никак не мог привыкнуть вставать так рано, хотя прошёл уже почти месяц, и каждый день его приходилось поднимать пинками. Том традиционно дал ему несколько минут, как раз успев сходить во двор, справить с ночи нужду и умыться, а потом вернулся и сорвал с Адриана одеяло.

– Подъём, солдат! – заорал он, и начался обычный сельский день, ничем не отличавшийся от предыдущих.

Они пришли сюда три недели назад, аккурат перед летним праздником Эоху. На сам праздник, правда, не попали – после того, что случилось в деревне Эвентри, Том всячески ограждал Адриана от встреч с людьми. Тот, конечно, думал, что дело в обычных предосторожностях, которые предпринимает разбойник, чтоб утаить украденное; Том его не разуверял. Они успели проскочить на земли Сафларе прежде, чем Индабиран добрался до границы; дальше пошли землями Флейнов, клана, по счастью, также остававшегося нейтральным в сваре между главенствующими родами Бертана. Том продал лошадь в Дубовой Роще человеку, стремившемуся как можно скорее убраться оттуда, и таким образом выручил гораздо больше денег, чем мог рассчитывать – почти втрое больше, чем он отдал за кобылу и телегу несколькими днями ранее, когда затеял вылазку в замок Эвентри. Тогда на это ушли все его деньги; теперь он почти роскошествовал и мог не бояться случайных застав и сборщиков податей. Земли Флейнов они прошли без происшествий – Адриан даже не пытался бежать, несколько удивив Тома и немало его обнадёжив. В тот момент ему даже показалось, что изначально он недооценил мальчика, заранее приписав ему глупость, самоуверенность и задиристость всех мальчишек этого возраста, а в особенности – если им повезло родиться в семье главы клана. Но стоило им покинуть Флейнов и ступить на земли Гвэнтли, где Том собирался осесть, начались проблемы.

Мальчишке, видите ли, взбрело в голову, что он должен вернуться и отыскать брата, в счастливое спасение которого он твёрдо верил. Ни как, ни зачем это нужно делать – он, разумеется, не думал и думать не собирался. Ему не было дела, что Анастас Эвентри, если даже его не схватили вычёсывающие местность ищейки Индабиранов, наверняка удрал к лояльным соседям на западе или на юго-востоке, ну а дальше – либо подастся с жалобой к конунгу, либо, что более вероятно, безропотно вольётся в его войско. Ведь пока лорд Ричард Эвентри жив, Анастас остаётся всего только лэрдом – первым наследником главы клана, и не более того. Формально у мальчишки нет никаких прав, в том числе и на требование заступничества. И Адриану, и его брату можно было надеяться лишь на то, что другие кланы, лояльные Фосигану, в достаточной степени возмущаются этим дерзким нападением и, объединив усилия, всё-таки надавят на конунга. Но такие дела не делаются скоро, и в ближайшее время Адриану некуда бежать, потому что не к кому возвращаться.

Всего этого четырнадцатилетний парнишка без малейшего знания жизни, но с ветром в голове, конечно, понять не мог, поэтому Том даже не пытался объяснить. В Гвэнтли он старался не отпускать Адриана далеко от себя и не сводил с него глаз. Ему в этом даже помогали. Байка про непокорного щенка, противящегося посвящению Гвидре, оказалась очень удачной, и на каждом постоялом дворе или хуторе, где они останавливались, хозяева следили за мальчишкой чуть ли не зорче, чем сам Том. Адриан тоже заметил это и попытался сбежать всего один раз, в результате чего едва не был затравлен собаками, которых спустил не в меру ретивый хуторянин прежде, чем Том успел его остановить. К счастью, мальчишка отделался подранными штанами. Том заставил его заштопать их, причём не пускал спать, пока работа не была окончена, потом дал профилактический подзатыльник и простил. Это приключение произвело на Адриана впечатление, и потом он вёл себя тихо до самого Уивиелла.

Они шли в горы, хотя Адриан почти до самого конца об этом не знал. В горах Уивиелл у Тома была хижина с клочком плодородной земли, обустроенной под незамысловатый огород. Он купил её десять лет назад на деньги, оставшиеся у него от продажи всего, что на нём было – благо в те времена он, безмозглый щенок вроде Адриана Эвентри, шеголял в тряпье, стоившем целое состояние. Деревья здесь не росли, скотины он не держал – вернее, держал раньше, но, собираясь в дорогу, всю распродал: ему нужны были деньги, к тому же за животными всё равно некому было смотреть во время его отсутствия. Хижина находилась высоко, и, что важнее, была надёжно спрятана от людских глаз. К ней почти невозможно было пройти, не зная дороги наверняка; сам Том, когда она досталась ему, целую неделю ходил вверх-вниз ущельями и едва заметными тропками, разматывая за собой красную шерстяную нить, чтобы выучить дорогу. Юго-западный склон Уивиелла, отделявший Гвэнтли от северо-восточных равнин, был неприступен, пустынен и безразличен для людей из долины. Даже сами Гвэнтли мало интересовались горным участком своих владений – с тех пор, как сто лет назад в Уивиелле окончательно иссякло золото. Именно тогда здесь стали появляться странные люди, бродившие по ущельям с куда меньшим азартом, чем положено припозднившимся золотоискателям, но упрямо и воровато. Некоторые из них были беглыми каторжниками – даром что прииск иссяк, Уивиелльская каторга осталась и процветала, ибо не было в Бертане лучшего способа неторопливо, но надёжно угробить преступника. Однако другие путники – и их было большинство – про каторгу знали только из обвинительных приговоров, которые выкрикивали глашатаи на городских площадях. И таких людей Том остерегался больше, чем беглых разбойников. Впрочем, ни те ни другие увидеть его не могли – они шлепались внизу, а дом Тома стоял намного выше по склону.

Разумеется, богатый знатный мальчик Адриан пришёл от этого места в ужас. В других обстоятельствах мальчишка вроде него был бы в восторге от перспективы целыми днями скакать по горам, будто не в меру энергичный горный козлик. Однако ввиду сложившейся ситуации пещеры и перевалы Адриана не заинтересовали, тем более что Том не собирался его к ним подпускать. Когда после трёх часов утомительного подъёма он остановился перед покосившейся за зиму, неухоженной избой, воткнул посох в грунт и сообщил: «Жить будем здесь», Адриан вытаращился на него и, забыв обо всех предосторожностях, заявил: «Да я сегодня же отсюда сбегу!» Том ответил: «Не сбежишь», – и он знал, что говорит. Отсюда было невозможно сбежать – запутанные и опасные, местами почти непроходимые горные тропы держали надёжнее замков и решёток. Адриан тоже понял это, хотя и не сразу.

Тогда-то драка у них началась всерьёз.

Том с самого начала отдавал себе отчет, что мальчишка не сразу ему подчинится, и заранее пообещал себе ничего ему не спускать. Он вдоволь насмотрелся на избалованных сынков знати и понимал, как опасно хоть раз показать перед ними слабость. Разумеется, Адриан прошёл с ним весь этот путь только потому, что был растерян и напуган – он впервые в жизни оказался один против всего мира и не знал, что делать дальше. Это дало Тому нешуточную фору, и, стремясь продлить её, он старался быть с Адрианом не очень грубым. Теперь они были на месте, и необходимость в нежничанье отпала.

Утро начиналось с суровой побудки, почти неизменно сопровождавшейся тумаками. Том гнал Адриана во двор, где заставлял раздеться донага и несколько раз облить ледяной водой. Мальчишка был слишком малого роста для своих лет, и хотя Том не назвал бы его тщедушным, очевидно, что его физическим воспитанием до сих пор никто толком не занимался. Вообще сложно понять, что с ним собирались делать дальше: ему не светил хоть сколько-нибудь жирный кусок от наследства, на воина его тоже не тренировали, но и в учёбу не закапывали, явно не рассчитывая посвятить мальчика богам. Получалось, что он рос как бы сам по себе, будто сорняк, который лень выпалывать, но и растить его тоже ни к чему. Это было не просто грустно – с учётом обстоятельств, о которых Адриан пока не знал, это было очень опасно. Поэтому

Тому пришлось, помимо своей собственной работы, делать ещё и ту, которую перекинули на него безответственные родичи Адриана Эвентри.

После ледяного душа мальчишке полагалось бежать за водой. К горной речушке вела отчётливая дорожка между камней, идти было недалеко, а заблудиться – невозможно. Натаскав полную бадью воды, на что требовалось не менее трёх ходок, Адриан зарабатывал право на завтрак, состоявший из пшеничной каши, которую Том варил из старых запасов, и репы, выкопанной на заросшем за год огороде. Репа была прошлогодняя и разрослась огромными клубнями, твёрдыми и почти безвкусными, но есть её было можно. Понимая, что подрастающий организм на таком не поднимешь, Том принялся заново осваивать огород. Вернее, осваивать его пришлось Адриану под бдительным руководством Тома, не позволявшего ни халтурить, ни делать передышки слишком часто. За неделю огород был перекопан и засажен, и каждое утро после завтрака юный Эвентри утыкался носом в землю, чтобы до самого полудня очищать её от сорняка. Он, как и положено лордёншу, ничего не смыслил в огородах, потому не мог знать, что работает почти впустую – урожая в этом году им всё равно не снять. Но ничего – весной они засеют землю заново. У них было много времени.

Вторую половину дня Том занимал Адриана мелкими хозяйственными делами – то дров наколоть, то полы выдраить, то крышу подлатать. А если дел не находилось, давал ему в руки палку и заставлял отрабатывать навыки фехтования до тех пор, пока мальчишка не валился с ног, а с самого Тома не начинал катиться пот. Последнее, впрочем, он делал больше для самого себя. Драка на палках с глупым ершистым мальчишкой – это единственная битва, которую Том мог теперь себе позволить.

На закате Адриан получал вторую, и последнюю за день, миску каши и пинками отправлялся спать. Том быстро обнаружил, что режим дня у мальчишки ни к бесу не годится: он привык поздно ложиться и поздно вставать, и с этим тоже надо было что-то делать. Впрочем, тут Том действовал не без корысти: вымотанный за день Адриан вырубался, едва улёгшись на дощатый пол (в хижине была только одна лежанка, и Том на правах старшего занял её, выделив своему невольному воспитаннику две медвежьи шкуры и клочок пола), так что Том мог спокойно посидеть на крыльце, разглядывая ночное небо и вдыхая резкий воздух гор. В такие минуты ему очень хотелось затянуться трубкой, но, как выяснилось, все запасы табака он выкурил ещё в прошлом году. В конце концов именно это сподвигло Тома спуститься в долину; впрочем, он и так собирался сделать это – рацион из пшена и репы понемногу вгонял Адриана в чёрную депрессию, а в планы Тома не входило лишать мальчика разума. Совсем наоборот: он хотел, чтобы парень набрался ума, только и всего. Это было трудно, адски трудно. Но также и адски важно, и он знал заранее, на что шёл.

Разумеется, Адриан его ненавидел. Так, как, должно быть, не ненавидел никого и никогда в своей недолгой пока ещё, глупой жизни – даже Индабирана, захватившего его семью, потому что Индабиран был далеко и мучил кого-то другого, а Том был рядом и мучил самого Адриана. Несмотря на обещание Тома, что у них будет время всё обсудить, разговаривали они мало. Том приказывал, Адриан огрызался, получал затрещину и на время затихал, но позже всё повторялось снова. За прошедшие недели поговорить толком им пришлось всего один раз, и то – при не самых заурядных обстоятельствах.

Это случилось в один из первых дней, когда Адриан ещё не до конца оправился от шока, вызванного новым распорядком дня. Тяжелее всего он переносил ранний подъём и больше всего из-за этого возмущался, причём словечки подбирал ядрёные – парень явно слишком много времени проводил с отцовскими солдатами, которые учили его не мечу, а площадной брани. Однажды, нахамив Тому особенно дерзко, он получил в награду звонкую пощёчину, взъярился и, выкрикнув очередное бессмысленное оскорбление, сорвался с места и удрал. Том не кинулся в погоню – мальчишке надо было попытаться сбежать хотя бы раз, чтобы убедиться в бессмысленности этой затеи. Он прождал до полудня и только тогда отправился на поиски.

Какой-то частью разума он понимал, до чего рискованно такое равнодушие – за эти пять часов Адриан мог сотню раз сорваться с неверной тропки и полететь в обрыв, мог и просто забрести в расщелину, о существовании которой не знает сам Молог, или провалиться в старую штольню и навсегда остаться там, лишь через много дней приняв мучительную смерть от голода и жажды. И где-то ещё глубже, ещё смутнее Том сознавал, что некая часть его хотела этого, потому что, возможно, так было бы лучше для всех – как было бы лучше, если бы этот мальчик не родился вовсе. Но не родился бы он – родился бы кто-то другой. И остальное естество Тома решительно гнало эти мысли, когда он спускался по горной тропе, осыпавшейся гравием у него из-под ног.

Адриана он нашёл уже под вечер, когда почти стемнело. Как и следовало ожидать, мальчишка пошёл тем путём, что казался самым широким и лёгким, и вскоре упёрся в тупик, из которого был только один лаз – в запутанную систему ущелий и скальных лабиринтов. То, что Том всё-таки нашёл его там, было сродни чуду – а может быть, и знаку богов. Том думал об этом, пока нёс наверх бесчувственное тело мальчика, очень лёгкое, почти невесомое. Именно тогда Том подумал, что парень слишком тощий и слабый, и надо бы заняться его тренировкой. Чтобы, если снова взбредёт блажь сбежать, не упал без сознания посреди дороги.

Кашу на сей раз Том сварил понаваристее и даже, расщедрившись, добавил сушеного мяса. Адриан очнулся к вечеру и долго не мог понять, где находится. Похоже, от прогулки по горам он слегка одурел.

– Проветрился? – поинтересовался Том, силой впихивая ему в руки ложку и горшок с кашей. Адриан тупо уставился на них, потом с жадностью набросился на еду и не отвечал, пока не умёл всё до последней капли. Затем посмотрел на Тома с таким видом, словно готов был вылизать горшок. Более милосердный человек принял бы во внимание нервное истощение и дал парню добавки, но Том был непреклонен. Как-никак, мальчишка провинился, и пострадал исключительно из-за собственной глупости.

– Ну как, понравились здешние пейзажи?

– Ладно, хватит глумиться, – отвернувшись, проворчал Адриан. – Я всё понял. Дороги вниз нет.

– Почему же нет. Есть дорога. Другое дело, что её знать надо. Я вот её знаю, ты – не знаешь. Делай выводы.

– Теперь понятно, почему тут такая глушь, – уныло сказал Адриан. – Тут сам Молог шею свернёт.

– Ну уж нет, как раз Мологу это место – в самый раз. Это, можно сказать, его дом родной. Единственное место в телесном мире, где хозяйствует он, а не Гилас.

Адриан насторожился. Он вообще вздрагивал всякий раз, когда Том заводил речь о Мологе. Богобоязненность была, судя по всему, единственным, что его родичи озаботились в него вложить.

– А ты не знал? – делано удивился Том. – Ведь именно в Уивиелле находится тайное святилище Молога. Не единственное, конечно, но главное – это точно.

– Святилище Молога?! – неестественно высоким голосом переспросил Адриан. И тут же, сорвав голос до хрипоты, сдавленно добавил: – Здесь?!

– Ну, не прямо здесь, конечно. Оно под землёй. Лабиринты, по которым ты сегодня бродил – только верхняя, самая малая часть горной гряды. По слухам, эти ущелья уходят на много миль в глубь земли, и где-то там находится святилище, такое же огромное, как святилище Гилас в Сотелсхейме. Впрочем, ты, должно быть, никогда не бывал в Сотелсхейме...

– А ты бывал там? – всё так же хрипло спросил Адриан. Глаза у него стали огромные, как блюдца, и от этого он стал казаться ещё младше – суший цыплёнок.

– В Сотелсхейме? Приходилось пару раз. Хотя святилище Гилас там – не самое большое строение, ты б поглядел на замок конунга...

– Да не Гилас, – просипел Адриан. – Молог! В святилище Молога ты... был?

– Нет, – улыбнулся Том. – И тебе не советую. Вряд ли там происходит нечто такое, что может послужить стоящим назиданием для юноши твоих лет. Но учти: будешь шастать ночами по ущельям – не ровен час, забредёшь и в святилище. Никто не знает его точного местонахождения, во всяком случае, никто им зазря не поделится... но вот так набрести – людское счастье. Так что гляди.

– Гляжу, – понуро отозвался Адриан.

Том пожалел, что не воспользовался этой историей сразу: ему не хотелось запугивать мальчишку лишний раз, но вот так, понемножку, – почему бы и нет. Тем более, насколько он мог судить, толки о святилище Молога в Уивиелле были вовсе не лишены основания.

– А ты откуда столько знаешь про Молога?

На сей раз Том ответил лишь холодным взглядом.

– Вымой горшок, – велел он, и на том их разговор окончился, так и оставшись единственной беседой на последующие несколько недель.

Однако расчёт Тома оказался ошибочен. Хотя Адриан и боялся злого бога и явно подозревал Тома в поклонении ему, на самого Тома этот страх не распространился. Том, впрочем, не слишком из-за этого переживал. Адриан по-прежнему глухо ненавидел его, по-прежнему огрызался, но, по крайней мере, делал всё, что ему велели, и больше не пытался удрать. Конечно, наверняка это было неспроста, и мальчишка вынашивал новый глупый план, но пока что Тома вполне устраивало и такое напряжённое перемирие. Так и жили: Адриан втихаря точил зуб, Том же как ни в чём не бывало мордовал Адриана, загружая его работой до предела мальчишеских сил, не оставляя времени, чтобы думать и страдать в полной мере. Ведь Адриан не знал, и не должен был знать, главного: важнее его физического возмужания, и даже важнее изоляции от людей была необходимость тяжёлым каждодневным трудом заглушить в нём тоску и тревогу по родным, по прежней жизни, потому что ни к чему из этого у него не было возврата. О чём он тоже пока не должен был знать; эта мысль, могущая в нём зародиться, Томом всячески подавлялась. И не без успеха: только однажды Адриан спросил его: «Когда ты отпустишь меня?» – за что получил затрещину – и больше не спрашивал.

На четвёртой неделе их совместного отшельничества Том решил, что уже может оставить Адриана одного на день-другой. Бегать он не будет, с хозяйством управится, с голоду не помрёт.

– Я иду в долину, – непререкаемым тоном сказал Том, когда они, как обычно, завтракали в атмосфере молчаливой враждебности. – Вернусь завтра к вечеру.

– Зачем? – мрачно спросил Адриан.

– Зачем иду или зачем вернусь?

– Да пошёл ты, – всё так же мрачно посоветовал Адриан, коротко крикнул от дежурного подзатыльника и смолк.

Том показал ему, где лежат припасы.

– Каши я тебе наварил на два дня, но холодная она дрянь, так что бери отсюда что хочешь. К огню не лезь, ещё сожжёшь тут всё. Лучше уж лопай мясо, пока есть возможность, – когда я вернусь, пировать больше не получится.

Адриан хмуро посмотрел на то, чем ему предлагалось пировать, и мотнул головой – видимо, это означало примирение со своей судьбой.

Том снял с пояса нож в простых кожаных ножнах и протянул Адриану.

– Держи. На случай, если беглый каторжник заглянет на огонёк. На моей памяти, правда, такое лишь раза два случалось, но мало ли.

Адриан вытаращился на нож, потом на Тома. Поняв, что тот ничуть не шутит, принял подарок и, неуверенно потянув из ножен, осмотрел лезвие, будто ожидая увидеть вместо него тупую деревяшку. Убедившись в дееспособности оружия, вернул клинок на место.

– Спасибо.

Том удивился, но виду не подал.

– Не за что, дурья твоя башка. Дай-то Гилас, чтоб не пригодился.

Собираясь в дорогу, Том размышлял, не совершил ли ошибку. Ему казалось, что Адриан не из тех, кто станет бить в спину, но жизнь научила его, что ни в ком и ни в чём нельзя быть уверенным до конца. Однако если мальчишка и затевал что-то подобное, то собирался с духом слишком долго – а может, даже понимал, что, убив своего мучителя, останется навеки заперт в этом богами забытом месте. Том беспрепятственно вышел из хижины, и Адриан ступил за ним на порог. Нож он заткнул за пояс и стоял теперь, спрятав руки за спину, будто скрывал что-то от чужих глаз.

Том подумал, что надо бы дать ему ещё какое-то напутствие, но ничего толкового в голову не приходило. Поэтому он просто коротко кивнул на прощание и зашагал вниз по тропе.

Он опасался, что Адриан проследит за ним, оставляя метки на дороге, поэтому нарочно шёл длинным путём по открытой местности, где мальчишке негде было бы укрыться. Но, похоже, Адриану не хватило на это ума – за Томом никто не следил. Уже на полпути к долине он вспомнил, как посоветовал Адриану не зажигать огонь, и вслух обругал себя идиотом. Лучшее, что парень мог сейчас предпринять, чтобы избавиться от заточения – это поджечь хижину. Правда, так недолго и самому сгореть или задохнуться в дыму, но если отсидеться в одной из ближних расщелин, то можно было дожждаться Тома и, разведя руками, поставить его перед фактом: горное убежище уничтожено, жить и кормиться негде. И Тому пришлось бы отвести его в долину. Сперва бы выпорол, конечно, но потом бы отвёл. Оставалось молиться Хитроумной Аравин, чтобы она отвратила свой взор от мальчишки и не дала ему ума на такой коварный трюк.

Эти мысли изрядно подпортили Тому настроение, и по пути вниз он постоянно оборачивался, ожидая увидеть клубящийся в вышине дым. Но дыма видно не было, и он всё-таки спустился в долину, где было тепло и сухо и всю кипела жатва.

От подножия гор до ближайшей деревеньки было часа четыре пешего ходу, и, когда Том добрался до неё, послеполуденный зной спал, а большинство крестьян уже вернулись с полей, и можно было без труда выторговать необходимые товары. Тома в деревне знали, хотя и несколько сторонились – никто не станет радостно привечать чудака, живущего отшельником в горах. К тому же они не знали, что он вернулся, – Том вёл Адриана в Уивиелл мимо деревни, окольной дорогой. Так что со стороны это и впрямь смотрелось странно: то пропадал незнамо где, а теперь нате – явился как ни в чём не бывало. Однако Том был вежлив, одет в чистое и предлагал звонкую монету, поэтому никто не стал задавать ему слишком много вопросов. А вот сам он вопросы задавал, и это тоже было совершенно нормально для человека, раз в год спускающегося с гор в долину.

На слухи и новости деревня оказалась богата. Только и разговоров стояло, что про недавнюю бурю во фьеве Эвентри. От Гвэнтли до Эвентри был не один десяток лиг, их разделяли два других фьева, но беглые крестьяне из разорённых Индабиранами деревень добрались и сюда. Кое-кто из них осел на землях Гвэнтли, и никому это не казалось изменой, потому что все сходились в одном: клана Эвентри больше нет, а потому и верность хранить некому.

– Всех повязали, всех! – охотно делился впечатлениями один из перебежавших крестьян, которому кружка дармового эля, благодушно оплаченного Томом, мгновенно развязала язык. Он снялся с места одним из первых и успел вывезти всю семью, а поскольку в Гвэнтли жила родня его жены, туда и направились, однако по дороге успели набраться слухов, и теперь крестьянин охотно их распространял. – Старшего сына Эвентри, лэрда то бишь, порубили в первую же ночь. Говорят, сопротивление оказывал – ну да ещё бы, когда такой гвалт творится! Старый лорд тоже за меч взялся, и ему досталось. Говорят, не выжил.

– Что, и лорда, и наследника? Так кто же теперь глава клана? – вмешался один из мгновенно подсевших к общему столу слушателей – про бурю в Эвентри поговорить горазды были все.

– Выходит так, что Анастас, второй сын лорда Ричарда. Да только его как раз найти не смогли – говорят, не было его в замке той ночью. И его, и третьего сына тоже. Говорят, они вдвоём сбежали и теперь войско собирают.

– Какое войско? – испугался кто-то. – Что, война будет?!

– Да не у нас, дурень! Наш лорд-то сам по себе, он ни Фосигану, ни Одвеллу присяги не давал, – растолковал осведомлённый крестьянин. – Стало быть, и мы ни при чём.

– Однако ж быстро ты своего прежнего лорда позабыл, – заметил кто-то.

Говоривший не обиделся, только пожал плечами.

– А разница-то в чём? Там землю пахал, и тут буду, там повинность платил, и тут стану. А лорды – они на то и лорды, чай меж собой как-нибудь сами разберутся.

– Постой-ка, но ведь у лордов Эвентри вроде ещё младший сынок был? И дочки? – влез ещё один знающий, не исключено, что тоже беглый. Рассказчик окинул его оценивающим взглядом.

– Был и есть, – изрёк он наконец. – Только он мальчонка семи, что ли, годков. Говорят, его собираются в дальний монастырь отослать, к Лутдаху, вроде.

– Милосердный Гвидре, помилуй мальчика! – жалостно воскликнул кто-то – Гвэнтли тоже поклонялись богу странников, поэтому сочувствие выглядело искренним. – Мало что в монастырь, так ещё и чужому богу отдали...

– Сыну Молога, – мрачно напомнил крестьянин. – Да, что уж говорить, не повезло пацану. Но и двоим старшим, что пропали, – как знать, больше ли повезло. Уж и в живых-то нет наверняка.

– Да нет, я слышал, младшего из тех двоих – как там бишь его? – видели в окрестностях замка, будто под видом угольщика...

– Ага, – сказал крестьянин и смачно сплюнул под стол. – Угольщик, как же, помню. И с ним мужик какой-то, что за его отца себя выдавал. Индабираны всё вокруг перерыли и перевязали всех угольщиков в округе. Две деревни дотла сожгли.

– Прямо сожгли?! – ахнул кто-то.

– А то. Чай не их земля, не их люд, чего им жалеть.

– Но теперь-то, выходит, земля – их?

– Не их, а Одвеллов. Индабираны – верные септы, если воруют, то не для себя, а для великого клана.

Мужики зло посмеялись, без особого веселья. Том чувствовал их затаенное напряжение и, несмотря на разговоры о том, что Гвэнтли сохраняют нейтралитет, понимал, что всё не так просто. Равнодушие мужиков было понятно – простолюдины на землях Эвентри не сильно пострадали; судя по этому и другим разговорам, которые он слышал, всё ограничилось стихийным набегом на две восточные деревни у замка и репрессиями против угольщиков. Грабить и жечь Индабираны не стали – они просто совершили поразительный в своей наглости набег, почти бескровно захватив клан, приходившийся септой главенствующему ныне клану Фосиган. Это был могучий удар по конунгу, но также – и удар по Одвеллам, которым присягали и от имени которых действовали Индабираны. Тому с трудом верилось, что Одвеллы в самом деле пошли на такую дерзость – подобный произвол возвращал Бертан в давние времена хаоса и кровавых междоусобных распрей, существовавших испокон веков и если не прекратившихся, то хотя бы поутихших с установлением власти великого конунга. Однако за этот титул, за причитавшиеся ему замок-город Сотелсхейм, за влияние и власть шли битвы подчас не менее, а то и более кровавые, чем в прежние времена. Что более коварные – так это точно. Прежде замок Эвентри взяли бы штурмом или подвергли изнурительной осаде, но чтобы вот так, прокрасться ночью и одним ударом обезглавить целый клан... это было просто, изящно и очень подло.

Продолжая слушать и помалкивать, Том выяснил, что леди Эвентри жива и невредима, но после смерти мужа пожелала удалиться от мира и посвятить себя Гвидре. Похоже, в отличие

от младшего братишки Адриана, бедной женщине, по крайней мере, позволили самой выбрать бога, которому отныне будет отдана её жизнь. Девочки Эвентри также были живы и – тут Том прислушался внимательнее – помолвлены с септами Одвеллов, причём свадьба одной из них уже состоялась. Такая поспешность, а главное, осмотрительность наводила на самые нехорошие подозрения. Одвеллы вознамерились как можно крепче связать себя с Эвентри, что было в принципе невозможно в мирное время – поскольку Эвентри присягнули Фосиганам, а также в силу других причин, о которых Том знал больше, чем ему хотелось бы. Однако методы, которыми создавалась эта искусственная связь, были слишком неуклюжи – будто кто-то наспех пытался загладить допущенную ошибку. А ведь ничем иным, кроме как ошибкой, нападение на Эвентри не было. Спасут ли их Фосиганы от полного уничтожения – вопрос спорный, в особенности если Анастас Эвентри погиб, а Адриана Том выдавать ни в коем случае не собирался. Малолетний Бертран отдан в монахи, живых братьев и дядьев по отцовской линии у погибшего лорда Ричарда не осталось – возглавить клан некому, значит, клана не существует. Но ничто не мешает Фосиганам отомстить за павшего септу, организовав карательный поход против Одвеллов. И чем больше Том об этом думал, тем больше ему казалось, что сложившаяся ситуация гораздо более выгодна Фосиганам, давно мечтавшим уничтожить извечных соперников в битве за конунгат, чем Одвеллам, которые всего лишь сняли одну пешку с доски. Хорошо, пусть не пешку – пусть ладью, дела это не меняло. Так или иначе, эта минутная победа грозила Одвеллам скорым шахом и матом.

«И какое же счастье, что всё это ни в коей мере меня не касается», – мрачно подумал Том.

Однако эти размышления, пусть и бесполезные, окончательно утвердили его в мысли, что сами боги – не стоит уточнять, кто именно из них, – послали его за Адрианом именно в это смутное время. Потому что этот мальчик, будь он сейчас в эпицентре событий, мог всё изменить. И не просто мог – он изменил бы, и, возможно, так, что Бертан захлебнулась бы в крови, как это уже случилось двенадцать лет назад. Тогда в ответе за это был другой мальчик, и рядом с ним не было умудрённого жизнью Тома, чтобы вовремя выдернуть его из мясорубки, в которой первыми летели головы ни в чём не повинных людей. Впрочем, когда доходит до войны, в ней не бывает ни в чём не повинных.

Убедившись, что все необходимые продукты собраны, Том поблагодарил за интересную беседу и отправился спать. Следующим утром, встав по привычке рано, поддался внезапному порыву и сходил на деревенский рынок, где купил несколько леденцов, ещё горячих, пахнущих сладкой патокой. Пацана негоже баловать, конечно, и Том собирался отдать их ему, только если по возвращении обнаружит образцовый порядок, а самого Адриана – смирно сидящим у крыльца, а лучше занятым какой-нибудь работой. Вероятность этого была невелика, так что Том почти не сомневался, что леденцы не пригодятся. Сам он сладкого никогда не любил, поэтому деньги заранее можно было считать выброшенными на ветер, однако и эта мысль его почему-то не удержала от бездумной траты.

Несмотря на обещание вернуться к вечеру, Том возвращался днём. Он не хотел признаваться себе в этом, но его подгонял страх, от которого он отмахивался весь вчерашний день, – как бы мальчишка не додумался устроить поджог. Однако на середине пути, там, где обычно дым уже был хорошо виден, ничего подозрительного не наблюдалось. Неожиданно для себя Том ощутил такое облегчение, что решил: «Молог с ним, пусть нажрётся этих леденцов, как бы там ни было. А потом я его за водой вверх-вниз так загоняю, что весь жирок мигом стонит». Оставшийся до дома широкий участок пути он проделал быстрым шагом, почти бегом.

Хижина стояла на месте.

Адриана нигде не было.

* * *

Сперва Том не беспокоился и даже не удивился. Он обещал парнишке два дня почти полной свободы – было бы наивно ожидать, что он ими не воспользуется. До вечера Том разгружал свои покупки, разогревал кашу на ужин (нетронутую, как и следовало ожидать) и пропалывал огород, к которому Адриан опять же предсказуемо не прикасался. Сушёных запасов стало меньше, но не настолько, чтобы дать повод опасаться, будто мальчишка снова затеял побег – в то же время было очевидно, что ушёл он не далее как сегодня утром, иначе не успел бы столько съесть. Словом, Том не видел поводов для тревоги и даже почти не думал об Адриане до тех пор, пока не начало смеркаться.

Тогда он решился посмотреть правде в глаза.

Парень удрал, в этом не оставалось сомнений. И припасов не взял не потому, что не собирался бежать, а потому что дурак. Он уже по меньшей мере сутки бродит по ущельям и, если не разбился и его не укусила змея, сидит сейчас, забившись в угол какой-нибудь расщелины, и ждёт, пока Том его снова отыщет.

Было очень сильное искушение не доставлять ему такого удовольствия.

Вышвырнув в ущелье леденцы, Том взял палку и пошёл искать.

На сей раз ни ему, ни Адриану не повезло. Что неудивительно – лукавая Тафи, покровительница игроков и безмозглых идиотов, редко бывает милостива дважды. Том ходил по склону до утра, обойдя все известные ему закоулки, заглянув в каждую расщелину и изойдя криком – бесполезно. Мальчишка как в воду канул, а более вероятно – валялся среди камней с раскроенным черепом.

Когда начало светать, Том понял, что дальнейшие поиски бессмысленны. Он выбился из сил от усталости и злости, и ещё – от мучительного чувства вины и страха, что с самого начала ошибался во всём. Он всё равно не смог бы уснуть, поэтому предпринял последнее, что мог сделать, – спустился в долину и пошёл к деревне, которую покинул всего сутки назад. Невероятно – но что если Адриану удалось самостоятельно найти путь с гор? Что ж, в таком случае всё кончено, и в то же время Том много отдал бы, чтобы было именно так. Иначе пройдёт неделя, и запах приведёт его к давно остывшему телу в одной из расщелин, мимо которых он проходил сегодня ночью – и он старательно отбрасывал мысли о том, что будет делать тогда.

Он думал об этом всё время, пока спускался с гор, и настолько погряз в запоздалых самообвинениях, что не сразу заметил, как изменилась долина.

Поля опустели. Единственная улица деревни, несмотря на ранний час, была полна людей. Мужчины возбуждённо переговаривались, женщины причитали, дети непонимающе плакали и тянули родителей за полы кожухов. Всё пришло в движение, никто не стоял на месте. И у многих было оружие, но только выглядели люди так, будто вовсе не хотели им пользоваться.

– Что стряслось? – спросил Том, протиснувшись в центр толпы.

Все говорили разом, не умолкая, и, казалось, вопроса никто не услышал, но тем не менее ему ответили.

– Лорд Гвэнтли собирает ополчение! На заре гонцов прислал!

– И спешно, всё так спешно, – всплеснув руками, запричитала одна из женщин, перекрикая полдюжины орущих детей, цеплявшихся за её юбку. – Прямо всё бросай и в поход!

– Какой поход? Куда? – волновались остальные, растерянные не меньше Тома.

– На Одвелла! Куда ж ещё! – басовито прогремел над толпой мужик, в котором Том признал одного из вчерашних собеседников.

– Да не на Одвелла, нет! На Фосигана! На конунга! – выкрикнул кто-то, и толпа потрясённо примолкла. Несколько секунд был слышен только детский плач и тревожное мычание неподоенной коровы в соседнем дворе. Потом снова заговорили все разом:

– Как на конунга? Почему, зачем?

– То не наше дело, зачем! Сказано – на конунга, и собираться спешно, в замок всем явиться до полудня!

– Да совсем подурели – до полудня! Туда ж от нас добрый день ходу!

– Так и хватит лясы точить! Хотите, чтоб солдатню сюда понаслали?! Дождётесь!

Том ничего не понимал. И то, что в этом он был не одинок, ничуть его не утешало. Он отыскал парня, который первым заорал про Фосигана, и схватил его за грудки.

– Что ты несёшь, дурак? Кто тебе сказал, что война будет против Фосигана?

– Да гонец же сказал, гонец! – крикнул тот; щёки у него разалелись, глаза блестели, но он не был похож ни на дурака, ни на вралю. – Я сам слышал, и вот, Роб тоже слышал, и Гунс – они там были, верно, ребята?

– Верно, верно! – охотно подтвердили те.

Том выпустил парня. Голова у него шла кругом, ноги почти не держали – сказывалась бессонная ночь. А кругом продолжали голосить.

– Цапаются нынче лорды, что ж, нашему в стороне быть?

– Лорды цапаются, а нашим бошкам лететь!

– Пропади они пропадом!

– Жатва же в разгаре! Кто урожай собирать станет, бабы, что ли?

Если Адриан и проходил через деревню, то выяснить это при нынешней суматохе было совершенно нереально. Выбравшись из толпы, Том побрёл назад, к горам. То, что он только что видел и слышал, казалось дурным сном. Гвэнтли выступят против Фосиганов? Почти невозможно. Если они и решились нарушить давний нейтралитет, на то должна была быть очень веская причина, и ещё вчера Том поставил бы сто к одному, что, доведись всё-таки выбирать, они поддержат сильнейшего... но разве Фосиган – не сильнейший? Разве Одвеллы нападением на клан Адриана не подтвердили лишний раз свою вероломность, разве это не должно было окончательно отвратить от них тех, кто подумывал о союзе?.. И разве Гвэнтли, чьи земли располагались между землями враждующих кланов, не были всегда обращены лицом в сторону Сотелсхейма? К тому же такие вещи не решаются за день, а ещё вчера подобного поворота событий никто не ждал.

То, что сейчас происходило, отдавало абсурдом. Объяснение было одно: что-то случилось за прошедшую ночь. За ту ночь, которую Адриан провёл одни боги знают где...

Интересно, какие именно боги?

Поднимаясь по горной тропе, Том чувствовал себя дряхлым стариком. Один раз он даже едва не сорвался в опасном месте, которое знал и всегда обходил. Он уже не расчищал посохом путь, а тяжело опирался на него, будто столетний старец. И виной тому была не физическая усталость, а мутное, вязкое чувство, такое знакомое и такое ненавистное. Это было чувство *знания* – то, что осталось ему как отголосок давних времён, издевательское напоминание о том, от чего он сам сознательно отказался. Но ни одну ношу нельзя просто сбросить и пойти дальше как ни в чём не бывало – в лучшем случае останется боль в плечах. У Тома болело что-то – какое-то странное, тайное место в глубине его естества, которое и существовало, кажется, лишь для того, чтобы болеть.

Оно всегда болело, когда он думал об Адриане Эвентри.

«Гилас! Пусть он всё-таки окажется мёртв!» – взмолился Том – по-настоящему, со страстью, с которой не вызывал к богам уже много лет. Это до того потрясло его, что он остановился, даже не заметив, как из-под ноги сорвался и понёсся вниз увесистый камень. Пусть он окажется мёртв, Гилас. Пусть его возьмёт Молог в своём тайном святилище. Том повторил это про себя ещё раз, яростно стискивая посох обеими руками. Ему не хотелось этого, но он знал, что об этом *надо* просить – не важно, чего хочешь ты сам, всегда есть нечто более важное...

Но боги никогда его не слушали – ни раньше, ни теперь.

Выйдя на последний виток тропы, откуда уже была видна хижина, Том увидел Адриана. Мальчишка сидел на земле, обхватив голову руками. Будто почувствовав взгляд Тома, вскинулся – и, хотя они были ещё слишком далеко друг от друга, Тому почудилось, будто они встретились взглядами. Он остановился на месте, будто вкопанный.

Внутри судорожно скрутилось в последний раз – и перестало болеть.

Адриан вскочил и побежал ему навстречу.

Том смотрел, как он бежит. Стиснул зубы так крепко, что свело судорогой челюсти. Потом разжал их.

И пошёл вперёд.

4

В этот раз он не собирался сбегать. Правда же, не собирался – просто ему стало смертельно скучно, и он решил немного разведать местность вокруг хижины, не отходя далеко – когда ещё представится такая возможность! И глазам своим не поверил, когда, пройдя всего полсотни шагов к долине, увидел этих людей.

Его до сих пор колотило, когда он вспоминал их. Их лица, обращённые к нему, когда он закричал им: «Постойте!»

– Том! Где ты был?! Я думал...

– Где я был? – мягко переспросил тот. Никогда прежде Адриан не слышал от него такого тона. Внезапно он обнаружил, что они стоят друг против друга посреди тропы – и понял, что сам подбежал к Тому. Хотя теперь, глядя в его неподвижное лицо, на его странную, напряжённую полуулыбку, Адриан не мог понять, зачем сделал это.

Мгновением позже до него дошло, что Том не только что вернулся из деревни... отнюдь не только что. Адриан потупился и непроизвольно отступил назад.

– Так ты...

Том молча прошёл мимо него. Адриан помедлил и поплёлся следом, глядя на оббитый железом конец посоха, впивающийся между камней, с тихим шорохом осыпавшихся Адриану под ноги. А он спотыкался о них, забывая преступать, и понемногу сбавлял шаг.

Том подошёл к дому и поставил посох у стены. По-прежнему ни слова не говоря, стянул через голову рубаху и повернулся к бадье с водой, приготовленной на утро. Бадья была полна на две трети – Адриан брал из неё воду вчера днём, но к ручью потом не ходил. Дьявол, ещё и за это теперь влетит... Том схватил бадью обеими руками и, резко подняв, опрокинул над головой. Поток воды шумно хлынул по его телу наземь, струясь по взбугрившимся мускулам. Адриан завороченно смотрел, как ходят под тёмной кожей тугие мышцы, и вздрогнул от грохота, с которым Том швырнул бадью на землю.

Всё так же ни слова не говоря, Том развернулся и вошёл в дом.

Адриан какое-то время топтался во дворе, ничего не понимая. Он не удивился бы выволочке, и даже, пожалуй, на сей раз согласился бы с ней – да что там, он был бы ей попросту рад! Потому что тогда он смог бы объяснить, что случилось... а он сам этого не понимал и потому мучительно хотел поделиться, пусть бы и с Томом – всё равно ведь не с кем больше.

Тяжело вздохнув, Адриан спрятал руки за спину и робко ступил на порог.

– Том?..

– Сядь.

Том обтирал полотенцем руки и шею. К двери он стоял спиной, и на Адриана по-прежнему не смотрел. Адриан пробрался к столу и сел на краешек скамьи. Том шагнул к двери и захлопнул её.

На дворе стоял ясный день, но в хижине сразу стало сумрачно. Окна были забраны ставнями, и лишь пробивавшийся сквозь щели свет рассеивал полумрак. Адриан зябко повёл плечами.

Том подошёл к печи и порылся за ней. Вытянул что-то, завернутое в солому, и какое-то время отряхивал. Потом поставил на стол, и Адриан увидел, что это бутылка толстого зелёного стекла – в таких в замке Эвентри хранили выдержанное вино.

Том сел напротив Адриана, откупорил бутылку и плеснул себе в кружку. Подумал немного, потом плеснул ещё, а потом вино полилось струёй, и лилось, пока кружка не стала полна до краёв. Том взял её и пил не отрываясь, а Адриан, так же не отрываясь, смотрел на него, пока дно опорожнённой посуды не стукнуло о столешницу.

– Рассказывай, – спокойно приказал Том.

Адриан сглотнул.

– Я не собирался сбегать, – поспешно сказал он, полагая, что это самое главное. – Просто... ну...

– Просто я ушёл, и ты возомнил, что тебе всё позволено, – без выражения закончил Том. – Дальше.

– Я не собирался отходить далеко, честное слово! Я же помню... как ты... Ну, словом, я просто бродил тут неподалёку...

– Сутки напролёт? – мрачно спросил Том.

Сердце у Адриана подскочило. Когда же он вернулся?!

– Ну... так вышло...

– Я велел, чтобы ты рассказывал, а не мямлил всякую чушь. И я не повторяю в третий раз, Адриан, тебе это известно.

Ему действительно было известно. Но только то, что так хотелось рассказать человеку, готовому выслушать, никак не складывалось в слова теперь, когда он чувствовал себя будто на допросе.

Том смотрел на него, сжимая ручку пустой кружки, и Адриан решил не тянуть.

– Я увидел людей.

Пальцы Тома сжались крепче.

– Людей?

– Да... их было трое. Я обалдел просто, ты же говорил, тут никто никогда не ходит!

– Так и есть.

– Но они же ходили! Я их точно видел! Я с ними...

– Говорил? – обречённо закончил Том.

Адриан опасливо кивнул.

– Я... попытался. Ну ты сам подумай, ты меня уже целый месяц тут держишь! – внезапно разозлившись, выпалил он. – Я человеческого лица всё это время не видал, кроме твоей рожи, а от тебя меня тошнит уже!

Ещё вчера он непременно получил бы за эту вспышку крепкий подзатыльник. Но сейчас Том не двинулся с места, всё так же глядя на Адриана ясными, абсолютно непроницаемыми глазами. Будто ждал.

Злость Адриана моментально прошла. Он снова сгорбился и отвёл взгляд.

– Я крикнул им. Чтоб подождали... чтоб помогли мне отсюда выбраться, – мрачно закончил он, уже не заботясь, что ему за это будет.

– А они, однако же, не помогли, – жёстко усмехнулся Том.

Адриан посмотрел на него с ненавистью.

– Ладно, Адриан. Что было, то было. Эти люди ушли, а ты всё ещё здесь. Как они выглядели?

– Это были не каторжники, – сказал Адриан, думая, что именно эта опасность ввергла Тома в такое странное состояние. – Я потому так и удивился. Обычные люди, хорошо одетые... слишком даже хорошо. И бороды у них были аккуратные, словно вчера подстригали.

Том неотрывно смотрел на него. Адриан растерялся.

– Я правду говорю!

– Какого цвета на них была одежда?

– Что?

– Отвечай! – закричал Том и с силой ударил кулаком по столу – так, что тот качнулся.

– Фиолетовая... фиолетовая с жёлтым, – помертвевшими губами ответил Адриан. – На всех троих.

Том расхохотался.

Он смеялся долго, будто услышал очень хорошую, свежую шутку. Всё ещё смеясь, снова налил себе вина – на сей раз не до краёв, а половину кружки. Потом выпил. Его плечи всё ещё подрагивали от смеха.

– Чудо-то какое, – проговорил он наконец, ни к кому не обращаясь. – Ну просто чудо! Эх, Адриан Эвентри! Видать, и правда...

Он умолк. Даже тени улыбки не осталось на его лице. Он быстро протянул руку и крепко сжал запястье Адриана, так, что едва не хрустнули кости.

– Что они сказали? Когда ты закричал, что они тебе ответили?

– Н-ничего, – выдавил Адриан, почти не чувствуя боли в стиснутой руке – гораздо сильнее был недавно пережитый страх, в этот миг нахлынувший с новой силой. – Они... убить меня хотели...

– Убить? – переспросил Том; его глаза чуть расширились, словно от удивления, хотя потрясённым он вовсе не выглядел. – Это как? За что?

– Почём я знаю! – бросил Адриан и попытался вырваться, но Том тут же сжал его запястье с такой силой, что тот застыл, боясь, как бы этот сумасшедший в самом деле не сломал ему руку. – Я правда не знаю, Том. Я им крикнул, чтобы они подождали меня, что я хочу спуститься с ними...

– Ты назвал им своё имя?

– Нет... я не успел. Они сначала просто на меня смотрели, и лица у них были такие странные... вроде совсем обычные, один даже на отца чем-то походил, и в то же время они так странно глядели, что я пожалел... пожалел, что заговорил с ними.

– Правда? – с улыбкой спросил Том. – Правда пожалел?

– А то, – совершенно искренне ответил Адриан. – Они меня послушали, потом перемолвились между собой, и один из них вытащил меч. Ну, я и испугался, конечно! Не знаю, чего это они...

– А я знаю.

Адриан осёкся. Какое-то время они с Томом смотрели друг на друга. Их лица находились очень близко. Адриан мог разглядеть каждую морщинку возле глаз Тома, даже в полумраке, чувствовал влажный запах его мокрых волос. Снаружи беспечно свистела птица, и внешний мир внезапно показался Адриану ужасно чужим и далёким.

Том выпустил его и выпрямился.

– Эти люди, Адриан, из клана Гвэнтли. Судя по всему, сам лорд с братом и старшим сыном.

– Гвэнтли? – моргнул Адриан. – Здесь? Но они же... зачем же они...

– У поклонников Молога есть обычай, – продолжал Том, подливая себе вино. – В смутное время трое старших членов клана обращаются к нему с просьбой о заступничестве. Молог зол, но честен, и, дав слово, держит его. Однако надо твёрдо знать, даёт он это слово или нет. Старшие члены клана надевают родовые цвета и идут к тайному алтарю Молога – хорошо бы, конечно, в главном святилище. Гвэнтли повезло, что оно находится на их земле. Там они приносят жертву и просят отца-Молога о заступничестве. Свои одежды при том окропляют кровью. Ты не заметил на них крови?

– Н-нет...

– Что ж, значит, аккуратно окропили. Им ведь надо было пройти через собственные земли, в собственных цветах... Возвращаясь, они должны молчать, не глядеть друг на друга и не прекращать молитв до тех пор, пока кто-нибудь, встретившийся по дороге, не обратится к ним с просьбой. Если это будет женщина – значит, Молог отринул их молитву. Если мужчина – значит, Молог молитву принял.

Он смолк и надолго приложился к кружке. Адриан пытался осознать то, что только что услышал.

– Так значит... они теперь...

– Накануне, – невозмутимо перебил его Том, – Гвэнтли объявили набор в ополчение. Они знали, что война неизбежна, вопрос был лишь в том, на чьей стороне выступать. Молог принял их, и теперь они рассчитывают на Молога. Теперь они не побоятся воевать с Фосиганами.

– Но ведь Гвэнтли поклоняются Гвидре, сыну Матери-Гилас!

– Ты хорошо знаешь историю своей страны. Молодчина.

– Но как же...

– Это не первый случай, когда клан меняет богов. И уж совсем не редкость, когда он берёт себе бога того клана, чьим септой становится.

– Гвэнтли примкнут к Одвеллам? – еле слышно спросил Адриан.

– Уже примкнули. И погляди, как всё отлично складывается! Теперь им достаточно перекрывать перевал через Уивиелл, и армии Фосигана придётся делать огромный крюк, чтобы подняться на север. По меньшей мере они выиграют для Одвеллов несколько недель. А те за эти несколько недель успеют присоединить ещё пару-тройку кланов...

Адриана колотила дрожь. Он стиснул руки под столом в кулаки, и всё равно не мог её унять. Дело было даже не в том, что говорил Том. Намного хуже было то, как он при этом на Адриана смотрел.

– Но я же не виноват, – прошептал Адриан. – Я же не знал... я не хотел!

– Конечно. Ты не знал и не хотел. Но ты виноват. Ты в ответе за это.

– Да они могли какого угодно мужика встретить по дороге! Какая разница, я или...

– Они бы не встретили мужика. Они бы встретили женщину. Все мужчины сейчас, подчиняясь приказу, уходят из деревень. А женщины остаются, и одна из них узнала бы своих лордов и кинулась бы им в ноги, прося не забирать мужчин в самый разгар жатвы. И они бы выполнили эту просьбу, потому что женщина – это Гилас, и Гилас говорила бы голосом этой женщины, предостерег их от союза с Мологом. Они не посмели бы ослушаться.

– Я не виноват, – повторил Адриан. – Я же не...

Том вздохнул. Это был самый обычный вздох, короткий и усталый, но на Адриана он подействовал будто ушат холодной воды. Том отставил кружку, встал и прошёлся по хижине, ероша мокрые волосы. Адриан пытался понять, о чём он думает, какое решение собирается принять, – и чем больше пытался, тем меньше ему хотелось что-либо понимать. Хотелось забраться с головой под медвежью шкуру, свернуться под ней и заснуть... и спать, спать, пока всё это не закончится.

– Адриан. Слушай меня очень внимательно. То, что я сейчас скажу, очень важно. Я не собирался говорить тебе это так скоро, но ты не оставляешь мне выбора. Я не знаю, поможет ли это... Не знаю, способен ли ты вообще думать о том, что делаешь, или всё впустую. Но теперь я скажу, и ты уже не сможешь отнекиваться, будто не знал и не виноват.

– Да о чём ты говоришь?! – сорвался на крик Адриан – эта спокойная, монотонная и притом совершенно непонятная речь повергла его в ужас.

Том остановился. И сказал, не оборачиваясь и не глядя на Адриана, роняя слова с безжалостностью палача, опускающего топор:

– Адриан Эвентри, ты – человек, который в ответе за всё.

Это обвинение повисло в воздухе. Адриан не осмелился переспросить, а Том не продолжал. Это длилось ужасно долго, потом раздался странный свистящий звук, и Адриан понял, что Том всё это время задерживал дыхание.

– Ты не понимаешь, конечно. Конечно... Я попытаюсь говорить просто. Раз в поколение рождается человек, который неизбежно меняет всё, с чем соприкасается. Что бы ни случилось, будь то хоть великая радость, хоть большая беда, – оно всегда связано с этим человеком. С его поступком. С выбором, который он однажды сделал... как правило, не думая ни о чём. Адриан, ты понимаешь, что натворил прошлой ночью? Ты обратился к людям, которых мог

просто пропустить мимо, они даже не заметили бы тебя. Но ты заговорил с ними, и это, может статься, изменит расстановку сил в будущей войне.

– Это... бред, – сипло сказал Адриан.

– В деревне твоего отца ты закричал, пытаюсь выдать меня. Ты мог смириться и смолчать, но сделал другой выбор. Из-за этого пошёл слух, что тебя видели в деревне, и Индабираны спалили её дотла. Этого тоже не случилось бы, если бы не ты.

Том обернулся к нему. Он стоял далеко, и Адриан не видел его лица.

– Подумай хорошенько, Адриан. Вспомни свою жизнь, своё детство. Вспомни, часто ли вокруг тебя происходили вещи странные или страшные. Вспомни, часто ли это случалось оттого, что ты сделал или сказал что-то не подумав. Вспомни, как другие люди относились к тебе. И подумай, отчего бы так.

Адриан вспоминал.

Ему было что вспоминать.

Детские глупости... какие случаются с каждым.

Он поспорил с сыном оружейника, кто глубже нырнёт на реке и дольше просидит под водой. Он хотел выиграть во что бы то ни стало, он *решил* выиграть – и нырял снова и снова, и терпел, почти задыхался. Сын оружейника тоже решил выиграть, и он выиграл. Он пробыл под водой дольше, чем Адриан, и его тело вытаскивали из воды баграми.

Он удирал от матери, пытавшейся задать ему взбучку, и спрятался за коровником. Мать не видела, куда он забрался, и кричала, чтоб он выходил, и тогда он, чтобы отвлечь её, распахнул калитку в загоне. Он хотел просто создать суматоху, чтобы мать о нём забыла, но из коровника выскочил бык и поднял на рога трёх человек, прежде чем взбесившуюся скотину успели пристрелить из арбалета.

А однажды его за какую-то провинность заперли в чулане, и он со скуки и от обиды поменял содержимое нескольких горшочков, которые нашупал в темноте. Вот пусть, думал, матушке вместо сахара соли насыплют в пирог. Насыпали – только не соли вместо сахара, а крысиного яду вместо перца, и, по счастью, не матушке, а часовому в караулке, который попросил крепко перченый супчик и свалился после него с жестокой хворью – едва оклемался потом...

Всё это глупости. Незлобивые детские глупости, которые случаются со всяким. И ведь он никогда не хотел ничего плохого. Просто так получалось.

Адриан почувствовал далёкую тупую боль – и обнаружил, что грызёт кулак. Вздвогнув, он отдёргнул руку.

Том стоял напротив и не сводил с него взгляда.

– Откуда ты знаешь? – спросил Адриан.

Том недобро усмехнулся в ответ.

– Я много чего знаю, парень. Дай боги тебе никогда не узнать того, что знаю я. Но ты понимаешь теперь, почему тебе нельзя было оставаться в Эвентри? Ты и без того успел надевать бед. Пока что ты мал, и беды от тебя тоже малые... были, – короткая кривая улыбка пробежала по его лицу и пропала. – Теперь ты подросток, мальчик, и творимые тобой беды подросли. Если ты уже сейчас одним своим словом палишь деревни и меняешь ход войн, то что будет дальше?

– Ты убьёшь меня? – в ужасе спросил Адриан.

Том посмотрел на него с осуждением.

– Думай, – приказал он.

Но думать не получалось. Он был слишком ошарашен и напуган, чтобы думать. Ему смертельно хотелось домой, в Эвентри, и пусть бы мать кричала, и отец глядел мимо, пусть бы Бетани язвила, шипела Алисия и малыш Бертран крутился под ногами, пусть бы Ричард смот-

рел с брезгливостью, пусть Адриана продали бы клану Сафларе... и пусть даже его возненавидел бы Анастас, пусть бы узнал обо всём и возненавидел за это – пусть! Только бы вернуться.

Адриан замотал головой, разбрызгивая наворачнувшиеся слёзы, за которыми ничего не было видно. Лицо Тома расплывалось и таяло в полутьме, а Адриану так хотелось понять, что же на нём написано.

– Может, и стоило бы тебя убить, – сказал Том. – Другой так и поступил бы на моём месте. Я бы так поступил... лет десять назад. Возможно. Но теперь – нет. Теперь я поступлю с тобой иначе, мальчик.

– К-как?

Твёрдая рука взяла Адриана за подбородок. Он дёрнул головой, пытаясь вырваться, стыдясь слёз, стыдясь страха, но не получилось. Том безжалостно разглядывал его. В нём не было ни милосердия, ни жалости, ни капли сострадания. Он мог только обвинять, и обвинял. Как и все взрослые.

– Тебе придётся научиться жить с тем, что ты есть, – спокойно сказал он. – Это будет непросто. Я попытаюсь помочь, чем смогу, но многое зависит от тебя... как и всегда. Я же говорил, ещё рано было для этого разговора, – вздохнул Том и выпустил его подбородок. Адриан запоздало отдёргнул голову.

– Зачем ты меня сюда привёз?

– По-прежнему не понимаешь? Чтобы ты был подальше от людей. От мест, которые можешь уничтожить играючи, одним словом, даже и не заметив.

– Но это ведь не помогло! – вскочив, почти торжествующе закричал Адриан. – Ты видишь, что не помогло! Не имеет никакого значения, где я и с кем. Ты ушёл, а я был совсем один. И всё равно я сделал... я изменил!

Он задохнулся, осознав только что сказанное. Если Том не лжёт и не сошёл с ума... и если не сошёл с ума сам Адриан, то... то он способен *менять* всё, что ему вздумается! В голове всё разом перемешалось. Проклятый Том, почему он объявился только теперь? Ведь столько всего можно сделать! Можно даже заставить родителей изменить решение насчёт женитьбы. Можно... можно *всё* изменить!

Рука Тома легла ему на плечо. Адриан посмотрел ему в глаза, впервые без опасения, без страха, – и увидел там лишь обречённость.

– Ты всё-таки ничего не понял, – сказал Том. – Я знал, что не поймёшь... Ты не тот, кто изменяет, Адриан. Ты – тот, кто *отвечает*. Ты не способен ничего изменить сам. Просто ты в ответе за всё, что изменится. И тебе так или иначе придётся держать этот ответ.

Адриан упрямо смотрел на него. Том вздохнул и покачал головой.

– Как предсказуемо, – пробормотал он – Что ж. Хорошо. Будем считать, что мы друг друга поняли... хотя это не так, конечно.

– Теперь я могу уйти? – с надеждой спросил Адриан.

Том посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

– Ты слушал меня или нет? Тебе нельзя находиться среди людей и отвечать за их судьбы до тех пор, пока ты не научишься отвечать хотя бы за самого себя...

– Да хватит мне мораль читать! – сбросив его руку со своего плеча, зло крикнул Адриан. Голова горела, в ней не было ни единой мысли, но мысли и не требовались – слова, накопившиеся за последний унижительный месяц, сами собой слетали с языка. – Какого дьявола ты вообще себя назначил моим учителем?! Кто тебя об этом просил? Какое вообще тебе дело до меня? Это были мои люди! Те, в деревне! И семья была тоже моя, и жизнь была моя! А ты по какому праву в неё влез, всё сломал, когда тебя никто не просил?! С чего ты взял, что можешь за меня решать?! Это мне решать, а не тебе! Вот возьму, скажу сейчас... сделаю что-нибудь, и убью тебя! И уйду, и буду делать что хочу!

Он умолк, захлебнувшись, и только часто дышал, стискивая кулаки. Том смотрел на него.

– Значит, убьёшь, – сказал он. Это не было вопросом.

Кровь отхлынула у Адриана от лица и от сердца. Руки и ноги озябли и стали неметь.

– Убьёшь, стало быть.

– Том...

– Убьёшь, – утвердительно повторил Том в третий раз и протянул к Адриану руку. Тот шарахнулся, но Том всего лишь снял с его пояса нож, который сам же дал ему два дня назад. Адриан ошалело смотрел, как он вынимает клинок из ножен – и вкладывает рукоятку в мокрую от пота ладонь Адриана.

– Так убей, – сказал человек по имени Том, разводя руки в стороны. – Давай. Убей. Вот сюда ударь, в печень. Долго не протяну. Прими решение, Адриан, и измени мир.

В его голосе звучала неприкрытая, желчная издёвка. Адриан неуклюже попытался всунуть нож обратно в ножны, но Том перехватил его руку и силой стиснул пальцы Адриана вокруг рукоятки.

– Бей, – приказал он.

Адриан подскочил к двери и, распахнув её, швырнул нож в столб белого света.

Он не обернулся, так и стоял, задыхаясь и дрожа. Он не видел, куда упал нож, и видеть не хотел. Он чувствовал себя страшно глупо, и ещё было стыдно, что не смог ударить.

– Том, прости меня, – прерывисто сказал он. – Я дурак. Я не должен был... я глупость сказал и...

– Ты умеешь извиняться, – негромко сказал Том за его спиной. – Надо же. Я знал, что ты не совсем потерян.

Адриан порывисто обернулся к нему, чувствуя волну громадного облегчения, затопившую его – и от того, что всё позади, и от того, что так легко отделался. Он открыл было рот, чтобы на всякий случай повторить извинения – да так и застыл, увидев, что Том снимает ремень.

– Теперь иди сюда. И снимай штаны.

– Я же извинился, – деревянно сказал Адриан. – Я прошу прощения...

– Я тебя прощаю. Подойди и спускай штаны, Адриан.

Адриан сделал шаг назад, потом ещё. Потом рванулся прочь из хижины.

Как всегда, Том не стал повторять в третий раз.

Адриана никто никогда не бил. Нет, конечно, в своей жизни он получил не одну сотню затрещин, тумачов и подзатыльников – причём не менее половины из них от Тома. Но его никогда не пороли. Это было немыслимо, ему даже в голову такое не могло прийти – он был сыном лорда, а для лорда нет большего позора, чем порка. Секут провинившихся солдат, и преступников, и послушников в монастырях, и крестьянских детей. А знатных наказывают совсем иначе – сажают на хлеб и воду, отправляют на чёрные работы, в крайнем случае, бьют палками по пяткам... Это благородные наказания, и каждый мужчина должен стерпеть их с достоинством, подобающим чести его клана.

Честь клана Эвентри была навеки запятнана поркой Адриана.

Том был безжалостен. Адриан дрался с ним, но очень скоро оказался бесцеремонно смят и скручен. Поняв, что экзекуция неминуема, он стиснул зубы и дал себе слово не проронить ни звука, но уже через минуту кричал во весь голос. Ему казалось, что ремень выдирает из его ягодиц куски мяса, что каждый новый удар просекает плоть всё глубже, до самой кости. Пытаясь стинуть зубы, Адриан прокусил язык до крови и оставшуюся часть экзекуции глухо скулил, уткнувшись лбом в предплечье. Он даже не заметил, когда Том отпустил его и отошёл, оставив лежать в траве и давиться слезами и ненавистью.

Ему неоткуда было узнать, что Том бил его на порядок слабее, чем простолюдины бьют своих чад, и уж ни в какое сравнение это не шло с поркой, применявшейся ко взрослым людям. Но это не имело никакого значения. Не имели значения причины, которыми руководствовался

Том, когда сделал с ним такое – сделал уже после того, как Адриан извинился, сделал, сказав, что принимает извинения! Адриан готов был сносить постоянные издёвки и зуботычины, готов был забыть прошедший кошмарный месяц, готов был даже попытаться понять, что этот человек похитил его из родного дома, руководствуясь самыми благородными побуждениями. Всё это было ужасно, и всё это Адриан был готов простить. Всё, кроме порки.

Он встал на колени и кое-как натянул штаны. Зубы всё ещё были крепко сцеплены, так, что Адриан не смог бы их разжать, даже если бы захотел. Лицо опухло от слёз, но всхлипы больше не рвались из груди. Он прерывисто выдохнул сквозь зубы и повернулся к дому.

– Очухался? – спросил Том. – Теперь марш к ручью, бадня пустая. И огород не полот второй день.

Адриан не проронил ни звука. Повернулся и пошёл за водой. А потом до самого вечера прилежно вкалывал на огороде, словно батрак. На ужин Том дал ему вдвое большую, чем обычно, порцию каши и немного мяса, что прежде случалось всего один раз. Адриан всё съел и лёг спать, едва стемнело, ловя на себе одобрительный взгляд.

Он лежал в темноте, свернувшись под шкурой, и слушал. Когда дыхание Тома стало ровным, Адриан беззвучно выбрался из-под одеяла и вышел из дома.

Стояло полнолуние, и тропа была как на ладони. Было почти так же светло, как днём. Адриан смотрел на уползающий вниз склон и вспоминал, как шёл здесь в прошлый раз.

Он ведь так и не сказал Тому, где пробыл целые сутки. Встреча с Гвэнтли произошла днём, когда Адриан уже облазил все ущелья вокруг и собирался возвращаться. И хотя воинственность мологопоклонников, решивших убить свидетеля, изрядно его напугала, он тем не менее понимал, что эти люди – его первый и, может статься, последний шанс найти путь в долину. Он отбежал на безопасное расстояние и пошёл за ними, прячась за обломками скал, пока не понял, куда именно они идут. Можно было, конечно, прямо тогда и сбежать, но почему-то он вернулся. Адриан и сам тогда не очень понимал, почему, – может, боялся, что в долине, на открытой местности, которой он совсем не знал, они заметят его и всё-таки убьют. Поэтому он решил, что пока что вернётся, но хорошенько запомнив дорогу. Он пытался запомнить её весь остаток дня, бродя меж ущелий, заблудился и в итоге заночевал среди скал, решив, что утром, при свете дня, вернее выбредет на знакомые ориентиры. Так и произошло, и, сложись всё иначе, он, может, даже похвастался бы перед Томом своим неожиданно открывшимся топографическим талантом. Ведь почти от самого низовья гор к хижине Адриан вернулся сам.

Стало быть, теперь и спуститься он сможет тоже сам.

И тем не менее не было предела его счастью, когда он утром всё-таки вышел к хижине – и почти сразу увидел поднимающегося по тропе Тома. Кто бы мог подумать, что это когда-нибудь покажется ему счастьем... Адриан бы точно такое представить не мог. Не теперь.

Он услышал позади какой-то шорох и замер. Но это всего лишь ветер шевелил тряпье, развешенное под окном.

Адриан встал на колени, содрогнувшись от воспоминания о том, как стоял вот так же сегодня утром, пока его охаживали ремнём, и зашарил в траве. Нож, который он вышвырнул через дверь, нашёлся довольно скоро. Адриан очистил его от прилипшей травы и прицепил к поясу. Встал, выпрямился, снова настороженно прислушался.

Потом зашагал вниз по тропе.

Он преодолел половину пути, прежде чем вспомнил, что ничего не взял с собой в дорогу – ни запасной одежды, ни инструментов, ни еды. Всё, что у него было, – нож Тома. Однако возвращаться было поздно, и Адриан утешился тем, что от подножья гор недалеко до деревни, а там ему наверняка укажут путь в замок Гвэнтли...

Мологопоклонников Гвэнтли, присягнувших Одвеллам, которые уничтожили его семью.

* * *

Когда Адриан вышел в долину, небо на горизонте уже начинало розоветь. Он потерял кучу времени при спуске, но ничего не мог с этим поделать – приходилось всё время останавливаться, пытаясь восстановить в памяти дорогу, которой он шёл вчера утром, а в темноте это было вдвойне трудно – хорошо хоть ночь выдалась лунной и ясной. Ночь, но не утро – к рассвету небо помутнело, и над долиной сырел туман, временами срывающийся в мелко моросящий дождик. Было холодно, и у Адриана зуб на зуб не попадал. Он старался не думать о том, что будет, если начнётся настоящий ливень.

Подумав, к деревне Адриан пошёл не прямо, а вдоль хребта, держась дороги, но не приближаясь к ней. Он сам не знал, чего опасается, помимо, разумеется, Тома, который уже наверняка проснулся и обнаружил побег своего узника; однако не прошло и часа, как Адриану пришлось возблагодарить Гвидре, направившего его окольной дорогой. По тракту в направлении деревни проехал отряд вооружённых людей, за ним, чуть позже, ещё один. Пригибаясь, Адриан пробрался меж сползавших с горного склона деревьев и кустов так близко к дороге, как мог, – и тогда увидел деревню, пестреющую от жёлто-фиолетовых одежд клана Гвэнтли. Мужики со всей деревни сходились и под руководством гвэнтлийской стражи строились рядами; воодушевлёнными они не выглядели, но и удивлёнными или недовольными – тоже. Лорд посылал их сражаться, и они шли, хотя и не знали, за что им предстоит биться и, может быть, умирать. Только женщины голосили, но не слишком шумно – жёлто-фиолетовые одежды смиряли и их.

Крестьянам не доставало ни выправки, ни расторопности; люди Гвэнтли, большинство из которых не спешили, довольно бестолково пытались организовать их. Адриан понял, что это затянется надолго, а он не мог ждать – ему то и дело чудилось, что он уже слышит дыхание Тома на затылке, и вот-вот вкрадчивый голос скажет ему на самое ухо: «Далеко ли собрался, парень?» Это неожиданно яркое видение заставило Адриана порывисто обернуться и, убедившись, что пока – но только пока – это лишь его воображение, всё-таки сдвинуться с места.

Выбора не было – деревню пришлось обходить. А что за ней и, главное, где будет безопасно, а от чего надо держаться подальше – Адриан понятия не имел.

А тут ещё зарядил дождь, как по заказу. И лил весь день, то стихая, то расходясь с новой силой, лупя по земле, сминая траву и высекая из тракта брызги грязи. Адриан сперва бежал, потом перешёл на шаг, потом просто брёл вдоль дороги, уже не прячась. За деревней тянулись поля, сколько хватало взгляда, кое-где маячили рощицы, но ни городских стен, ни громады замка, ни хотя бы огней новой деревушки было не разглядеть. Если что-то из этого и находилось в долине, то сейчас дождь и туман скрадывали их. Адриан помнил путь, которым Том привёл его сюда, но не собирался им возвращаться: они шли едва различимыми тропами через поля, останавливаясь на хуторах, хозяев которых Том в основном знал, и относились они к Адриану ничуть не приветливее, чем сам Том. Любой из них, увидев его теперь, чего доброго, запер бы в погребе, а сам тем временем донёс. Нет уж, лучше одному.

Он и шёл – один. Ни редкие крестьяне, избегнувшие призыва и работавшие в поле, ни столь же редкие путники, проезжавшие по тракту, не обращали на Адриана внимания. Тем временем он явно продвигался в глубь фьева: дорога становилась шире, придорожные сторожки – крепче, стали попадаться путевые столбы, на которых с трудом, но можно было разобрать незнакомые Адриану названия. Возле одного такого столба он стоял особенно долго, вчитываясь в ничего не говорящие ему слова и пытаясь понять, куда же он идёт и, когда всё-таки куда-нибудь дойдёт, что станет там делать. Так он стоял, пока его не обнюхала, а затем и облаяла невесть откуда взявшаяся собака. Её загривок доходил Адриану до бедра, и настроена она была явно недружелюбно, так что Адриан поспешил убраться.

Дождь лил весь день, хотя, поскольку не было солнца, Адриан даже не мог определить, сколько времени прошло. Грубые деревянные башмаки, которые Том ему презентовал вместе с остальными обносками, не были приспособлены для долгой ходьбы – а может, к ней не был приспособлен Адриан, но только в конце концов он стёр ноги до крови, а потом ещё и потерял башмак, причём заметил это далеко не сразу, благо шлёпать босиком по мягкой грязи было не очень трудно. Обнаружив потерю, Адриан выругался – и обернулся, впервые за весь день пути едва ли не с надеждой. Но дорога пустовала, теряясь вдаль, – и, разумеется, Тома на ней видно не было. Адриан закусил губу, стараясь не думать о том, правильно ли поступил, и пошёл дальше.

То ли тучи сгустились, то ли уже смеркалось, когда он вышел к перекрёстку, у которого располагалась небольшая опрятная таверна. Её благопристойность выдавали до блеска вычищенная вывеска над входом и крепкий забор, опоясывавший само здание. В ворота смогла бы пройти карета, запряжённая тройкой, а к самим воротам вела столь же широкая дорога – приличное заведение, приличные посетители. Сам лорд Эвентри не погнушался бы остановиться в подобном месте, если бы ему случилось путешествовать с семьёй, и даже леди Мелинда сочла бы такой выбор приемлемым.

Грязным, оборванным и совершенно нищим мальчишкам вроде Адриана тут точно никто не обрадуется.

Эта часть дороги уже была довольно оживлённой: пока Адриан стоял, голодными глазами глядя на зазывно трепетавший под вывеской огонёк лампы, в ворота успели проехать двое всадников. Из-под навеса к ним немедленно подбежал мальчик, помог господам спешиться и увел коней туда, где было сухо, тепло и сытно; господа отправились в зал таверны, соответственно тем же нуждам. Ещё месяц назад хозяин подобного места выбежал бы Адриану навстречу, кланяясь в пояс и спрашивая, чего угодно сиятельному господину. Сейчас можно было попробовать прокрасться в зал, но, скорее всего, его тут же вышвырнут вон, хорошо если не побьют... а брести на задний двор и кланяться у поваров корку хлеба Адриан не мог. Все-таки он был Эвентри и пока что об этом помнил.

Истошное конское ржание и чей-то сердитый окрик за спиной вырвали его из тоскливой задумчивости. Адриан инстинктивно шарахнулся в сторону, успев заметить тёмные конские копыта, взмахнувшие прямо перед его лицом, так что в этот краткий миг Адриан мог разглядеть каждый гвоздь на подковах. Ошалев от неожиданности, Адриан грохнулся в грязь, расплескав её по траве, по конским ногам и собственной безнадежно изгаженной одежде.

– Что ж под копыта лезешь, щенок! Жить надоело?! – рявкнул всадник.

Адриан помотал головой, будто кого-то и впрямь интересовал ответ, а потом словно очнулся. Да что это он?.. Этот человек – не Том! И если Том отчего-то решил, что смеет обращаться с сыном лорда, как с батраком, и по праву силы так и поступал, то ни у кого другого этого права и подавно не было.

– Я не лез под копыта вашей лошади, сударь. Это вы едва меня не задавили, – холодно ответил он и поднялся, сообразив наконец, как глупо звучат эти слова от человека, валяющегося в грязи.

Человек не ответил. Это заставило Адриана поднять голову – и обнаружить, что мужчина внимательно смотрит на него.

– И то правда, – поймав встречный взгляд, легко согласился всадник – и вдруг рассмеялся. Он был молод, чуть-чуть старше Ричарда, в дорожной одежде серых тонов, и не казался ни хмурым, ни злым. – И впрямь, к месту ты меня осадил, мальчик! Прости, я просто боялся, что тебе досталось. Ты не ушибся?

– Нет, благодарю вас, – с достоинством ответил Адриан, пытаясь отмахнуться от воспоминания, как с тем же вопросом тряс его Том в самую первую ночь, когда он сиганул с телеги.

– Тебе, я так понимаю, негде ночевать?

– Я собирался остановиться в этой таверне, – с неожиданной для него самой иронией ответил Адриан.

Мужчина понимающе улыбнулся.

– Какое совпадение, я тоже. Но ты, как я вижу, стеснён в средствах, а это местечко не из дешёвых, так что позволь мне возместить тебе неудобства от этого досадного инцидента.

Адриан кивнул, деликатно скрыв бурный восторг. Всадник въехал во двор таверны, Адриан держался рядом с ним, но всё равно удивился, когда мужчина сказал привратнику: «Этот мальчик со мной». Надо же, и на землях вероломных Гвэнтли встречаются иногда честные люди...

Взгляд, которым одарил Адриана хозяин таверны, был оскорбительнее всего – ну или почти всего, – что ему пришлось вытерпеть от Тома. К счастью, неизвестный благодетель не стал задерживаться в зале и сразу снял комнату. Это и в самом деле было очень пристойное заведение: помимо общих спален, здесь были также одноместные покои, которые мужчина и занял. Комната оказалась маленькая, но чистая и уютно убранная, на стене висел гобелен, дощатый пол оказался устлан ковром. Там была только одна кровать, но Адриан уже привык спать на полу, и на сей раз даже не испытал досады – только бесконечную радость от мысли, что наконец-то можно будет оказаться в сухости и тепле, и даже поспать. Он был на ногах уже больше суток, и только привитые матерью, въевшиеся до мозга костей нормы этикета не позволили ему немедленно растянуться на пороге и вырубиться.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

– Тобо, – ответил Адриан.

Сказал – и сам поразился этому ответу. Он понятия не имел, почему ответил именно так, но тут же рассудил, что это правильно – ни к чему распускать слух, что член клана Эвентри опустился до такого состояния. Мужчина улыбнулся и кивнул, будто это имя для него что-то значило.

– Отлично, Тобо. А меня можешь звать милорд Элжерон, или просто милорд.

Адриан промолчал – не место и не время было объяснять, что он будет называть милордом только своего отца, главу своего клана и конунга.

Элжерон предложил ему вымыться, и Адриан с радостью согласился. Принесли воды; мужчина спустился вниз, распорядиться насчёт ужина, а Адриан с наслаждением смыл с себя грязь и усталость этого бесконечного дня. Дождь за окном всё шумел, и гул низвергавшейся с небес воды казался даже громче, чем когда Адриан находился снаружи. Вдалеке раскатисто загремело, за окном сверкнула молния. Дождь наконец переходил в настоящую грозу – грядущая ночь полностью принадлежала Мологу. Адриан поёжился, подумав о том, что мог провести её под открытым небом, – и тут же облегчённо вздохнул. Пусть там дождь, а тут – свет, спокойствие, тёплая вода и мягкий ковёр на полу... и на сегодня ему этого было довольно.

Адриан закончил мыться и, взяв выпачканную одежду, остановился в нерешительности. Страшно не хотелось снова напяливать на себя эти лохмотья, ещё и такие грязные. За этими размышлениями и застал его Элжерон.

Он вошёл так внезапно, что Адриан невольно вздрогнул и быстро прикрылся своим тряпьем. Элжерон негромко рассмеялся и закрыл за собой дверь. В руке он держал бутылку вина.

– Не смущайся, Тобо. Мы ведь оба мужчины. Можешь бросить одежду тут, слуги заберут и выстирают.

Адриан хотел ответить, что он и сам может, потом закусил губу и, отвернувшись к стене, поспешно натянул штаны. Обернувшись, он увидел, что Элжерон по-прежнему стоит у двери, держа бутылку в руке, и смотрит на него.

– Из какого ты клана, мальчик?

Адриан распрямил спину. Он не собирался отвечать, но сам вопрос одновременно и ошарашил, и оскорбил его. Выходит, этот человек сразу распознал в нём благородное происхождение.

ние – и всё равно обращался со снисходительным покровительством, будто с безродной швалью.

– Не хочешь – не отвечай, – сказал Элжерон. И добавил: – Тобо...

Он шагнул к кровати и поставил непечатую бутылку на столик у изголовья. Адриан снова вспомнил, как на его глазах напивался Том, – и его пронзило чувством необъяснимой, смутной угрозы... которой он вовсе не чувствовал, находясь рядом с напивавшимся Томом, но ощутил теперь, рядом с этим человеком.

Тот будто почувствовал это напряжение и предложил:

– Выпьешь?

– Нет, – мгновенно ответил Адриан.

– Почему нет? Вино согрело бы тебя. Это хорошее вино, аутеранское, трёхлетней выдержки... или ты привык к чему-то получше?

Адриан напряжённо молчал. Мужчина снова рассмеялся. У него было приятное открытое лицо, и смех приятный, и говорил он ласково, но только Адриан почувствовал неудержимое желание выскочить в окно, даром что находился на втором этаже.

– Ну как хочешь, как хочешь. Я не буду тебя расспрашивать, не тревожся. Если ты убежал из дому, это твоё дело. Но сейчас, Тобо, надвигаются беспокойные времена, и благородным мальчикам лучше не оказываться в одиночку на проезжих трактах...

Произнося эти слова, он неспешно двигался вперёд, но Адриан понял это, только когда оказался прижат к стене. Элжерон упёрся одной рукой в стену над плечом Адриана, а другую положил ему на пояс – спокойным, хозяйским жестом.

– Что вы делаете... – потрясённо начал Адриан.

– В первый раз? Ничего. Тебе надо привыкать, если ты и впрямь вздумал валандаться по дорогам без охраны – с такой-то смазливой мордашкой...

Адриан попытался поднырнуть ему под руку. Почти получилось – Элжерон в последний миг успел ухватить его за край рубахи.

– Куда бежишь, глупый? Куда ты пойдёшь?

Он рванул Адриана к себе – и через мгновение заорал, получив удар промеж ног, в который Адриан вложил всю свою силу, ярость и страх.

Надо было воспользоваться этим и давать дёру, и Адриан так бы и поступил, но тут его взгляд упал на бутылку, сиротливо стоявшую на краю стола. Адриан схватил её и круто развернулся, намереваясь обрушить на голову совратителю, – но не успел. Элжерон перехватил его руку до того, как она начала опускаться, и резко вывернул её назад и вверх. Адриан, вскрикнув от боли, разжал пальцы и оказался на полу, чувствуя бьющее в лицо горячее, чистое дыхание. «Он не пьян, он даже не пьян!» – пронеслось в мозгу у Адриана. Он снова попытался ударить в промежность, но был придавлен к полу тяжёлым телом и не смог высвободить колено. Сжав зубы, Адриан вскинул руки, вцепился в отвороты куртки Элжерона и со всей силы врезал головой ему в лицо.

Страхивая с себя обмякшего врага, Адриан инстинктивно всё ещё хватался за его куртку. Вскивая, он слышал треск, заглушивший сдавленное ругательство. И обернулся.

Элжерон стоял на коленях, собирая в подставленную ладонь кровь, капавшую с переносицы, и бормотал проклятья. Подкладка его куртки порвалась, свиток белой бумаги, скрученной в трубочку, вывалился на пол и лежал теперь рядом с чудом уцелевшей бутылкой.

Бумага была перевязана двойной лентой с печатью на конце, белого и красного цветов.

Цветов клана Эвентри.

Адриан смотрел на неё несколько бесконечно, непозволительно долгих мгновений, которые могли стоить ему жизни. Потом, не думая, что делает, кинулся вперёд и подхватил свиток с пола за миг до того, как окровавленные пальцы Элжерона успели вцепиться в его запястье. Увернувшись, Адриан бросился к двери и, в три прыжка преодолев лестницу, стрелой про-

мчался через нижний зал. Он уже был у выхода, когда с лестницы послышался гневный крик Элжерона:

– Держите его! Остановите мальчишку! Он вор!

Адриан кинулся во двор. Мальчик-слуга, услышавший крик, схватил его за рукав. Адриан вырвался и побежал вперёд, к воротам. Сзади уже настигала погоня.

– Ворота! Ворота закройте! Стой, паскуда, не уйдёшь! Собак, собак спускай!

«Эвентри, – отрешённо думал Адриан, выскакивая со двора снова в дождь, ветер и мрак. – Он Эвентри. Как он может быть с Эвентри? Как Эвентри могут быть... такими?..»

– Адриан!

Он инстинктивно вскинул голову. На том самом месте, где всего час назад ему встретился проклятый Элжерон из клана Эвентри, теперь стояла карета. Дверца была распахнута настежь, и женский голос кричал оттуда:

– Сюда, быстрее!

Поскальзываясь в грязи и пригибаясь под нещадными ударами дождевых струй, Адриан юркнул в карету. Дверца захлопнулась за ним, и карета рванула с места так, что Адриан повалился вперёд. Крики и проклятья остались позади и быстро стихли. Остался только шум дождя, барабанившего по крыше кареты, и раскаты грома – голос Молога, заявлявшего своё право на эту ночь.

Адриан с трудом сел прямо и посмотрел в лицо своей спасительнице. Он ничего толком не мог разглядеть во мраке, но тут она взяла его за руки, и тогда каким-то непостижимым образом он увидел – и застыл, не понимая, но *зная*, где и когда он уже видел это лицо.

И так же не понимая, почему, он глубоко вздохнул и разрыдался, без стыда и утайки, не пытаясь сдержаться. Тёплые ладони вокруг его рук сомкнулись крепче, и Адриан только теперь вспомнил, что эта женщина, кем бы она ни была, назвала его по имени.

– Не бойся, Адриан, – сказала она. – Теперь всё будет хорошо.

Часть 2

Праздник Эоху

1

Третьего дня последнего летнего месяца в четверть часа пополуночи Магдалена Фосиган отправилась искать своего мужа.

– Миледи, постойте! Миледи, что вы задумали? О Светлолика Гилас, помилуй... Что вы делаете? – проклиная свой болтливый язык, надрывался слуга.

– Отстань. Ступай к себе. Ложись спать, – отвечала Магдалена Фосиган, вытягивая из платяного шкафа очередную сорочку мужа, критически оглядывая её и бросая на пол, где уже громоздился ворох одежды.

Эд был не очень крупным мужчиной, но выше Магдалены на голову и, разумеется, значительно шире в плечах. И если рубашку ещё можно было заправить в штаны, то с самим штанами и с курткой возникли сложности. Согласно признанной в Сотелсхейме моде, одежда подчёркивала контуры тела, потому костюм, сшитый не по мерке, немедля навлёк бы подозрения. Наконец Магда вспомнила, что Эд был недоволен последним костюмом, который изготовила для него швея конунга, – дескать, жмёт в паху и подмышках, – и клялся впредь одеваться только у портных из Нижнего города. Это было вполне в его духе, однако сейчас Магдалене оставалось лишь порадоваться, что лучшей швее Бертана не удалось угодить её мужу.

Чтобы найти злосчастный костюм, весь шкаф пришлось перетряхнуть заново.

– Миледи, о, миледи...

– Ты ещё здесь? Вон, – сказал Магда и вытолкала слугу за дверь.

Одеться без посторонней помощи оказалось не так-то просто, тем более что она совершенно к этому не привыкла, – но выяснилось, что в мужском костюме намного меньше крючков и завязок, чем в женском. Надеть платье для бала без помощи двух горничных было занятием безнадёжным, в охотничий же костюм Эда Магда сумела облачиться за несколько минут. Разумеется, он болтался на ней, и сапоги тоже оказались велики, но Магда затянула потуже пояс и стала выглядеть как пятнадцатилетний мальчишка, влезший в обноски старшего брата. Костюм был из чёрного бархата, и тёмный цвет отчасти скрадывал лишние складки. Впрочем, вряд ли кто-то будет присматриваться к ней слишком пристально.

Оставались ещё волосы, и они оказались самой серьёзной проблемой. В помещении принято снимать головные уборы, а капюшон плаща поможет только на улице. В задумчивости постояв перед зеркалом с минуту, Магда наконец решилась и, перехватив волосы на затылке, заплела их в тугую аккуратную косу – так же, как делал Эд. Конечно, её волосы были намного длиннее, чем у Эда, но всё же короче, чем у некоторых мужчин. Перевязав свободный кончик волос лентой, Магда посмотрела на себя. Из зеркала на неё глядел бледный черноволосый юноша с напряжённым лицом, готовившийся совершить отчаянную ночную вылазку из родительского дома. «Наверное, таким был бы наш сын», – подумала Магдалена и, перебросив через руку дорожный плащ, вышла из дому.

Была половина первого ночи.

Верхний город, где располагался их особняк, давно погрузился в сон. Все увеселительные заведения Сотелсхейма находились в нижней части города, и там-то жизнь кипела в любое время суток. Столица Бертана всегда была весёлым местом, а с тех пор, как в Сотелсхейм пришли Фосиганы, ночные гулянья приобрели ещё больший размах. Первым указом, который издал Грегор Фосиган, взойдя на конунгский трон, стало повеление о начале строитель-

ства храма Тафи – прямо в городе, на пересечении главных улиц. Это было неслыханно и сперва вызвало всеобщее возмущение: никто из прежних властителей Сотелсхейма не возводил в городе храмов богам своего клана. Фосиганы же таким образом будто заявляли, что обосновались в Сотелсхейме надолго. Однако недовольство быстро утихло, когда одновременно с храмом вокруг него стали возводиться всякого рода увеселительные заведения. Ничего непристойного, конечно – для непристойностей существовали трущобы, – всего лишь две дюжины кабаков, таверн и игровых домов облепили святилище своей покровительницы со всех сторон, за несколько десятилетий превратившись в отдельный квартал, где проводили ночи не только приезжие и городские гуляки, но и многие мужчины из клана Фосиган. И неудивительно – в Верхнем городе ничего подобного не было. Верхний город вообще был другим миром – миром респектабельности, давних традиций и религиозного смирения. И, конечно, миром женщин.

Магда Фосиган ненавидела этот мир так же сильно, как и весёлый мир богини Тафи. Она ненавидела богиню Тафи. И всех остальных богов.

Ворота между Верхним и Нижним городом запирались на ночь только зимой, а в летние месяцы стояли открытыми – иначе благородные мужи клана штурмовали бы стены каждое утро, мертвецки пьяными возвращаясь к своим жёнам в Верхний город. Магда взяла свою любимую кобылу, которую ценила за тихий нрав и понятливость, и уже через несколько минут пересекла границу между миром, к которому принадлежал её муж, и миром, к которому не принадлежали ни он, ни она. Караульные у ворот не обратили никакого внимания на закутанного в плащ всадника, проехавшего через ворота; не заинтересовались ею и гуляки, возвращавшиеся из города домой. Был риск нарваться на ночной патруль, но Магдалена знала, что в таком случае делать. Когда ворота остались позади, она пустила кобылу рысью. Нижний Сотелсхейм простирался ниже по холму, и квартал Тафи, сверкавший алыми и жёлтыми огнями на фоне крошечной темноты, узнавался безошибочно.

Магдалена Фосиган перешла на галоп.

«Спокойно, – сказала она своему бешено колотящемуся сердцу. – Спокойно».

Площадь Тафи раздирала прилегающие кварталы приглушённой какофонией музыки, криков и хохота. Все прилегающие к храму дома озарялись ярким светом, но двери их были плотно заперты, окна занавешены, а кое-где даже прикрыты ставнями, несмотря на летнюю жару. Хотя официально в этих заведениях не творилось ничего непристойного, до Верхнего города доходили самые извращённые и невероятные сплетни о том, что на самом деле происходит, когда улыбчивый слуга в золотистой ливрее закрывает за посетителем дверь. Никто не знал, как относится к этому сама богиня Тафи и нравится ли ей выступать укрывательницей тайных наслаждений и разврата, но судя по тому, что это длилось уже немало лет, и ни один из притонов ещё не обрушился и не сгорел, ничего против она не имела. Её лукавая улыбка, высеченная на миловидном лице статуи, венчавшей парапет над входом в храм, лишней раз свидетельствовала об этом.

Впрочем, на сей раз Магда надеялась, что нет нужды готовиться к худшему. Слуга сказал, что Эд отправился в «Серебряный рог» – закрытый клуб для мужчин, где преимущественно собирались заядлые охотники, чтобы за вином и картами ночь напролёт похвалиться свежими успехами. Эд, с его славой и пристрастиями, выделял этот клуб среди прочих – и Магде следовало бы радоваться, что он не предпочитает «Серебряному рогу» «Вечный сад» или «Утреннее небо», которые располагались здесь же и имели куда более дурную репутацию. Вот и сейчас у дверей «Вечного сада» ворковала парочка, причём мужчина явно был пьян и говорил слишком громко, а женщина взвизгивала, но отнюдь не пыталась вырваться, что сразу выдавало род её занятий. Спешиваясь у входа в «Серебряный рог», Магда старательно отводила от них взгляд – и вздрогнула всем телом, когда мужчина громко окликнул её заплетающимся языком:

– Эй, малец! Иди-ка сюда, подсоби мне задрать юбку этой красотке! А то я никак один не справлюсь...

– Умолкни, мерзавец, я уж еле на ногах держусь, меня не хватит на двоих! – отвечала женщина хорошо поставленным музыкальным голосом и, хохоча, била мужчину веером по рукам.

Не поднимая головы, Магда ступила на порог и, пытаясь унять дрожь в руке, постучала по косяку дверным молотком. Звук вышел резким и, как ей показалось, чересчур прерывистым.

– Ну иди же-е...

– Оставь его, олух, видишь, мальчика и так качает.

Приоткрывшаяся дверь избавила Магду от необходимости продолжать выслушивать эти пошлости. Вежливое лицо лакея ничего не выражало.

– Чем могу быть полезен? – любезно осведомился он.

Вместо ответа Магдалена стянула с руки перчатку и, стиснув пальцы в кулак, позволила слуге полюбоваться её кольцом с оттиском Фосиганов на печатке. Лакей долго разглядывал его, близоруко щурясь, и когда Магде уже казалось, что сейчас он велит ей убираться вон, дверь наконец открылась достаточно, чтобы в неё можно было пройти.

– Добро пожаловать, милорд.

Магда незаметно выдохнула ему в спину, и, с трудом сохраняя ровный шаг, вошла в приглушённо освещённый коридор.

– Ваш плащ, милорд, позвольте.

Она колебалась мгновение, потом с отчаянной решимостью откинула капюшон. Лицо лакея по-прежнему ничего не выражало. Передавая плащ, Магдалена старалась не соприкоснуться с ним руками. Лакей передал его кому-то в полумраке коридора и снова повернулся к Магде.

– Прошу вас, милорд. Вы впервые у нас, не так ли? Я вас проведу.

Не дожидаясь ответа, он зашагал вперёд. Магда пошла за ним, с трудом преодолевая желание обхватить руками озябшие плечи.

Мужской клуб – место столь же запретное для женщины, как глубины храма Гилас – для всякого смертного, не принявшего постриг. Магда не имела ни малейшего представления, что будет, если её узнают. Но если держаться в тени, риск этого был не так уж велик. Она была Фосиган, и это избавляло её от любых вопросов... И как жаль, что правило это действовало лишь ночью и лишь в квартале лукавой Тафи. Очередная шутка богини, и на сей раз – очень злая шутка.

Лакей остановился, открыл дверь, и у Магды оборвалось сердце.

– Право слово, я клянусь, что он так и сделает! – воскликнул мужской голос, и ответом на него был дружный хохот дюжины мужчин, собравшихся в просторном, ярко освещённом зале. Свет был повсюду – свечи на столах, в настенных и напольных канделябрах, масляные лампы по углам и под потолком. Никакой тени, и совершенно негде укрыться. Лакей поклонился, отступая, и Магда твёрдо вошла в зал, не глядя на группу мужчин, сгрудившихся за карточным столом и вокруг него. Они что-то бурно обсуждали и смеялись, прервав игру, и никто из них не обратил на Магдалену внимания – несколько голов повернулось на шаги, но, не узнав вошедшего, мужчины вернулись к разговору. Если бы Магда могла, она бы немедленно повернулась и вышла прочь.

Эда среди этих мужчин не было.

«Рикки солгал мне?» – подумала она, и эта мысль отозвалась в ней мучительной, отчаянной надеждой. Но нет – скорее всего, слуга просто перепутал название клуба. Или Эд был здесь, но уже ушёл и сейчас возвращается домой... где вместо ожидающей его жены найдёт пустую постель... а может быть, он уже и сам давно лежит в постели – с какой-нибудь развязной девицей, прямо тут, за соседней стеной...

Магда сама не знала, какая из этих мыслей вызывала в ней больший ужас.

Но так или иначе, просто развернуться и уйти, не привлекая внимания, она уже не могла. К счастью, в зале находилось несколько кресел по углам. Одно из них было занято мрачным пожилым мужчиной, хмуро потягивавшим вино в стороне от компании молодёжи, и Магда тоже села в кресло на приличном расстоянии от него. Рядом немедленно очутился новый лакей, услужливо поинтересовавшийся пристрастиями молодого лорда. Магда рассеянно попросила вина на его вкус, чем осчастливила слугу, которому не часто выпадал случай самовыразиться подобным образом, и ненадолго от него избавилась. Мужчины за карточным столом тем временем продолжали шутить и смеяться. Почти все они были молоды, и никого из них Магда не знала в лицо. Она пыталась вслушаться в их болтовню, но ничего не понимала и нервничала всё сильнее с каждой минутой, когда дверь с шумом распахнулась и в зал вошёл рослый человек с широкой улыбкой на скуластом лице.

– Шутки в сторону, милорды, – вы что, всерьез полагаете, будто... О! Глядите-ка, кто явился! – наперебой заговорили мужчины, шагая к вновьприбывшему и пожимая ему руки. Некоторые специально вставали, чтобы сделать шаг ему навстречу. Похоже, это была популярная фигура в клубе – а к новичкам, по счастью, никто не проявлял ни малейшего интереса. «Хотела бы я знать, как они встречают Эда», – подумала Магдалена.

– Фокстер, где тебя Молог носил? – перекрывая гул остальных голосов, спросил один из мужчин. – Я лучше не буду даже говорить тебе, что ты пропустил, не то ты убьёшь меня, как гонца, принесшего дурную весть.

– Верно, Блейз, верно! Не говори ему! Шлялся дьявол знает где, будет ему наука! – хохоча, подхватили остальные.

Фокстер, непонимающе улыбаясь, прошёл к игральному столу и сел на освободившееся место. Его немедленно обступили – было ясно, что, несмотря на подначки, присутствующие сгорают от желания поделиться свежей сплетней. Это до того походило на поведение их жён, когда они собирались вместе, что Магда с трудом сдержала смех – но ей немедленно расхотелось улыбаться, когда она перехватила взгляд мрачного господина, сидевшего отдельно ото всех. То ли он не знал, в чём дело, то ли отнюдь не разделял всеобщего веселья.

– Так что там стряслось? – спросил Фокстер, рассеянно сгребая карты. – Ну, кто со мной сегодня? Блейз, Аленви... Твисто, может, ты? Давай. Джексит, я помню про долг, но не сегодня, ладно? Без обид...

– О да, обид на сегодня довольно, – со смехом сказал долговязый юнец с едва пробившимся над губой пушком, садясь напротив него. Двое других тоже заняли места, остальные сгруппировались вокруг, попыхивая трубками и ухмыляясь.

– А что так? Кто и кого обидел? Уж не ты ли, Блейз, мой мальчик?

– Помилуй, делов-то было бы, если бы я! – расхохотался тот. – Ты знаешь, у меня обычно разговор короткий.

Мужчины взорвались хохотом. Магда смотрела на них, ничего не понимая и особенно остро чувствуя свою невероятную от них далёкость. Лакей поставил на подлокотник её кресла бокал, шепча что-то об урожае одиннадцатого года, но она едва заметила его и чуть не сшибла бокал локтем. «Выпью и уйду, – решила Магда. – Всё равно мне нечего здесь делать».

– Так что за обида? Довольно томить, господа, выкладывайте, – сказал Фокстер, небрежно сдавая карты.

– О, это невозможно пересказать, это надо было видеть, – закатил глаза Блейз. – Но так и быть, я скажу, слушай... Эфрин и Бристансон завтра дерутся на дуэли!

Рука, с ленивым изяществом раскидывавшая карты, замерла над сукном. Фокстер не улыбнулся, только его глаза расширились.

– Бристансон? – переспросил он. – С... Эфрином?!

– В том-то и соль анекдота, – усмехнулся другой партнёр, но в наступившей тишине смешок прозвучал фальшиво.

– Да он в своём уме?!

– В тот миг, вероятно, временно из него вышел. Но тогда это никому не показалось странным... верно, лорды?

– Не то слово, – отозвался один из зрителей. – Веришь, Фокстер, мне и самому хотелось надавать этому щенку пощёчин, боюсь, на месте Бристансона я бы не удержался. Но Сальдо – ходячее благородство, ты же знаешь, он жаждет удовлетвориться по всем правилам...

– Вы хотите сказать, – перебил Фокстер, – что Сальдо из клана Бристансон *бросил вызов* безродному выскочке Эфрину? Именно это вас так развеселило, милорды?

Никто не ответил. Фокстер швырнул карты на стол.

– Быть может, кто-нибудь из вас объяснит мне, что в этом смешного? – сухо спросил он.

– Ну, я же говорю, это надо было видеть, – неловко улыбаясь, отозвался наконец Блейз. – Никто толком и не понял, что случилось – я не понял, во всяком случае. Сперва они даже не разговаривали – ну, ты знаешь, какого мнения Бристансон об Эфрине...

– Такого же, как и все благородные люди, – холодно перебил Фокстер.

– И тем не менее ты играешь с ним в карты, как и все мы, – встрял мужчина, сидевший между Блейзом и Фокстером.

Тот прищипил его взглядом к спинке кресла.

– Я терплю его здесь, так же как и любой из вас, Твисто, – чеканя слова, ответил он. – Но пусть выйдет вперёд тот, кто видел меня за одним столом с этим смердом. Я готов спросить с него за такие слова.

– Ох, будет вам, – вмешался кто-то из стоящих. – Довольно одного вызова за ночь.

– Так как это вышло? – тут же спросил Фокстер.

– Как это обычно выходит. Бристансон с Пиллано спорили о соколах – ну, ты знаешь, у Пиллано пунтик на этом. Эфрин влез в разговор и моментально перетянул его на себя. Неожиданно согласился с Пиллано насчёт соколиц – хотя я своими ушами слышал, как он на прошлой неделе говорил, будто считает их разведение бабской придурью...

– Ближе к делу! – рявкнул Фокстер.

Блейз пожал плечами:

– Гилас знает, как это вышло, Тед. Бристансона, конечно, взбесило, что этот щенок влез в разговор, ещё и отбил у него собеседника. Но ты знаешь его характер, он никогда не полезет на рожон. Они стали спорить о соколах втроём, это было любопытно – Эфрин, как всегда, за словом в карман не лез... И будто нарочно делал всё, чтобы оскорбить Сальдо.

– Оскорбить?

– Нет, не прямо... ничего такого он не говорил, но тон и взгляд у него были такие, будто он считает Бристансона полным ничтожеством и бездарем во всём, что касается соколов, и будто это Бристансон встрял в чужой разговор, а не он. В конце концов Сальдо вышел из себя и заявил, что Эфрин сам ничего не смыслит в охоте и только языком трепать горазд... и тогда... ох...

– И тогда, – торжественно закончил один из мужчин, – Эфрин говорит: «Вы несправедливы, милорд, мой язык горазд вовсе не только на трёп, и вы о том можете с определённой уверенностью узнать у леди Чаттоны!»

Мужчины снова зашлись хохотом. Фокстер недоуменно приподнял брови.

– Эфрин навещает «Вечный сад»? Я ничуть не удивлён. Но при чём тут Сальдо, разве он...

– О, Тед, – ощерившись, с деланным участием протянул Блейз. – Ты всегда узнаёшь новости последним. Госпожа Чаттона уже третий месяц принимает нашего Сальдо у себя в частном порядке, и уверяла его, будто ни с кем другим не делит постель. Наш Сальдо, разумеется, сперва не поверил, но Эфрин немедленно посвятил его – а заодно и всех нас – в столь деликатные подробности, что сомнений не осталось никаких...

– Бристансон вызвал Эфрина на дуэль из-за шлюхи?

– Думаю, намного сильнее его задело то, что ему подсунули лежалый товар, – развёл руками Блейз. – Чаттона выдурила у него кучу денег, заливая, будто никому больше не даёт. Эфрин всего лишь развеял иллюзии. Бедняга Сальдо, он просто озверел...

– Хотел драться тут же. Что было за представление!

– Еле их разняли.

– Это следовало видеть, Фокстер!

Фокстер молча слушал сбивчивые восторги товарищей. Он не смотрел ни на кого из них – только перед собой. Потом его взгляд задержался на мрачном человеке в другом конце зала, затем на Блейзе.

– Он уже выбрал секунданта?

– Выбрал? Слышали? – заговорили между собой мужчины. – Нет, не выбрал. Кажется, нет.

Фокстер отодвинул стул и встал.

– Прошу простить меня, милорды. Я должен ехать. Благодарю вас за своевременные сведения. Где эти двое сейчас?

– С Эфрином ты разминулся на четверть часа, он сказал, что едет в замок. Бристансон ушёл сразу, должно быть, домой...

– Благодарю, – сказал Фокстер и вышел.

Магда поставила бокал, который все прошедшие минуты судорожно стискивала в руках, встала и вышла следом. На плечи ей накинули плащ, яркий зал сменился полумраком коридора и темнью улиц, но она не заметила ничего этого, как не замечала и Тедора Фокстера, шедшего прямо перед ней.

Магдалена Фосиган вскочила в седло и, вонзив шпоры в бока кобылы, сорвалась в галоп.

Так это правда. Всё, что сказал Рикки – правда. Её муж собирался драться на дуэли с Сальдо Бристансоном. Из-за женщины. Из-за шлюхи.

И тех, кто не находил это событие смешным, оно приводило в ярость.

«О боги, – стучало в висках Магдалены, задышавшейся от горечи, злости и стыда. – Боги, какая низость, какая глупость и гнусность, и как он посмел... и как *они* посмели так говорить о нём?!» Они даже называли его Эфрином – Эфрином, тогда как он вот уже год как стал Фосиганом. Стал благодаря женитьбе на ней... и как же она ненавидела его за это в первые дни их брака! Или нет, в первые часы... в первые минуты. В первые мгновения, когда только увидела его, своего будущего мужа и господина, стоя у алтаря в храме Гилас. Она ненавидела его заранее, лишь только узнала, что отец отдал её незнакомцу – безродному, нищему, бог знает откуда взявшемуся. Не то чтобы она была удивлена. Да, она Фосиган, но в то же время – бастард, а бастардам не положены блестящие партии. Но даже будучи дочерью замковой прачки, Магда оставалась также дочерью Георга Фосигана и считала, что заслуживает лучшей доли, чем насильный брак с безродным смердом, у которого нет даже родового имени, только собственное – Эд...

Это имя она беззвучно шептала, а потом выкрикивала ему в лицо ночью того же дня, выгибаясь и извиваясь под ним, как последняя потаскуха, умирая от наслаждения, которого никогда не знала раньше, хотя впервые отдалась мужчине в тринадцать лет. Мужчине... мужчины ли это были? Нет, впервые в жизни она увидела мужчину, когда безродный Эд Эфрин в белых одеждах новобрачного ступил к алтарю Гилас, протянул ей руку и улыбнулся уверенно и спокойно.

Так Магдалена Фосиган, любимейшая из незаконных детей конунга, стала женой самого скандального, самого презренного и самого странного человека в Сотелсхейме.

«Они не смеют. Не смеют. Так. Говорить. О нём. О боже. Гилас, помилуй меня и пощади. Так это правда. Это всё правда», – думала Магдалена, и встречный ветер, бьющий в лицо от

бешеной скачки, срывал слёзы с её лица. Конечно, она знала, что Эд изменяет ей... иногда... ведь он мужчина, а все мужчины имеют любовниц, если только не заняты войной. Впрочем, в отличие от большинства женщин, обитавших в Верхнем городе, Магда считала, что лучше всё же война, чем любовница. Однако до тех пор, пока мужа удовлетворяли шлюхи, она соглашалась закрывать глаза и на это. Но, Гилас, дуэль... дуэль из-за одной из них. Явное предпочтение. Защита чести... чести? Чьей чести, хотелось бы знать? Этой «леди Чаттоны», как её глумливо называли мужчины в «Серебряном роге», или чести Эда, у которого не было её ни по происхождению, ни по праву? «Он дерётся за эту женщину, – подумала Магда, чувствуя, как лицо заливают кровь. – За неё, а не за себя. Хотя он единственный тут оскорблён».

Боги, если бы она была мужчиной! Не маскардным мальчиком, а настоящим мужчиной – если бы, надев платье Эда, она могла бы взять его меч, его силу, его дерзость, его беспечную ледяную злость! Тогда она сама вызвала бы их – тех, кто называл его Эффрином, мерзавцем и щенком, – всех их вместе и каждого по отдельности, и прежде всего этого Фокстера, этого холодного сноба, который считал, что Эд недостоин даже того, чтобы кто-либо из благородных бросил ему вызов...

Фокстера, который считал, что женитьба на незаконнорожденной не способна облагородить, пусть даже она бастард самого конунга.

Магда шумно всхлинула и закусила костяшку пальца. Ничего. Ничего. Всё пройдёт. Ничего не случилось. Ссора пустяшная: она сама только что убедилась, что никто не воспринимает этот вызов всерьёз. Фокстер сейчас наверняка мчится к Бристансону. Быть может, он отговорит друга от поединка. Если же нет... если нет – что ж, они будут драться до первой крови, как и всегда на дуэлях такого рода. Смертные поединки возможны только в рамках судейства, при защите преступника, – иное запрещено. Магда мысленно благословила отца за то, что он в мудрости своей издал этот указ. Даже в припадке своей невообразимой дерзости Эд не станет противиться воле конунга – он слишком многим ему обязан. Значит, будет дуэль до первой крови... «И пусть, – подумала Магда, – пускай ему пустят кровь, пускай моему Эду, моему бессердечному белому солнцу, пустят кровь. Пускай она брызнет из него вместе с ядом, вместе с соками той женщины, к которой он ходил, пускай всё это выйдет прочь и никогда не вернётся назад. А я буду рядом, думала Магда Фосиган, капая слезами на гриву кобылы, – я буду там и подхвачу его, и обниму, и отнесу домой, и буду целовать, пока его раны не затянутся, пока он не увидит меня... пока не посмотрит, как тогда, когда подошёл к алтарю и протянул мне руку.

И когда мы будем вот так смотреть друг на друга, никто не посмеет назвать его выскочкой, а меня бастардом. Но даже если и назовут, пусть – мы не услышим».

Магдалена покачнулась в седле и, вскинувшись, вцепилась в гриву кобылы. Та недовольно заржала и повела головой. Они стояли за воротами, на территории Верхнего города. Перед лицом Магды пылал огонь факела в поднятой руке стражника.

– Миледи? Я могу вам помочь?

Миледи?... Магда испуганно вскинулась – и растрепавшиеся волосы хлестнули её по лицу. Капюшон соскользнул с головы, коса распустилась, а она этого даже не заметила. Что ж, не страшно – всё, что хотела, она уже сделала...

Всё? В самом деле?

В четверть часа пополуночи, третьего дня последнего летнего месяца Магдалена Фосиган отправилась искать своего мужа. Время шло к трём, а она его так и не отыскала. Так и не отыскала и не надавала пощёчин по его красивому наглому лицу.

– Я должна проехать в замок, – сказала Магдалена.

Стражник покачала головой.

– Замковые ворота не откроются до рассвета, миледи. Позвольте провести вас домой.

– Нет. Не надо... Я знаю дорогу, – сказала Магда и, движением головы откинув волосы за спину, тронула коленями бока кобылы. Патрульный отошёл в сторону – в Верхнем городе стража была любезна и обходительна с горожанами, зная, что почти все они – Фосиганы либо ближайшие септы Фосиганов. Верхний Сотелсхейм был жилищем жрецов Гилас, войск и самого цвета бертанской знати, но иногда, и даже чаще, чем жилищем, для всех них он был тюрьмой.

Дом Магдалены находился восточнее ворот, почти у самой стены, отделявшей замок конунга от Верхнего города. Дорога туда вела одна, и у Магды было время решить, что ей делать теперь. Одно из двух: либо Эда, как всех прочих, завернули на дороге к замку, и тогда он почти наверняка вернулся домой, либо его пропустили. Последнее означало лишь одно: Эда потребовал к себе конунг. Маловероятно, что это связано с дуэлью, – шпионы Фосиганов, конечно, расторопны, но вряд ли врываются к своему господину с докладом посреди ночи, если только это не дело государственной важности, а насколько Магда могла судить, ничем подобным тут не пахло. Значит... значит, отец просто захотел увидеть Эда. И одна Гилас знает, зачем. Магда никогда не спрашивала Эда об этом, и даже если бы спросила, то в ответ получила бы только привычную небрежную улыбку.

Что ж, если Эд и правда у лорда Грегора, Магдалена не имела ни права, ни оснований его упрекать. Так что, с какой стороны ни глянь, единственным разумным решением было ехать домой и ложиться спать... или хотя бы попытаться уснуть.

Но разве можно ждать от женщины, которая бродит ночами по Нижнему городу, переодетая в мужское платье, что она поступит разумно?

У внутренней стены не было патруля – по крайней мере, со стороны города. Ворота, разумеется, оказались заперты; Магда увидела это издалека и не стала подъезжать ближе. Съехав с дороги на высаженную аккуратным кустарником обочину и отъехав в как можно более глубокую тень, подальше от света придорожных факелов, Магда придержала кобылу и повернулась лицом к воротам, поглаживая лошадь по морде и не отводя взгляда от замковых ворот.

Так она простояла два часа.

Ещё не светало, но небо над замком начало мутнеть и воздух набух предрассветной сыростью – это единственное время суток, которое напоминало о том, что нынешний летний месяц всё же последний и следом за ним придёт осень, – словом, была всё ещё ночь, хотя она и кончалась, когда калитка замковых ворот открылась и сквозь неё проехал всадник. Магдалена смотрела на него какое-то время, не выходя из оторопи, в которую её ввергло долгое ожидание и неподвижность. Всадник двигался спокойно, неторопливо; он явно никуда не спешил и ни от кого не прятался, и это было странно, потому что человека, выезжающего из дому до рассвета, ждёт либо дальний путь, либо слежка. Однако этот человек просто выехал из замка Фосиган в пять часов утра – видать, не спалось ему, только и всего. Он пустил коня лёгкой рысью, оглушительно звеня подковами по мощёной дороге. В преддверии утра, когда смолкли даже шаги расслабившихся под конец дежурства патрульных, это был единственный звук, смущавший ленивый покой Верхнего Сотелсхейма.

Магда тронула морду кобылы ладонью.

– Тихо, – прошептала она. – Тихо, милая, я тебя прошу, только тихо.

Теперь, при неумолимо разгорающемся свете утра, она видела, до чего же проигрышную позицию заняла. Кустарник рос низко, кругом не было ни деревца, и приближавшийся всадник мог видеть её так же ясно, как и она его. Негнушимися пальцами Магда натянула на голову капюшон. Надо было просто сорваться с места и умчаться – он не стал бы её преследовать. Но руки словно приросли к уздечке, а ноги – к стремянам, и она не могла пошевелить ни единым мускулом. Просто смотрела, как её муж едет к ней, и слышала, что он насвистывает. Судя по всему, у него было прекрасное настроение.

– Доброго вам утра, мой лорд, – сказал Эд, поравнявшись со своей женой и тронув висок двумя пальцами в знак фамиллярного приветствия.

Магда кивнула, не глядя ему в лицо. Он проехал мимо, не взглянув на неё и продолжая насвистывать. Ему не было никакого дела до подозрительных типов, ошивающихся у замковой стены в пять утра. «Я могла быть убийцей, – подумала Магда. – Могла воткнуть стилет ему под ребро, когда он проезжал мимо меня, на расстоянии вытянутой руки. Это было бы так просто – он ведь не носит кольчугу. Говорит, это страшно неудобно и к тому же бессмысленно – когда на роду написано, тогда и помрёшь...»

Он ехал вниз по дороге. Он возвращался в Нижний город, а Магда смотрела ему вслед.

Застоявшаяся кобыла укоризненно всхрапнула. К Магде вернулась способность управлять своим телом.

– Тише, милая, – сказала она. – Тише.

У её супруга была длинная ночь, но, похоже, он не намеревался так скоро её заканчивать. Что ж, жена должна делить с мужем все тяготы, выпавшие на его долю, разве нет?

На сей раз она не выпускала Эда из виду. Ворота в Нижний город уже открыли, и оба они проехали беспрепятственно. Улицы пустовали, хотя кое-где уже выползали из своих нор нищие, чьи трудовые будни начинались чуть свет. Сперва Эд ехал по направлению к кварталу Тафи, но потом резко свернул на развилке к югу. Если бы дело происходило днём, Магда почти наверняка не успела бы заметить этого манёвра и потеряла бы мужа в толпе, но сейчас на маленькой площади перед развилкой был только золотарь, копавшийся в сточной канаве. Магда обогнула его по широкой дуге – и внезапно поняла, что Эд этого не сделал, и даже не прикрыл нос, проезжая мимо отходника.

Ещё она поняла, что он направляется в ремесленный район.

Ничего не понимая, Магда двинулась следом. Здесь не было ни особняков знати, ни весёлых домов, ни даже богатых лавок – все они остались ближе к торговой площади и центру города. Заставив коня ускорить шаг, Эд продвигался в глубь лабиринта замызганных невзрачных улочек, названий которых Магда не знала. Да это было и ни к чему, потому что никто из благородных, всю жизнь проживших в Сотелсхейме, никогда не попадал в этот район. Тут были ряды ткачей, маляров, сапожников, прачек и мебельщиков, стеклодувов и бочаров, и знатные леди вроде Магдалены Фосиган в большинстве своём даже не знали, чем занимаются все эти люди. Магда знала, потому что её статус бастарда в некотором роде стирал границу между нею и этим миром, но в то же время она была любимым бастардом конунга, а потому никогда этого мира не видела. Зато Эд, судя по уверенности, с которой он петлял среди немыслимых переулков, почти мгновенно сменявших друг друга и так непохожих на строгие правильные линии богатых кварталов, выдавало в нём большого знатока местности. Магда потеряла его и несколько минут металась по оживавшим улочкам, прежде чем поймала наконец взглядом знакомый белый плащ, мелькнувший перед очередным поворотом.

У этого поворота она и остановилась.

Улочка, которую выбрал Эд, ничем не отличалась от всех остальных – разве что глухая вонь, доносимая крепнущим ветерком, свидетельствовала о близком соседстве трущоб. По обеим сторонам улочки тянулись хилые одноэтажные домики с соломенными крышами. Сточная канава здесь была почти такой же ширины, как и дорога. Чистили её намного реже, чем стоки в центре города, и кобыла Магды волновалась и гневно раздувала ноздри, пятясь от зловонной лужи.

– Тише, милая, пожалуйста, – прошептала Магдалена, не отрывая глаз от Эда, который, спешившись, подошёл к двери, не отличавшейся от всех остальных. Впрочем, нет, кое-чем всё же отличавшейся: под стрехой крыши Магда заметила небольшую деревянную вывеску, на которой красной краской была просто, но чётко и даже красиво нарисована змея, заглотившая собственный хвост.

Эд постучал, по-прежнему спокойно, не таясь и никуда не спеша, как будто знал, что его ждут здесь. Его и правда ждали: дверь отворилась почти тотчас же. Любой дворянин на месте Эда, взбреди ему в голову посетить подобное место, воровато оглянулся бы и опасливо скользнул внутрь, плотно прикрыв за собой дверь...

Но Эд из города Эфрин не был дворянином. Он был смердом, которого возвысил конунг, и смердом остался. Поэтому он не стал оглядываться.

Та, кто открыла дверь, шагнула на порог, закинула руки Эду на шею и приникла к его рту долгим, иступлённым поцелуем. Она правда его ждала, и, судя по всему, ожидание было долгим. Крепкие руки Эда легли ей на талию, быстро и плавно притянули к себе, и женщина чуть не задохнулась, но не оторвалась от его губ.

Они не прятались. Их заливало светом взошедшее солнце.

– Су-ударь... су-ударь, да-айте моне-етку.

Маленькая грязная лапка дёргала Магдалену за сапог.

Магда посмотрела вниз, на чумазую рожицу ребёнка, возраст и пол которого было невозможно определить. Оглянулась, сквозь застилавший глаза туман различая обращённые к ней лица, удивлённые, тупые, как у овец. Они все смотрели на неё, и никто не смотрел на её мужа, целовавшего в пяти шагах от них какую-то женщину. К этому-то зрелищу они, похоже, привыкли – а незнакомый лорд был в новинку.

Магда отстегнула от пояса кошелек и разжала пальцы. Тяжёлый мешочек, набитый серебром, хлопнулся в грязь. Бесполое дитя выпустило сапог Магды и, истошно завопив, кинулось наземь. К нему немедленно подоспела стайка соперников. С этой отчаянной потасовкой и с неистово целующейся парой Нижний Сотелсхейм вступил в новый день, а жизнь Магдалены Фосиган начала подходить к концу.

– Моё-ё! Это моё, да-а-ай! Ма-а-а!

Магда вонзила шпоры в бока своей кобылы. Грязь и нечистоты брызнули из-под конских копыт.

2

Неизвестно, как в иных частях мироздания, но в этом мире и под этим небом не существовало занятий, которые Эд Эфрин любил бы больше любовных утех. Иногда, под настроение и в хорошую погоду, он мог предпочесть им стрельбу по диким уткам, но это случалось редко. А вот хорошая трубка с отменным табаком после этих самых утех – удовольствие, почти сравнимое с бурным излиянием в гостеприимное женское лоно. Именно этому удовольствию он и собрался предаться, когда Лизабет Фосиган сморщила носик и сказала:

– Фу! Не смей! Ты же знаешь, как я ненавижу дым.

Эд застыл, сжимая трубку в приподнятой руке и глядя на Лизабет самым несчастным взглядом, каким только может одарить мужчина только что переспавшую с ним бабу, не рискуя при этом навеки уронить себя в её глаза. Однако Лизабет Фосиган отличалась фамильным упрямством своего клана и осталась непреклонна.

– Убери, – потребовала она, сердито сверкая янтарными очами. Эти янтарные очи, ну и, конечно, ненасытное лоно были единственными её достоинствами, впрочем, совершенно неоспоримыми. В противовес им наличествовал вздорный нрав, плоская фигура, жиденькие волосёнки и изрытое застарелыми оспинами лицо – тоже своего рода фамильный подарок. Иная на месте Лизабет предпочла бы помереть от оспы, как все приличные люди. Однако Фосиганы отличались легендарной живучестью: дружно переболев заразой в первой её волне, они в полном составе уцелели, обзаведясь на память рытвинами на коже. Ходили слухи, будто на землях Одвеллов и их септ слово «фосиган» означает «урод». Хотя, может быть, и врал – люди любят врать. Эд врать не любил; он любил охоту, любовные утех, трубку после них и, иногда, малышку Лизабет. Не в те минуты, впрочем, когда она запрещала ему курить. Эх, были бы они в его доме или хотя бы в борделе... но здесь, в замке Фосиганов, она была хозяйка, а он вор, для которого она любезно раскрыла свой маленький тайничок. Поэтому и он по меньшей мере обязан быть любезным.

Очень любезно Эд вытряхнул табак на ковёр и бросил трубку на стол. Надо было бы сунуть её в карман, но поскольку он сидел на столе голым, а штаны и куртка вместе с плащом валялись на кресле, сделать это было затруднительно.

Лизабет хихикнула.

– Утром Марджи снова спросит, откуда табак. А я скажу...

– Скажешь, что златокудрый Эоху залетал пожелать спокойной ночи, – подсказал Эд, – и присел на край стола покурить, а ты не смогла ему отказать, понятное дело.

– Язык бы у тебя отсох, богохульник.

Эд поцокал тем самым языком, которому только что пожелали такой незавидной участи.

– И что вам всем сегодня мой язык так не угодил, – риторически заметил он и лениво почесал живот.

– Кому – всем? – спросила Лизабет и, в обычной своей манере, тут же сменила тему: – Потуши свечи. Я переоденусь на ночь.

Эд покачал головой. Лизабет возмущённо зашипела и подтянула парчовое одеяло к подбородку. Эд смотрел на неё с умилением: его всегда восхищала в ней эта преувеличенная стыдливость, просыпавшаяся после соития, причём проявлялась эта стыдливость тем сильнее, чем извращённое была свежая выдумка юной леди Фосиган. Впрочем, сегодня ничего такого особенного они не делали, всего лишь выбрали плацдармом не постель, а стол, на котором ныне восседал Эд. Сам он считал, что это не очень удобно, прежде всего для Лизабет, но ей нравилось. Ох уж как ей нравилось... и, едва они выдохлись, она немедленно сбегала в постель, откуда продолжала им командовать. Восхитительная женщина.

– Сама потушишь, – сказал Эд. – Или велишь своей Марджи. Я сейчас уйду.

– Почему? – насупилась Лизабет, однако в её ярких, бесстыдно искренних глазах мелькнуло облегчение. Эд задумался, первый ли он её гость за сегодняшнюю ночь и, главное, последний ли.

– Магда, должно быть, уже извелась, – беспечно пояснил он, заранее забавляясь её реакцией, которая всегда была одна и та же.

– Опять ты!.. Я же сказала, не смей говорить мне о ней!

– Курить не смей, о Магде говорить не смей, – скучным голосом начал перечислять Эд. – Втроём не смей, сзади тоже не смей... Вы так капризны, моя леди.

– Ты ещё толком ничего не знаешь о моих капризах, – многозначительно сказала Лизабет, и это прозвучало как обещание. На следующую ночь наверняка приготовит что-нибудь интересенькое...

Курить хотелось очень сильно. Спать тоже. Эд подавил вздох. Интересно, который сейчас час? Вроде бы ещё не рассвело, хотя ставни были закрыты наглухо и судить было трудно.

– А как ты попал в замок? – спросила Лизабет; не то чтобы это её и вправду интересовало, но, похоже, ей надоело фантазировать о будущей ночи, и она решила подумать о чём-нибудь другом. Такое часто с ней бывало – она не могла долго удержаться на одной мысли или намерении, и это делало их ночи особенно разнообразными.

– Как обычно, – отозвался Эд.

– Я слышала, ворота сегодня закрыли. Как ты прошёл?

– Ну как всегда же. Сказал, что иду к конунгу.

– Ох, Эд, – хихикнула Лизабет. – Однажды ты всё-таки попадёшься на этом, и отец спустит с тебя шкуру!

– Не попадусь, – заверил Эд. – В крайнем случае, скажу, что в самом деле шёл к нему, а по дороге заскочил к тебе.

– Эдвард!

Он подмигнул ей, и она боязливо захихикала, ткнувшись носом в одеяло. Развратность и бесстыдство зрелой женщины дивным образом сочетались в ней с глуповатой наивностью восемнадцатилетней девчонки, которой она и была. Впрочем, там, где Эд родился и вырос, в этом возрасте ни одна леди уже не была девчонкой. Только дочь конунга, за всю жизнь носившая дальше Нижнего города (и то – по большим праздникам), могла сохранить этот очаровательный юношеский идиотизм. Её менее знатные сверстницы здесь, в Сотелсхейме, уже были куда более искушенными, а потому и более пресными. Эду они давно надоели.

– Ты ведь будешь ко мне приходить после свадьбы? – спросила Лизабет. Эд подумал, как хорошо было бы сейчас обнять её и покровительство похлопать по мягкому заднику, но тогда она бы его уже не выпустила, а ему в самом деле надо было скоро уходить.

– Ну, милая, если меня не остановила моя собственная свадьба, то твоя-то уж тем более не остановит.

Ей, видимо, не понравились нотки снисходительности в его голосе, и она сочла нужным строго свести неровно растущие рыжеватые брови.

– А не пугает ли вас, милорд, возможность встречи с моим мужем?

– Не пугает! – хохотнул Эд. – Хотя где бы мне с ним встретиться? Разве что он будет возвращаться от своей любовницы примерно в то же время, когда я буду возвращаться от своей?

– Эд!

– Думаю, в таком случае мы обменяемся рукопожатием и, раскланявшись, разойдемся. Не бойся, малышка, мужчины в таких вещах куда более терпимы друг к другу, чем вы, женщины, привыкли думать...

– Эд! – завопила Лизабет и запустила в него своей туфелькой – спасибо, хоть не ночным горшком. Эд увернулся и, вздохнув про себя, всё-таки поплелся заглаживать её гнев. Для этого

хватило основательного поцелуя – Лизабет, как и большинство юных и страстных дев, до одури любила целоваться.

– Ты невозможен, – пробормотала она, и Эд оставил эту констатацию очевидного без комментария.

– Я пойду, – сказал он наконец тоном, не располагающим к продолжению диалога. Иногда не мешает продемонстрировать превосходство мужского пола, пусть и над дочерью конунга.

– Завтра ты у меня, – тем же тоном ответила она, демонстрируя превосходство происхождения, пусть и над мужчиной.

Эд кивнул было, но потом, будто спохватившись, виновато уставился на неё.

– Я забыл тебе сказать. Проклятье, совсем вылетело из головы... вот что ты со мной делаешь!

Лизабет смотрела на него, ожидая, что напоследок этот невыносимый мужлан скажет что-нибудь скучное.

– Послезавтра я дерусь с Бристансоном.

Не скучное, нет. Лизабет часто заморгала, глядя в предельно серьёзное и даже немного смущённое лицо Эда.

– Я хотел, чтобы ты узнала от меня, – пояснил он. – А то наболтают, как обычно, всякой чуши...

– С Сальдо? – тонко спросила Лизабет. – С моим Сальдо?!

– Так получилось.

– Из-за меня?! – пискнула Лизабет, блея от ужаса и краснея от восторга. И ужас её, и восторг длились не более секунды, потому что Эд ответил, успокоив её и одновременно разочаровав:

– Нет, не бойся. По крайней мере, формальный повод был другой.

– А какой? – немедленно спросила Лизабет. Закономерный вопрос, даже для восемнадцатилетней конунговой дочери. Эд подождал немного, надеясь, что она привычно сменит точку приложения своего женского любопытства. Ожидание пропало впустую. Эд вздохнул и попытался встать. Коготки Лизабет впились в его запястье.

– Неужели... леди Чаттона?!

– Так получилось, Лиз, – страдальчески ответил Эд, и Лизабет Фосиган, рухнув на подушки, пронзительно расхохоталась.

– О, Гилас, помилуй грешные души наши! Неужели правда?! Эта шлюха! Сальдо всерьёз согласился драться из-за неё?!

– С большой охотой.

– Гилас и Тафи, если б я только знала! Вот дурачок!

Эд искоса наблюдал за ней, продолжая изображать страшное раскаяние. Что ж, он явно был прав в своих подозрениях: к увлечению Сальдо Бристансона куртизанкой из веселого квартала приложила руку его невеста. Не то чтобы Эд был удивлён – ведь он сам не стеснялся расписывать Лизабет прелести леди Чаттоны. Маленькой принцессе нравилось слушать о его похождениях с другими женщинами, её это заводило, а излишней ревнивостью она не отличалась – если только речь не шла о Магдалене. Сводную сестру Лизабет презирала и ревновала к ней дико, всех же остальных женщин Эда считала своими боевыми подругами. Леди Чаттоной она особенно заинтересовалась – как раз в то время Лизабет искала источник надёжного и контролируемого удовольствия для своего будущего мужа. По мнению Эда, это был разумный и дальновидный ход, настолько, что впору было заподозрить в нём авторство кого-то из старших подруг конунговой дочери. Впрочем, насколько он знал, у неё не было подруг.

– И вы дерётесь послезавтра? – отсмеявшись, переспросила Лизабет. От смеха её рябые щёчки покраснелись, и она стала почти хорошенькой.

– Да.

– За две недели до моей свадьбы! Эд, ты совсем обезумел, вызывая его!

– Я не вызывал его. Он сам меня вызвал.

Она захлопала глазами. Потом фыркнула, уже не выглядя столь довольной, как прежде.

– Так он и впрямь всерьёз увлёкся этой Чаттоной...

– Ревнуешь? – поддел Эд. – А я? За меня ты не боишься?

– Не смей меня. – Она скользнула ладонью по его плечу, мимоходом погладив небольшие, но твёрдые и упругие мускулы, выпирающие под кожей, отдав этим жестом наибольшую дань его телу и силе, какую только может дать мужчине женщина. – Я скорее боюсь за Сальдо. Ты ведь не убьёшь его?

– Ты его любишь? – напористо спросил Эд.

Лизабет смутилась, что нечасто с ней бывало.

– Тогда убью.

– Эд!

– Брось, Лиз. Где видано, чтобы члены благородных кланов убивали друг друга из-за шлюхи?

– И тем не менее вы дерётесь, – обиженно заметила она. Боги, как быстро у неё менялось настроение. Вот уже и недовольна, а только что смеялась над ситуацией.

– Я бы оскорбил его, если бы не согласился.

– Ты и так его оскорбил.

– Обида обиде рознь, – загадочно сказал Эд, переводя разговор в плоскость таинственной сферы мужских представлений о чести, чем вынудил Лизабет замолчать. Воспользовавшись паузой, он мягко отвёл от себя её руку, встал и принялся одеваться.

– Я на самом деле никак не поверю, что стану его женой, – проговорила Лизабет за спиной Эда, будто про себя. Она часто так говорила, особенно после соития – так у неё выражалась ночная меланхолия. – Ты вот спросил, люблю ли... а я... Я не знаю, Эд. Вот сама думаю всё время и не знаю. Он мне нравится. Может, я его полюблю, когда узнаю в постели. Он же думает, что я девственница, знаешь? – она хихикнула, забавляясь этой мыслью. – Я-то сумею провести его в брачную ночь, но... что если он окажется неуклюжим? Или будет дурно пахнуть, или некрасиво выглядеть голым? Ты очень красив, когда голый, – заявила она.

– Спасибо, моя леди, – коротко отозвался Эд, затягивая пояс. – Хотя вообще-то я полагал, что и одетым смотрюсь недурно.

– А у Сальдо красивое лицо, – не слушая, продолжала Лизабет. – Очень красивое. Лучше, чем твоё. У тебя рот такой... терпеть не могу твой рот. И когда вот так ухмыляешься, да! А у него губы мягкие... тёплые... И нежные такие! И кожа на лице нежная, как у женщины. Я когда его целую, чувствую себя пятнадцатилетней, – она прижала пальцы к губам и широко улыбнулась. Потом улыбка разом сбежала с лица. – Но и что, что он красивый? Вдруг он скучный? Я вижу его пока только на официальных приёмах... ты же знаешь, раз я его невеста, нам запрещено оставаться наедине. Так глупо, по-моему... И на этих приёмах он всегда молчит или несёт такую чушь! Он ужасно скучный.

– Зато красивый, – напомнил Эд. – Влюбишься хотя бы за это. Что, к слову, уже больше, чем есть у многих твоих потенциальных мужей. Вспомни хотя бы Крестона, тебя же вроде бы за него сперва сватали?

– Уилл-Вислоух? – хихикнула Лизабет.

– Точно. Видишь, могло быть намного хуже.

Лизабет посмотрела на него с благодарностью. Эд на миг почувствовал себя неудобно – он хотел её подколоть, а на деле утешил. Надо же, какой конфуз.

– А может, я и не захочу, чтобы ты приходил ко мне после свадьбы. Если с таким лицом у Сальдо ещё и тело, как у тебя... то не захочу.

– Тогда я точно его убью, – пообещал Эд. – В приступе дикой ревности.

– А хотела бы я выйти за тебя. Хотела бы! Но ты ведь женился на этой ублюдочной сучке Магдалене...

Эд решил, что самое время заткнуть ей рот прощальным поцелуем. Не в том даже дело, что Лизабет лгала – хотя, может быть, не до конца отдавая себе в этом отчёт. Она никогда не вышла бы за него. Она могла выбирать между Бристансоном и Крестоном, сравнивая хоть их внешность, хоть могущество их семей, но никогда не стала бы выбирать между Эдом Эффрином и кем-то ещё – потому что выбор этот однозначно не оказался бы в пользу безродного смерда, как бы он ни был хорош в постели. Эд понимал это и ни в чём её не винил. Другое дело – её отношение к Магдалене, её мелочная, пакостливая ненависть, которая может существовать только между женщинами и только между сёстрами. Магда любила Лизабет не больше, чем та её, но Эд ни разу не слышал от неё подобных слов.

Он прервал поцелуй, и Лизабет крепко ухватила его за шею, требовательно заглянув в глаза.

– Пообещай не убивать Сальдо.

– Обещаю.

– Клянись Гилас!

– Клянусь Гилас не убивать твоего Сальдо. Ты что, за дурака меня держишь? Я не стану портить тебе свадьбу, моё милое строгое дитя, – сказал Эд. Потом чмокнул её в лоб, высвободился и задул свечу, мерцавшую у изголовья кровати.

– Всё. Можешь переодеваться, – сказал он, забрал со стола свою трубку и, откинув гобелен на двери, вышел из спальни конунговой дочери.

Служанка клевала носом в кресле у входа. Эд тронул её за плечо и приложил палец к губам. Вкладывая в ладонь женщины золотой – привычную дань, – Эд подумал, сколько же всё-таки платит ей Лизабет, и платит ли вообще. А если нет, то скольких её любовников в неделю должна пропускать милашка Марджи, чтобы оплачивать платья, в которых она щеголяет...

Служанка провела Эда будуаром и тесной, обильно опрысканной духами приёмной, дальше которой не могли пройти простые смертные и мужчины с некрасивыми телами. Лизабет Фосиган пользовалась немалым влиянием на своего отца и ничуть этого не скрывала. Днём её апартаменты в замке осаждало не многим меньше лизоблюдов, чем приёмную самого конунга, а на балах право танцевать с ней, быстро шепча ей на ушко прошения вперемешку с комплиментами, расписывалось и оплачивалось не менее чем за неделю. Неизвестно, какую часть этих прошений Лизабет удовлетворяла, и вообще доходило ли хоть что-то до её отца, или эта маленькая развратница была ещё и ловкой мошенницей – как-никак, покровителем её рода была Лукавая Тафи. Но деловая хватка у девочки была та ещё: её покои и наряды были едва ли не самыми роскошными не только в замке, но и во всём Верхнем Сотелсхейме, и непохоже, что всё это – щедростью любящего родителя. Эд знал, что лорд Фосиган довольно-таки прижимист, и хотя для тех, к кому у него лежала душа, его карман был открыт так же широко, как и сердце, использовать конунга как дойную корову не получалось даже у его любимых дочерей. Лизабет же обеспечивала себя сама, и хотя явно этого никто не утверждал, ибо это было неприлично, на самом деле многие ею восхищались. Эд тоже, но не из-за этого. Урвать свой кусок пожирнее он и сам умел, этим его трудно было удивить, и в этом отношении ему от Лизабет ничего не было нужно. Он не обивал её пороги и не искал её взгляда на балах, не прислуживал ей за общим столом и не подсаживал на коня во время охоты. По большому счёту, это она добивалась его – из спортивного интереса. Едва он появился, она была поражена: как, первый мужчина при дворе, который не пытается через её голову дотянуться до конунга! Поскольку Эд дотянулся до конунга самостоятельно, Лизабет была ему не нужна. Это её ужасно заводило. Их связь длилась уже три года – практически с того дня, когда конунг приблизил Эда ко двору. Это была самая давняя его связь, не считая Северины, конечно. И всё это время Лизабет подогревало то, что Эду по-прежнему ничего не было от неё нужно. Всё, что Эд хотел взять у конунга, он

просто брал у конунга. И если весь Сотелсхейм ненавидел его за это, то Лизабет именно за это и любила, потому что воображала, что он с ней ради неё самой.

В действительности это была очень несчастная и очень одинокая девочка. Эд надеялся, что она и вправду сумеет полюбить Сальдо Бристансона... хотя это и было довольно цинично с его стороны.

Жизнь в замке Сотелсхейма не замирала никогда, лишь утихала, когда большинство его обитателей погружались в сон, и ночью в коридорах и галереях можно было встретить отдельных стражников или даже целый патруль. К счастью, Эду не было нужды от них прятаться – никто и никогда не стал бы задавать ему вопросов. Они не сомневались, что он от конунга, даже если официально конунга не было в замке. Мало ли, что там официально, на деле могло быть всякое... Беспечно разрывая ночную тишину звуком своих шагов, Эд в который раз подумал, что мог бы последовательно зайти в покои всех членов семьи конунга, включая его самого, и вырезать их одного за другим, прежде чем кто-нибудь поинтересовался бы происхождением крови на его одежде. Слепая и немая преданность людей Фосигана своему лорду поражала – не только своей безмерностью, но и тем, как близко она граничит с глупостью. Эд подумал, что это, пожалуй, тема для ночной беседы с лордом Грегором, если ему вздумается послушать очередной досужий трёп своего любимца. Но не в ближайшие дни, это точно. В ближайшие дни – дуэль, а потом неизбежная головомойка за неё. Может быть, арест. Магда расстроится... Эд вздохнул. Жаль, что присутствовавшие в «Серебряном роге» друзья Бристансона отговорили его от немедленной дуэли. Эд предпочёл бы разобраться с этим делом быстро. Это было неизбежно, и всё же одна только мысль о предстоящем поединке вызывала в Эде смесь досады, раздражения и глухого отвращения к самому себе. Нет, не надо было до этого доводить. С другой стороны, как можно было до этого не довести? И разве были другие пути?

Во дворе Эд вздохнул снова, более глубоко, наполняя лёгкие предрассветной свежестью. До рассвета оставалось не менее часа, но как же славно дышалось. Эд нарочно замедлил шаг, идя к конюшням. Домой ехать страшно не хотелось. Постельный разговор с Лизабет, вроде бы вполне невинный, отчего-то испортил ему настроение. И почему только женщины не могут, сделав дело, просто заткнуться и дать мужчине спокойно покурить? Покурить! Эд вытащил трубку и, на ходу набив её, блаженно затянулся. Магда тоже не любила, когда он курил. А вот Северине всё равно. Она равнодушна к запахам – вернее, ей нравятся все запахи, которые исходят от него.

Второй раз за ночь он думал о Северине. Эд сбавил шаг, пытаясь вспомнить, когда был у неё последний раз. Месяц тому, что ли? Или уже больше? Он помнил, что ночь была холодная, он выскочил на задний двор отлить и чуть не застудил себе всё, что можно. Не летом, значит, дело было, весной ещё... так давно? Эд остановился и глубоко затянулся табаком. Хороший табак. В лавке Северины такого, конечно, не было, но он всегда брал у неё немного и выкуривал прямо там. Ей нравилось делать ему такие вот маленькие подарки, а он никогда ничего ей не дарил. Только давал деньги, стараясь отмахнуться от мысли, что таким образом превращает её в шлюху. Проще было убедить себя, что это всё ещё благодарность за то, что она для него сделала, когда он впервые попал в этот город. Хотя на самом деле он поступал так потому, что, не заплатив ей золотом, должен был бы платить чем-то другим. Чем-то, что нельзя купить. А у него не было на это ни времени, ни сил.

Странно – подобные мысли должны были утомить его и вызвать раздражение, но вместо этого только сильнее захотелось её увидеть. Эд вытряхнул из трубки прогоревший табак и вошёл в конюшню. Дежурный конюх знал его и не остановил. Эд задумчиво провёл ладонью по крупу своего коня, подумав, что бедолагу не мешало бы почистить.

– Хреновый я хозяин. И муж хреновый, – сообщил он коню, и тот презрительно фыркнул в ответ: мне бы, мол, твои заботы. Эд вскочил в седло и выехал во двор, по-прежнему не таясь,

но уже и не очень шумя. Не приведи Гилас, и впрямь его заметит конунг из окна – потребует к себе и до утра уже не отпустит. А Эд хотел к Северине. Теперь и вправду хотел.

Он беспрепятственно проехал через Верхний город, встретив по дороге только одного путника, такого же, как он, празднующего гуляку. К тому времени, когда Эд добрался до Криворукой улицы, уже почти рассвело и витиеватые переулки Нижнего города понемногу заполнялись людьми. Он не прятался и здесь: они знали его, хотя никогда с ним не говорили, и он принадлежал им больше, чем чистым мощёным мостовым Верхнего Сотелсхейма.

Вычищенная вывеска «Красная змея» выдавала в её хозяйке рабочее настроение. Это было хорошо. Хорошо, если она занята делами и не думает о нём – будет меньше упреков...

И всё-таки, будь Эд хотя бы чуточку сентиментальнее, он непременно поверил бы, что она его ждала – так быстро она открыла дверь и таким спокойным, вовсе не удивленным было её лицо, когда их взгляды встретились.

Северина ничего не сказала Эду, только поцеловала его, и от неё пахло мятой и спиртом, а руки были скользкими и неестественно чистыми от укуса.

– Так рано встала? Работаете? – с усмешкой спросил Эд, прекрасно зная, что, скорее всего, она ещё не ложилась. В Нижнем городе надо было поискать женщину более порядочную, чем аптекарша Северина из «Красной змеи», но главных своих клиентов она принимала ночами, как и шлюхи из квартала Тафи. Это единственное, что их роднило. Если задуматься, между Лизабет Фосиган и теми же шлюхами общего было куда больше.

Но к Мологу Лизабет Фосиган. И даже шлюх из квартала Тафи тоже к Мологу... к Мологу всё.

Всё.

Северина не ответила на его вопрос, но Эд ведь и не ждал ответа. А то, чего он вправду ждал, она ему дала, как всегда. И через час он уснул в её узкой неудобной постели, на соломенном матраце, в мансарде над лавкой, пропитанной резкими запахами неизвестных трав. И пока он спал, Северина бережно расчесала и заплела его волосы.

Домой Эд вернулся после полудня. По меркам Верхнего Сотелсхейма это было раннее утро, когда благородные леди ходили друг другу в гости на завтрак, а их не менее благородные мужья только-только подтягивались из пивнушек. До вечера леди теперь будут заниматься своими обычными дамскими глупостями, а для мужчин наступит сонное время суток. Эд в который раз подумал, что если бы Одвеллы надумали брать Сотелсхейм штурмом, то наилучшим временем для этого был бы промежуток от двух до пяти часов дня. Глубокая ночь для благородных воинов клана Фосиган, стало быть.

Сам Эд, выросший далеко от Сотелсхейма, всё-таки придерживался менее извращённого режима дня, но всё равно чувствовал себя достаточно помятым за прошедшую ночь, хотя и совершенно довольным. Поэтому он вошёл в свой дом, напевая, и подмигнул топтавшемуся у статуи лакею.

– Доброе утро, милорд, – с подчёркнутой вежливостью, отличающей всех лакеев, произнёс тот.

– И тебе доброй ночи, – зевая, отозвался Эд. – Что нового?

– Осмелюсь сообщить, что вас ожидают...

– Ох, нет. Не надо. Молчи, – скривился Эд. – И зачем я только спросил? Утром расскажешь.

– Утром? Милорд...

– Ну, завтра. Завтра утром. Какая, к дьяволу, разница? – пробормотал Эд, поднимаясь по лестнице. Кто бы его там ни ожидал, подождут ещё немного.

В доме было непривычно тихо – Магдалена, видимо, уехала с утра гулять. «Счастье-то какое», – подумал Эд, входя в свою спальню – и замер на пороге, с изумлением озирая открывшуюся картину.

Платяной шкаф был распахнут настежь. Вся одежда Эда – сорочки, штаны, куртки, чулки и плащи – была живописно расшвыряна по полу, стульям и кровати. С балдахина свешивалась парадная перевязь, которую Эд давно считал безвозвратно потерянной. На постели поверх одеяла валялись две пары охотничьих сапог.

И посреди всего это бардака, задумчиво подперев голову рукой, сидела его жена. Сидела и глядела в окно.

Эд деликатно кашлянул. Магдалена выпрямилась и повернулась к нему. Лицо её было абсолютно спокойно.

– Решила устроить уборку? – с любопытством спросил Эд. – Или у тебя была истерика?

Магдалена положила руку на подоконник – спокойным, врождённо изящным жестом.

– Я выбирала, что мне надеть.

Хмыкнув, Эд наконец вошёл в спальню, стараясь не особо топтать свой гардероб.

– И как? Что-нибудь подошло?

– Да. Но искать пришлось долго.

– Рад, что ты осталась довольна. Так тут можно прибраться? Хотя, наверное, не сейчас. Я хотел бы вздремнуть часика два...

– Эдвард! – сказала Магдалена.

– Да? – ласково отозвался тот. Она почти никогда не называла его иначе, чем именем, которое он взял, присоединяясь к клану Фосиган. Видимо, так ей проще было убедить себя, что он ей ровня.

– Где ты был?

– В замке, – ответил он, сбрасывая с кровати свои сапоги.

– До того.

– Душа моя, ты решила устроить мне допрос?

Магдалена продолжала смотреть на него, не двигаясь с места. Её рука всё так же спокойно лежала на подоконнике. Воспользовавшись паузой, Эд закинул ногу на колено и взялся за сапог.

– Я была в «Серебряном роге». Этой ночью. Искала тебя.

Эд замер.

– Тебя там видели?

– Не бойся. Я была... инкогнито.

– В своём ли ты уме, душа моя? – тоскливо спросил Эд. – Будет теперь трёпа, что меня ночами по кабакам женщины ищут...

– Я переоделась мужчиной.

Эд опустил ногу и потрясённо уставился на неё. Потом расхохотался.

– Ещё лучше! Скажут, что посреди ночи меня по кабакам разыскивают мальчишки!

– Тебе ведь всё равно, что они скажут, Эдвард.

– Совершенно всё равно, – согласился он.

– Где ты был?

Это уже начинало надоедать.

– В кабаке. Потом в замке.

– А потом?

– Я до самого утра там был, Магда.

– У конунга?

– Конечно.

Она молча смотрела на него. Боги, они женаты меньше года, но как же осточертел ему уже этот взгляд. У Магдалены Фосиган было ровно три выражения лица, но именно этим она пользовалась чаще прочих. Эффект был, как от пытки медленной водой.

– Если ты мне не веришь, спроси его сама, – сказал Эд, прекрасно зная, что она не спросит.

Магдалена встала, заслонив спиной оконный проём. Эд стащил наконец сапог и взялся за второй.

– Тебя ждут внизу.

– Выгони их.

– Это секундант Сальдо Бристансона.

Эд выругался и тяжело вздохнул. Потом снова надел только что снятый сапог.

– Эдвард, как ты мог допустить эту дуэль?

Эд прошёл мимо жены, не ответив. Голова слегка побаливала, и он на ходу рассеянно помассировал висок. Спать хотелось ужасно, но он заставил себя встряхнуться. Ладно, ото-спится ночью. Надо бы лечь сегодня пораньше. Он, правда, обещался быть в «Кабаньем логове» этим вечером... дьявол, придётся идти. Заскочить хотя бы на часок, иначе не поймут.

Тедор Фокстер ждал его в малом гостином зале. На столе стояла непотчатая бутылка вина: к угощению он не притронулся. Эду хватило одного взгляда, чтобы понять, что гость находится в состоянии, близком к нервному припадку.

– Доброго вам утра, Фокстер, – приветливо сказал Эд. – Прошу прощения, что заставил ждать. Чем обязан?

Фокстер развернулся на месте так круто, что, казалось, едва не потерял равновесие. Его плотно сжатые губы побелели от напряжения.

– Какого дьявола я должен обивать ваши пороги, сударь? – хриловатым от еле сдерживаемого гнева голосом спросил он. – Кто ваш секундант?

– У меня его нет, – пожал плечами Эд. – Как-то, знаете ли, руки ещё до этого дела не дошли. Вы не могли бы зайти попозже? Скажем, вечером?

Несколько мгновений Фокстер молчал. Эд почти видел, как напряжённо он пытается подобрать для него наиболее подходящий эпитет, при том не слишком обидный – оскорблять противника человека, чьим секундантом ты являешься, считалось невероятной низостью. Однако «милордом» Фокстер назвать Эда никак не мог, а нейтральное «сударь» не содержало необходимого экспрессивного заряда. Поэтому в конце концов он проглотил своё возмущение и сказал совершенно ровно:

– Будьте любезны немедленно написать человеку, которого вы желаете видеть своим секундантом. Я готов подождать.

– Это очень любезно с вашей стороны. Погодите тогда, мне надо подумать. Хм... А почему вы не пьёте? Это хорошее вино. У меня не бывает плохого.

Он подёргал за шнурок звонка. Лакей, видимо, подслушивал за дверью, потому что явился почти тотчас.

– Бумагу, перо и чернила, – распорядился Эд и, рухнув в кресло, растерянно посмотрел на стоящего Фокстера, неотрывно глядевшего на него в точности тем же взглядом, что и Магда несколько минут назад.

– А вас ведь не было вчера в «Роге», правда? – спросил Эд. – По-моему, не было.

– Я пришёл позже.

– А! Ну и? Вам рассказали, как глупо у нас с Бристансоном получилось? Молог знает что...

– Собираетесь извиниться? – немедленно спросил Фокстер.

Эд изумлённо посмотрел на него, потом расхохотался.

– Извиниться? Помилуйте! Он только что по роже мне не надавал, жаль, его остановили. И знаете, из-за чего весь сыр-бор?..

– Кто ваш секундант, сударь? – багровея, прошипел Фокстер.

Эд задумался.

– Даже не знаю... Может, вы мне скажете?

– Я?!

– Конечно, вы, – прямо глянув на него, кивнул Эд. – Вы ведь лучше меня знаете, кто в этом треклятом городе ненавидит меня меньше остальных, а кто больше. Мне-то, как правило, они об этом не говорят.

– О, вы преувеличиваете, – с презрением ответил Фокстер. – Поверьте, в этом треклятом городе нет ни одного человека, который бы вас ненавидел.

– Хотите сказать, что меня всего лишь презирают, не опускаясь до ненависти? – уточнил Эд. Фокстер уставился на него. Это всегда восхищало Эда в нём и таких, как он: они могли сколько угодно плевать ядом в завуалированной форме, но совершенно терялись, если он переводил их намёки на нормальный язык. – Пожалуй, но это только в Верхнем Сотелсхейме. В Нижнем дела обстоят несколько иначе, однако тут вы, я так понимаю, не слишком компетентны.

Вошёл лакей, неся письменные принадлежности. Поза Фокстера, видимо, со стороны смотрелась весьма красноречиво, потому что лакей с интересом покосился на гостя и тут же удрал за дверь.

– Что? – раскладывая бумагу на столе, любопытствовал Эд. – Вы тоже хотите вызвать меня на поединок?

– Нет!

– Ну и хорошо. Дали б боги завтрашний пережить. Рико Кирдвиг знает?

Кажется, совершенно перестав улавливать нить беседы, Фокстер деревянно кивнул.

– Ну и как он?

– Прошу прощения?

– Как он вам? В том смысле, что он благороден, не правда ли? Хорошо воспитан и всё такое. Я, правда, не в курсе насчёт его заслуг перед конунгом и кланом, но это, по-моему, в данном случае не важно.

– Эфрин, что вы несёте?

Эд коротко улыбнулся.

– Рико Кирдвиг устроит вас как мой секундант?

Фокстер расправил плечи. Его облегчение от близкого конца разговора было почти осязаемым.

– Вполне.

– Ну и слава богам. Хорошо бы он согласился ещё. – Эд быстро нацарапал на бумаге несколько строк и, свернув свиток, обвязал лентой с цветами Фосиганов. Потом небрежно протянул Фокстеру. – Сами теперь решайте, проявлять ли мне к вам положенное, но совершенно неудобное в нашем случае уважение и посылать ли это со слугой. Или вы сэкономите себе и мне лишний час и отвезёте это Кирдвигу сами.

Фокстер вырвал свиток из руки Эда. Тот улыбнулся шире.

– Вы меня премного обязали. Я написал Рико, что согласен на любые условия, так что, надеюсь, вы сговоритесь быстро. Обсуждать примирение не пытайтесь, я дал ему указание не примиряться ни в коем случае.

– О примирении не может быть речи, – пламенно сказал Фокстер, и Эд кивнул. Конечно, не может. Когда ты, самоуверенный сотелсхеймский хлыщ, входил в эту комнату, а потом два часа мерил её шагами, ты только и думал, как бы спасти своего друга от этой позорной дуэли. Но теперь ты сам потащишь его на поединок за шиворот, и не будь Бристансон первым на

очереди, ты бы прямо тут вытащил меч и нашинковал из меня закуску к грядущей свадьбе дражайшего Сальдо. Но не выйдет, нет. Я дерусь с ним, а ты мне в этом поможешь.

– До завтра, – сказал Эд и, не вставая, небрежно протянул Фокстеру руку. Тот не принял её, ограничившись сухим кивком, и зашагал к выходу. Улыбнувшись, Эд опустил руку и сказал Фокстеру в спину:

– И ещё одно, Фокстер. Моё имя не Эфрин, а Фосиган. И если вы ещё хоть раз позволите себе подобную оговорку, я вызову вас. И вы не посмеете отказаться.

Несколько мгновений Тедор Фокстер стоял у порога, и тугие мышцы шеи так и перекачивались под кожей. Потом с грохотом распахнул дверь и размашисто вышел прочь.

Эд вытянулся в кресле и некоторое время блаженно потягивал вино, от которого так опрометчиво отказался его гость. Разговор с Фокстером приятно взбодрил его, и спать уже не хотелось. Меньше чем через час прибежал посыльный с запиской от Рико Кирдвиги. Эд пробежал её глазами, удовлетворённо кивнул и отправился в фехтовальный зал.

3

Любят ли боги дуэлянтов – вопрос спорный и в некотором роде риторический. Жрецы Лутдаха, покровителя учёного люда, с давних пор ведут диспуты на эту тему, и не одна сотня гусиных перьев сломана в попытке написать сколько-нибудь авторитетное послание к мирянам на сей счёт. С одной стороны, поединок чести, призванный обелить или защитить имя клана, либо установить справедливость, либо подтвердить невиновность ложно обвинённого – такой поединок священен и угоден Гилас. С другой стороны, любое смертоубийство – прежде всего жертва Мологу, да будет проклято и забыто имя его. Имя Молога, однако, в народе и среди благородных господ поминалось уж слишком часто, чтобы быть забытым, и слишком часто благородные господа оскорбляли друг друга в пьяных сварах, чтобы Молог рисковал лишиться жертвоприношений. Кроме того, неясно было, как относятся к дуэлям остальные боги. И Лукавая Тафи, водившая рукой фехтовальщика, и Хитроумная Аравин, научавшая его обманным движениям, и даже Неистовая Янона, с восторгом принимавшая любое бессмысленное кровопролитие, имели в этом деле свой интерес. Что уж говорить о Дирхе-Меченосце, ратующем за справедливость и кару не иначе чем с помощью меча, и считалось даже, что мечи благородных дуэлянтов – не что иное, как тень от тени меча Молога, которую Черноголовый доверил носить своему сыну. Таким образом, честные поединки имели прочную и хорошо аргументированную теологическую базу, однако сильно отдававшую дьяволопоклонничеством, потому что получалось, что именно мечом Молога, в фигуральном смысле, размахивают драчуны, снося друг другу головы.

Посему жрецы Светлоликой Матери Гилас хотя и терпели это, как терпели храмы и алтари богов-детей Молога, были страшно недовольны положением вещей и не уставали увещевать конунга, что-де давно пора запретить эти возмутительные игры с божьей волей. Конунг внял лишь отчасти: формально дуэли были запрещены, и как противники, так и их секунданты подвергались выволочке, но наказывались только если смерть одного из них была нежелательна – к примеру, порождала лишнюю путаницу с наследованием в клане или иную политическую сумятицу.

Сегодняшний поединок вполне мог стать подобным прецедентом. А мог и не стать – всё зависело от того, убьёт ли Сальдо Бристансон Эда Фосигана, или будет убит им. В первом случае последствия были совершенно непредсказуемы: в качестве клановой фигуры Эд Фосиган был никто, меньше чем никто, и даже его вдова, скорее всего, утешилась бы довольно быстро. Однако в личном отношении к конунгу Эд Фосиган отнюдь не был никто, он был *некто*, и если хотя бы половина сплетен, бродивших вокруг конунговой опочивальни, была истиной, то не сносить Сальдо Бристансону головы. Эду Фосигану, буде ему случится убить Сальдо Бристансона, не сносить головы тоже, ибо Сальдо Бристансон был не просто женихом старшей дочери конунга – он был единственным прямым наследником клана Бристансон, одного из наиболее влиятельных и близких септ Фосиганов.

Поэтому, как ни крути, убивать никого не стоило. И если Эд изначально понял и принял это как данность, то Сальдо Бристансон дошёл до этого вывода далеко не сразу и не без помощи своего друга Фокстера – и даже дойдя, никак не мог смириться, потому и буравил сейчас Эда ненавидящим взглядом, гневно сверкая чёрными глазами безупречно красивого, но сведённого судорогой ярости лица.

– Я так понимаю, мой лорд, вы меня уже убили, – заметил Эд, натягивая перчатки. – Сожгли заживо пламенным взглядом практически насмерть.

– Да уж, гляди, у тебя уже портки дымятся, – шепнул ему Рико Кирдвиг и громко загоготал, пользуясь тем, что ни Бристансон со своим секундантом, ни жрецы Дирха не могли услышать, потому что стояли слишком далеко.

Эд удовлетворённо кивнул. Кирдвиг – парень что надо. Несколько туповатый, и к тому же первый в Сотелсхейме сплетник, он одновременно отличался редкостным добродушием и отзывчивостью даже к малознакомым людям. Как Эд и предполагал, он легко и быстро сговорился с Фокстером обо всех подробностях, хотя и обсуждать-то было почти нечего: драться решили на одноручных мечях, каждый своим оружием, без кинжалов и щитов, в кожаных доспехах, но без шлемов. Единственным категорическим требованием Бристансона – а вернее, Фокстера – была полная закрытость поединка. Для этого местом назначили внутренний двор в сотелсхеймском святилище Дирха, где традиционно происходило большинство дуэлей – жрецы Меченосца, считавшие каждый подобный поединок ритуальным священнодействием во славу своего бога, строго следили за тем, чтобы ни любопытные, ни злопыхатели не могли вмешаться и прервать бой. Даже конунговой страже вход в храм был заказан, однако жрецы охотно выдавали им дуэлянтов, когда поединок завершался, и свидетельствовали вину убийцы, если дуэль была насмерть.

– Насмерть ли сходитесь? – буднично осведомился жрец, стоявший ровно в центре условной линии, прочерченной между противниками. Вообще свидетелей-жрецов было двое, но говорил всегда один, старший; роль сопровождавшего его послушника сводилась к тому, чтобы вовремя кликнуть лекаря или поднять ор, если драка выйдет за договоренные рамки, или если секунданты противников сцепятся друг с другом – бывало и такое.

– Насмерть ли сходимся, мой лорд? – осведомился Эд, принимая из рук Рико свой меч. – Вы как бы оскорблены, так что вам виднее...

Нижняя губа Бристансона дрогнула, будто он собирался сплюнуть. Рука стоявшего рядом Фокстера тут же легла ему на плечо. Фокстер что-то сказал, очень тихо и сдержанно. В его глазах тоже гулял гнев, но в сравнении с Бристансоном он выглядел образцом спокойствия и самообладания.

– Просто поразительно, как же его заела эта шлюха, – недоуменного проговорил Кирдвиг.

– Да уж, я сам диву даюсь, – беспечно отозвался Эд и, повернувшись к жрецу, отвесил лёгкий поклон. – Во имя Дирха-Меченосца, я желаю не смерти этого человека, но справедливости.

– Справедливости?! – всё-таки выплюнул Бристансон; было только девять утра, но солнце палило нещадно, и по его лицу обильно тек пот. – И *ты* ещё смеешь говорить о справедливости?!

– Сальдо! – предупреждающе повысил голос Фокстер. – Вспомни, что я тебе говорил. Вспомни, что ты ответил.

Сальдо Бристансон, похоже, действительно был влюблён в леди Чаттону. Ещё похоже, что он дурно переносил жару и плохо спал последней ночью. И, возможно, замкнутый «колодец» серых стен святилища и пыльная площадка под ногами вкупе с равнодушным жрецом и нахально улыбавшимся соперником выводили его из себя. Но как бы там ни было, а Сальдо Бристансон был урождённый дворянин, лэрд великого клана, без пяти минут зять конунга и без десяти минут – сам конунг. Поэтому он глубоко вздохнул, движением головы откинул со лба липкую от пота прядь, взял из рук своего секунданта меч и медленно, величаво поклонился жрецу.

– Во имя Дирха-Меченосца, я желаю не смерти этого человека, но справедливости, – сказал он с большим трудом и с не меньшим достоинством.

– Браво, – негромко заметил Эд, обращаясь к Кирдвигу. – Поаплодировал бы, да руки заняты.

– С милостью Дирха и под оком его, сойдитесь же до первой крови, и тот, кто обагрится ею, повержен будет, – заученно пробубнил жрец и, жестом благословив соперников, отступил к галерее двора, дав тем самым сигнал к началу поединка.

Эд лёгким движением обнажил клинок и встал в позицию. Бристансон последовал его примеру, хотя и несколько позднее – он всё ещё старался унять и загнать поглубже kloкотавшую в нём ярость.

Несмотря на свою молодость, вспыльчивость и любовь к леди Чаттоне, это ему превосходно удалось.

Эд шагнул вперёд и сделал лёгкий дразнящий выпад. Бристансон парировал его и перешёл в контратаку, но так же легко и дразняще, пока что лишь исследуя силы противника. Его лицо совершенно разгладилось, и даже ненависть ушла из взгляда. Они снова скрестили клинки, и Эд мимолётно улыбнулся ему.

– У вас лёгкий шаг, мой лорд. Как-нибудь я позволю себе пригласить вас на спарринг, что скажете?

Бристансон не ответил, но следующий его выпад был жёстче и резче предыдущего. Эд не стал его парировать, просто ушёл от удара, сместившись на шаг в сторону.

– Так быстро распаляетесь, – сказал он огорчённо. – Разве же я вас чем-то обидел? Сейчас, я имею в виду...

Бристансон, видимо, твёрдо решив не поддаваться на словесные провокации, снова сделал выпад, стараясь зацепить ноги. Эд отпрыгнул, выбив сапогами облачко пыли из иссушенной солнцем земли.

– Чёрт, это не очень умно, сударь, – заметил он, отражая новую атаку. – Ведь добить меня вы всё равно не сможете. Или вы решили, что рана должна быть обидной? Тогда вам стоит целить в другое место...

Будто последовав совету, Бристансон нанёс серию ударов на уровне груди, последний – в область живота, направив лезвие противнику прямо в пах. Эд парировал, слыша ободряющий возглас Кирдвиг и пренебрежительное фырканье Фокстера.

– Так, значит, вот как вы избавляетесь от соперников по постельным делам, – заметил Эд, нанося удар и тут же парируя контратаку. – Не скажу, что это глупо, но ужасно низко, вы не находите? Или, – ещё удар, – вы полагаете, что коль уж опустили до дуэли со смердом, то и бить его надо как смерда? – Парирование, удар. – Что ж, это и впрямь лишено логики... – Удар, контратака, удар, отступление, контратака, удар. – Только вот куда прикажете мне бить вас?

Сальдо Бристансон споткнулся, нелепо взмахнув руками, и едва не выронил меч, но сохранил и достоинство, и равновесие. Эд остановился, давая противнику время выпрямиться и выровнять дыхание. Они успели поменяться местами, и теперь Эд видел одобрительную ухмылку Кирдвиг, маячившего у Бристансона за плечом, и чувствовал спиной сжигающий взгляд Фокстера. Ха, а ведь не будь тут жрецов-свидетелей, преспокойно наблюдавших за дракой из тени дворового портика, вы бы, лорд Тедор, не побрезговали помочь товарищу и всадить клинок мне в спину...

– Это в самом деле вопрос, – сказал Эд. – Я прошу у вас совета.

– Ты чересчур много болтаешь, – хрипло проговорил Бристансон. Он уже отдышался и снова поднял клинок, хотя пот по его лицу катился градом. Эд тоже взмок, но только слегка. По ярко-синему летнему небу в сторону солнца плыла маленькая лёгкая тучка.

– Коль уж благородный вызвал того, кого считает смердом, куда смерд смеет ранить его, не оскорбив ещё более? – задумчиво продолжал Эд, на последнем слове парировав удар, который обрушил на него Бристансон, рванувшись с места как змея. – Ниже пояса? – Эд сделал стремительный выпад, почти задев бедро Бристансона – и отведя меч прежде, чем тот успел парировать. – Нет, это гнусно, ибо ниже пояса – только порют, и, с вашего позволения, е...ут.

Бристансон снова споткнулся, а Рико Кирдвиг оглушительно захохотал. Этот парень всегда ценил незамысловатую народную шутку.

– В грудь? – продолжал Эд, очертив смертоносную линию перед грудью противника. – Нет. В груди бьётся благородное сердце урождённого лорда, и кровь от этого сердца не может быть пролита рукой того, кто родился в сточной канаве...

– Заткнись, – прошипел Бристансон; его атаки становились всё яростнее, и Эд отражал их, не пытаясь перейти в наступление, до тех пор, пока снова не заговорил.

– Быть может, в шею? – снова выпад; клинок почти царапнул кадык Бристансона, но тут же ушёл в сторону. – Тоже нет! Ибо горловая кровь самая алая, а значит, самая благородная из всей вашей наиблагороднейшей кровушки, мой лорд...

– Довольно, – чуть слышно сказал Бристансон, и в его глазах Эд ясно видел, что он напрочь забыл о клятве не доводить до смертоубийства, которую только что дал богу-Меченосцу, и собирается преступить её. А боги не любят, когда преступают клятвы, данные им десять минут назад.

– Что же остаётся? Только голова, – сказал Эд. – Она у всех одинакова, только вот вам, мой лорд, всё равно не нужна, ибо вы не шибко-то ею пользуетесь.

– Сдохни! – взревел Сальдо Бристансон, вспыльчивый, гневливый, неопытный и юный лэрд, помешавшийся от любви и обиды, и, вскинув клинок над головой, под протестующие крики жреца, Кирдвига и Фокстера опустил его на голову Эда.

Эд не стал парировать. Не стал он и уклоняться, хотя с равной лёгкостью сделал бы и то, и другое. Вместо этого он слегка присел и с коротким замахом снизу вверх нанёс удар.

Самый кончик клинка вошёл в нижнюю челюсть Сальдо Бристансона и рванулся ещё на несколько дюймов влево и вверх, рассекая кость и лицевые ткани. Эд оттолкнулся, ступая назад и позволяя клинку свободно выскользнуть из раны, встречая меч врага. Бристансон упал на колени и, выронив меч, схватился рукой за залитое кровью лицо. Он не кричал, лишь надсадно и хрипло выл, покачиваясь на месте и обильно хлеща кровью из разрубленного лица на пыльную землю.

– Бой окончен! Дирх удовлетворён! – провозгласил жрец. Мальчишка-послушник уже мчался по галерее за лекарем, гулко топоча деревянными сандалиями. Тедор Фокстер, склонившись над Бристансоном, тряс его за плечо и звал по имени, а Кирдвиг подскочил к Эду сзади и вцепился ему в локоть.

– Жив? Жив хоть? Гилас и дети её! Жив или помрёт?!

– Я надеюсь, что не оскорбил вас своим выбором, мой лорд, – сказал Эд. Сальдо Бристансон приподнял трясушуюся голову, и Эд встретил взгляд единственного, совершенно безумного глаза, полыхнувшего среди кровавой маски яркой голубизной.

Эд поклонился ему, выпрямился и стряхнул кровь с меча.

– Честь имею, мои лорды, – сказал он, не ответив на мучительно-яростный взгляд Фокстера, и пошёл к выходу. Дуэль была окончена, а день только начался.

Когда они прошли через внутреннее помещение святилищ и оказались на улице, среди снующих горожан, Эд повернулся к Кирдвигу и, проникновенно заглянув ему в глаза, сказал:

– А теперь, дражайший мой Рико, у меня часа два или три до ареста, и мне хотелось бы провести их в кругу друзей. Посему предлагаю нажраться в дым. Я угощаю.

И даже если Рико Кирдвиг не горел желанием сопровождать его, то на дармовую выпивку он никак не мог отреагировать иначе, чем с бурным и неподдельным восторгом.

Считалось, что Эд Эфрин появился в Сотелсхейме три года назад. Но на самом деле это произошло шестью месяцами раньше.

В один из первых весенних дней, когда Ясноокая Уриенн приподняла веки, просыпаясь от долгого зимнего сна, когда свет её глаз излился на усталую землю первыми солнечными лучами и когда, растопленный этим светом, с вод Силмаэна наконец-то сошёл лёд, аптекарша Северина из Нижнего города вышла к реке топиться. Стояло утро, столь раннее, что лишь

немногие лодочники успели подтянуть свои снасти к воде, а переправы и Сотелсхеймский мост ещё были закрыты, и никто не мог ни заметить вдову аптекаря, ни помешать ей. Потому она выбрала именно этот день: ещё неделя отсрочки – и на реке стало бы слишкомлюдно, к тому же Северина боялась, что её горе немного утихнет, а с ним она лишится и мужества. Две недели назад её муж Гольберт с сыном Дором отправились в одну из окрестных деревень, где можно было продать некоторые товары дороже, чем в городе, – близилась весна, неся с собой свои особые хвори, от которых не всегда можно было найти спасение в лесных травах. Они получили хорошую выручку и возвращались домой с тяжёлым кошельком, которым прельстились бандиты на большой дороге. Гольберта и Дора к Сотелсхейму принесла река. Теперь Северина вышла к реке, чтобы присоединиться к тем, кого любила.

И ей, и Эду Эфрину повезло, что она выбрала именно этот день. Днём позже она, может статься, перетряхнула бы вещи покойного мужа – и наконец нашла бы ключ от тайного погребка под половицей, в котором находился ящик, уставленный плотно закрученными баночками непрозрачного стекла. И кто знает – возможно, тогда ей даже не пришлось бы идти к реке. Но Северина пока ещё не нашла этот ключ. Вместо него она нашла молодого мужчину, лежащего без сознания у самой воды. Он лежал на боку, лицом к восходящему солнцу, одна его рука погрузилась в воду, и ледяной поток колебал посеревшие от холода пальцы. Северина посмотрела на эти пальцы и подумала, что вся её кожа, каждый клочок её станет такого же цвета – менее чем через час. И когда она представила себе это, в ней наконец родился страх. Она взяла руку раненого и вытащила её из воды.

Потом приложила ладонь к его сердцу и, почувствовав слабые, неровные удары, поняла, что река, отнявшая у неё всё, что она любила, сжалилась и дала ей что-то взамен.

На следующий день она нашла ключ от тайника аптекаря Гольберта.

Эд прожил у Северины до лета. Она мало знала о нём – только то, что он пришёл из города Эфрина. На вопросы о том, кто и как ранил его, он лишь качал головой и беспомощно улыбался, будто стыдясь признаться, что в памяти от этих событий осталась лишь вязкая мгла. Первые недели Северина перебивалась с хлеба на воду, едва сводя концы с концами, – она умела вести хозяйство, но мало знала о травах и лишь помогала своему мужу в его ремесле. Едва оправившись, Эд попросил у неё денег. Очень спокойно и просто – так, будто не сомневался, что получит просимое. Кое-как Северина наскребла сумму, которая ему требовалась: к тому времени она уже любила его. Эд ушёл с этими деньгами в базарный день и вернулся с небольшим арбалетом и пригоршней болтов.

– Что ты собираешься делать? – с удивлением спросила Северина: она всю жизнь прожила в мирном, безопасном и надёжном Сотелсхейме, Тысячешашенном городе, городе-мечте, и её муж никогда не держал дома оружия.

– Я собираюсь кормить тебя, – ответил Эд и ушёл прежде, чем она поняла, о чём он говорит.

И лишь когда вечером Эд вернулся, неся в небрежно заброшенной за спину сетке связку жирных фазанов, ударилась в слёзы.

– О, милостивая Гилас, что ты наделал, Эд?! Это же леса конунга! Тебя повесят, если поймают!

– Непременно, – ответил он. – А пока ешь.

Она воровато приготовила дичь там же, где её муж варил лечебные зелья – в погребе под лавкой, откуда наружу вела ветровая отдушина. И съела, полностью утолив голод впервые с того дня, когда осталась вдовой.

В следующий базарный день Эд закинул связку фазанов на плечо и пошёл на рыночную площадь. Весь день Северина простояла на коленях лицом к храму Гилас, молясь, чтобы она пощадила её мужчину. Гилас его пощадила. Он вернулся вечером и отсчитал все деньги, кото-

рые взял у Северины на покупку арбалета – до последнего гроша. А потом положил на стол штуку ярко-жёлтого полотна.

– Сшей себе платье, – сказал Эд. – И не носи больше чёрное.

Шесть месяцев, которые Эд Эфрин был и не был в Сотелсхейме, стали самыми счастливыми месяцами в жизни Северины, аптекарши из «Красной змеи».

Всё закончилось летом, когда конунг выехал на традиционную Большую охоту, затеваемую всякий раз накануне праздника Эоху. В честь бога солнца, урожая и благоденствия в течение трёх дней любому, независимо от рода и звания, позволялось охотиться в лесах Сотелсхейма – таков был дар великого конунга каждому, кто имел твёрдую руку и меткий глаз и, конечно, был любим богами. Сам конунг отказался от традиционной охоты на оленя и выбрал дичь, которой тем летом выдалось особенно много. Лучшие охотничьи угодья находились в лесном массиве к северо-западу от города – туда и направился великий конунг Грегор Фосиган, вместе со всей своей семьёй, многочисленной свитой и ближайшими септами. День был ясный и способствовал прекрасному настроению. Подзуживаемый льстивыми шутками придворных, конунг раньше срока распалился охотничьим азартом. Одиноким краснокрылый голубь, пролетавший над дорогой, привлёк внимание лорда Фосигана. Конунг потребовал арбалет и объявил, что намерен открыть охоту. Это вызвало всеобщее оживление, и десятки глаз заворожённо следили, как конунг пускает стрелу – это было важно ещё и потому, что служило добрым либо дурным знаком для всей сегодняшней охоты.

Под нервические ахи дам, подобострастные смешки господ и надрывный лай гончих великий конунг Георг Фосиган виртуозно промазал.

Ветер, конечно, и волнение, и неустанная болтовня под руку – вот пальцы и дрогнули, ничего особенного. Другой арбалет – да, о великий конунг! – ну-ка... И снова промазал, не менее искомётно. Конунг опустил арбалет и сказал в гробовой тишине, прерываемой лишь скулежом собак:

– Слишком высоко.

И будто в насмешку над великим конунгом, в воздухе просвистела стрела, и голубь рухнул с небес под копыта конунгова коня.

– Кто бы он ни был, он труп, – со знанием дела сказал Фабиан Бристансон своему племяннику Сальдо, и тот обескураженно покачал головой.

Конунг спешился, поднял голубя за крыло, осмотрел со всех сторон, потом выдернул из груди мёртвой птицы болт и повелел:

– Охотника найти, изловить, доставить ко мне.

– Не надо его ни искать, ни тем паче ловить, великий конунг, – смиренно сказал молодой, бедно одетый мужчина, выходя из придорожных кустов и опускаясь на колени. – Сам каюсь и сдаюсь на ваш справедливый суд.

– Простолудин, – зашушукались дворяне; кое-кто был разочарован: сорвался очаровательный скандал, который мог стать поводом для клубных бесед минимум вечера на два.

Конунг опустил руку и с интересом посмотрел на золотисто-русое темя человека, склонившего перед ним голову.

– Ты стрелял?

– Я, великий конунг.

– Зачем?

– Есть очень хочется.

Конунг хмыкнул и бросил голубя к его ногам.

– Что ж, ешь. Заработал. Покажи своё оружие.

Охотник протянул арбалет. Конунг даже не стал брать его в руки – кинул беглый взгляд и снисходительно изогнул бровь.

– Ты хорошо стреляешь.

– Я знаю, великий конунг.

– Что ты сказал? – уже отвернувшийся было лорд Фосиган изумлённо оглянулся.

– Я действительно хорошо стреляю.

Несколько мгновений конунг продолжал изучать золотистые волосы молодого охотника, стянутые шнурком на затылке. Потом спросил:

– Кто ты и откуда?

– Я никто, великий конунг, – подняв голову, просто ответил охотник. – А пришёл я из города Эфрин.

Конунг рассмеялся.

– Никто, говоришь? Немного найдётся людей, которым хватит смелости так о себе сказать.

– Нет смелости в том, чтобы говорить правду конунгу, – всё так же смиренно сказал охотник, и это заявление породило в толпе с интересом слушавших придворных презрительный смешок. Конунг присоединился к всеобщему веселью, сверкнув зубастой улыбкой.

– Ты ничего не знаешь о дворе, парень, потому так думаешь. В этом есть и смелость, и некоторая невинность, хотя по большей части глупость... Ты глуп, Никто из города Эфрин?

– Нет, великий конунг.

Придворные зафыркали, засмеялись, зашептались. Конунг смотрел на охотника, улыбаясь.

– А может, ты глуп, но просто дерзок?

– Возможно, и так, великий конунг. А возможно, и нет, ведь ум и дерзость не обязательно исключают друг друга.

– Для человека по имени Никто у тебя слишком хорошо подвешен язык, – заметил лорд Фосиган.

– Имя и умение владеть своим языком, равно как и другими частями тела, тоже не обязательно связаны, – спокойно сказал охотник, и те, кто слышали его слова, попрыгали ухмылки и стали отводить взгляды, ибо это была уже неприкрытая дерзость смерда в адрес людей благородного имени, и конунг не мог пропустить её мимо ушей.

Но – вот чудеса! – конунг и впрямь пропустил её мимо ушей. Улыбка спряталась в завитках курчавой каштановой бороды, но не исчезла совсем.

– Ты и впрямь метко стреляешь, Никто из города Эфрин, – сказал он, и каждому, кто знал лорда Грегора, в его словах послышалась двусмысленность.

– Не метче, чем большинство ваших подданных, великий конунг, – беспечно отозвался охотник.

– Много метче, поверь мне. Я знаю их лучше твоего.

– Не думаю. Поверьте, каждый третий среди них умеет хорошо стрелять. Просто ему никогда не хватит смелости выдать это в вашем присутствии.

– Тебе смелости хватило.

– Я не ваш придворный, великий конунг, – усмехнулся охотник. – Мне нечего терять.

– Свою голову ты, стало быть, не ценишь?

– Очень ценю, но, смею полагать, если бы вам было угодно снять её с моих плеч, вы бы сделали это сразу после того, как я убил вашу птицу.

– Отец! – воскликнула юная леди Лизабет, возмущённая сверх меры; даже её гнедая кобыла переняла настроение хозяйки и нервно стукнула копытом. – Это уже слишком, зачем ты слушаешь...

– Встань, – сказал конунг.

Охотник поднялся с колен. Стало видно, что он на голову выше конунга, который, впрочем, был приземистым и тучным мужчиной.

– Я казнил бы тебя, если бы ты убил мою птицу. Но эта птица – твоя, – сказал конунг и вскочил в седло.

Придворные облегчённо вздохнули, стремясь продолжить путь, – всё это совершенно не было похоже на лорда Грегора, а потому смущало их. Кавалькада уже тронулась дальше по дороге, когда охотник, несколько мгновений провожавший конунга напряжённым взглядом, вдруг резко крикнул:

– Там нет охоты, великий конунг!

И в мгновение ока конь лорда Фосигана взрыхлил землю прямо перед ним.

– Что ты сказал?

– В той стороне нет охоты. Ни оленя, ни кабана, ни дичи.

– В самом деле? – мягко переспросил конунг, и вот эта мягкость уже была хорошо знакома тем, кто жил с ним рядом, и каждого она вынудила опустить глаза и тихонько отъехать в сторонку, чтобы не попасть лорду Грегору под горячую руку. Будь у мальчишки и впрямь хоть капля ума, заткнулся бы и убрался подобру-поздорову с конунговым голубем. Но тот стоял посреди дороги, в клубах пыли, поднятой копытами коней, на сей раз со смело вскинутой головой, и смотрел конунгу прямо в лицо.

– Ты ставишь под сомнение работу моих егерей, Никто из города Эфрин?

– Что ж поделать, если они делают свою работу дурно.

– В таком случае мне придётся их казнить. Или тебя, если ты лжёшь.

– За что же меня, великий конунг? Я-то не давал присяги служить вам верой и правдой. Хотя, как видите, служу по мере сил.

– И где же, по-твоему, будет хорошая охота? – вполголоса спросил лорд Фосиган.

Эд указал по дороге на юг.

Грегор Фосиган хлопнул в ладоши.

– Слушайте все! Поворачиваем к югу!

– Но, великий конунг!.. – всполошились егеря, однако конунг был непреклонен. Его улыбка теперь напоминала оскал гончей, гнавшейся за зайцем и неожиданно учуявшей кабана.

– Ты! – указательный палец с конунгским перстнем ткнулся в молодого наглеца. – Мне не нравится имя Никто. У тебя есть другое?

– Эд, с вашего позволения.

– Отлично, Эд Эфрин, ты поедешь с нами, и если, со своей меткостью, не настреляешь мне на юге полную сетку дичи, я собственноручно снесу тебе голову.

– Как пожелает великий конунг, – ответил Эд Эфрин.

Они видели друг друга в первый раз, но уже тогда понимали без лишних слов.

На юге и впрямь было чем поживиться – целая стая диких уток вспорхнула с поверхности затоки, образовавшейся в петле реки.

– Раздери меня Молог, этот мальчишка приносит мне удачу! – смеялся конунг, перезаряжая арбалет. – Поедешь со мной, Эд Эфрин, пристрою тебя младшим учеником к моим егерям.

– Это очень мило, великий конунг, но чему, по-вашему, они могут меня научить? – возразил Эд, и конунг засмеялся снова, и придворные угодливо смеялись вместе с ним, а Эд не смеялся – улыбался, смело глядя конунгу в глаза.

К тому времени, когда Эд настрелял полную сетку, вернулись соглядатаи лорда Фосигана, которых конунг незаметно для остальных отправил с разведкой в то место, где изначально затевалась охота и откуда конунга отвалил Эд. И сообщили, что два десятка хорошо вооружённых людей в одежде без родовых цветов сидят там в засаде, ожидая явления разгорячённых и беспечных от запала охотников.

– Раздери меня Молог. Этот мальчишка приносит мне удачу, – уже без улыбки сказал конунг.

То, что случилось дальше, стало поводом для клубных разговоров на гораздо более долгий срок, чем два вечера. Вызвав подмогу из замка, лорд Фосиган стремительно атаковал заговорщиков и захватил тех, кто остался в живых. Егеря, проложившие путь конунга по тем местам, также были арестованы и допрошены со всем возможным тщанием. Эд Эфрин, по слухам, тоже не избежал ареста. По другим слухам, это больше походило на приближение ко двору, чем на арест: конунг якобы удостоил его личной беседы в своих покоях, и если Эду Эфрину и довелось погостить в темницах Сотелсхеймского замка, то совсем недолго, потому что уже через день его видели на улицах Верхнего города, куда имели доступ только дворяне, жрецы и самые влиятельные из торговцев.

– Так ты знал о заговоре? И нарочно попался мне на пути, чтобы предупредить? Ты заранее продумал всё это?

– Продумал что, великий конунг? Возможность спасти вашу жизнь и заодно заслужить вашу признательность? Да. Так и было. Казните меня, если в моём поступке есть что-то преступное, предосудительное или неестественное для человека моего положения.

И говорили, что в ответ на эти немыслимые слова конунг расхохотался и хлопнул Эда Эфрина по плечу. «До чего же ты наглый, Эдо, – сказал он, но этих слов в клубы не передали, потому что их никто не слышал. – До чего наглый, искренний и верный мальчишка».

Все егеря, составлявшие в основном цвет клана Макатри, и заговорщики, как и следовало ожидать, имевшие связи с Одвеллами, были казнены на той же неделе. Это обрадовало многих, так как при дворе немедленно освободился целый ряд завидных должностей. Но многих и огорчило, ибо Эда Эфрина в числе казнённых не оказалось. Более того – именно ему, этому Никто из города Эфрина, конунг предложил место главного егеря. На что Никто из города Эфрина в своей обычной очаровательно-нахальной манере ответил беспечным и совершенно невообразимым отказом.

– Всё же я стреляю лучше, чем ваши придворные, мой конунг, и уже назавтра взвою со скуки, – якобы ответил он, но это-то уж выходило за всякие рамки и наверняка было досужим вымыслом. Одним из многих, которыми фигура Эда Эфрина стала стремительно обрастать с этого дня.

Потому что даже не став егерем конунга (говоря по правде, само такое предположение вообще было сомнительно – пост этот был слишком почётен и мог быть занят только представителем клана Фосиган, так что слухи об этом вряд ли имели под собою реальную основу), Эд Эфрин тем не менее остался в Сотелсхейме. И не просто в городе – в самом замке. До случая с охотой конунг благоволил клану Макатри и частенько коротал вечера за бокалом вина с юным лэрдом Питером, который в числе прочих заговорщиков сидел на дереве с арбалетом между колен. Вырезав клан почти подчистую, конунг лишился привычных собеседников и заскучал. Слухи ходили разные, но всерьёз никто и помыслить не мог, что место собутельника, компаньона и (это добавляли сперва пугливым, а потом возмущённым шепотом) фаворита лорда Грегора займёт безродный выскочка Эд Эфрин. Эд остался жить в замке, и хотя ночевал с челядью, его положение в Сотелсхейме и при конунге оставалось поводом для жарких споров в салонах Верхнего и клубах Нижнего города. Никто ничего не видел, не понимал и не знал наверняка – даже вездесущие слуги, какими бы щедротами их ни соблазняли, не могли сообщить ничего вразумительного. Оставались домыслы, сплетни, временами граничащие то с откровением, то с клеветой, и постепенно ошеломлённый город осознал, что тот самый безродный выскочка не только продолжает говорить с конунгом так, как не смели с ним говорить его собственные дети, но и прочно обосновался в Верхнем Сотелсхейме.

Зимой следующего года Эд Эфрин получил личные апартаменты в западной части замка Фосиган. На первом весеннем балу он появился в свите конунга, одетый в белое с золотом, с волосами, заплетёнными в короткую косу на морской манер, и ярким, беспредельно наглым блеском голубых глаз. Все женщины Сотелсхейма, включая леди Лизабет, в тот день не могли

отвести от него взгляд. Некоторые мужчины уже понимали, что это значит. И тем не менее ещё целый год никто не смел задавать вопросов, а когда конунг отдал за Эда свою дочь Магдалену, задавать вопросы стало поздно. Эд Эфрин был официально и законно принят в клан.

К этому времени Северина из аптеки «Красная змея» в Нижнем городе уже досконально разобралась, что именно находилось в баночках непрозрачного стекла, которые оставил ей в наследство погибший муж.

Эд также успел разобраться во многом – гораздо в большем, чем могли предполагать остальные, которые, к слову сказать, до сих пор крайне мало в чём разбирались.

Но никто – ни септы клана Фосиган, ни дети лорда Грегора, ни сам Эд – не знал, в чём успел, а в чём не успел разобраться конунг.

И может статься, что теперь наконец пришёл день, когда Эду придётся за это незнание заплатить.

Арестовывать его пришли не через два часа и не через три, а уже под вечер, когда весь город прознал об утренней дуэли и, ошеломлённый, украдкой подтягивался к таверне «Три сестры» на площади Тафи, где Эдвард Фосиган ставил дармовую выпивку всем желающим. Он не праздновал, а просто проводил время, что охотно пояснял каждому, кто с нервным смешком поздравлял его, фамильярно хлопая по плечу. Таких смельчаков, впрочем, сыскалось немного: большинство сходилось на том, что на сей раз выскочка из Эфрина перешёл все допустимые границы. Сам Эд был спокоен и одинаково любезен со всеми, пил не больше и не меньше обычного, язвил тоже – словом, этот день ничем не отличался от всех прочих, за исключением того, что уже к трём часам пополудни обычно сдержанный в выпивке Рико Кирдвиг надрался как свинья и, взобравшись на стол, красноречиво рассказывал всем желающим об утренней дуэли, временами разыгрывая события в лицах и изрядно при этом привирая. Даже явившаяся конунгская стража не заставила его слезть со своей трибуны – впрочем, это потому, что Кирдвиг её просто не заметил, как и большинство его благодарных слушателей.

Зато стражу заметил Эд, скромно сидевший за угловым столом и давно переставший быть центром внимания. В зале галдело и хохотало не менее тридцати человек, шум стоял страшный, от винного пара и дыма табака вошедшему с улицы человеку было трудно дышать. Начальник стражи, шедший впереди двоих сопровождающих, остановился на пороге, и на его лице появилась гримаса мимолётного, но неудержимого отвращения. Не дожидаясь, пока стражники проложат себе путь, Эд залпом допил вино, сделал последнюю затяжку и, сунув трубку за пояс, направился прямо к ним.

– Доброго вечера, мой лорд, – поприветствовал он начальника стражи. – Я в полном вашем распоряжении.

– Хорошо, – коротко ответил начальник стражи, и они вышли.

Прошло немало времени, прежде чем в «Трёх сёстрах» заметили, что Эд исчез.

Впрочем, всё оказалось не так страшно. Его не связали и даже не велели отдать оружие – только уже в замке, перед входом в покои конунга, пришлось оставить меч, что Эд и сделал без колебаний.

– Лорд Фосиган ждёт вас, – сказал камергер конунга, которому начальник стражи поручил арестанта.

Эд откинул полог на двери и вошёл.

Конунг принимал его там же, где обычно, – в небольшой уютной комнате, увешанной гобеленами и фамильными портретами Фосиганов, где из мебели был только небольшой стол и два кресла. Резная дверь вела в личную библиотеку конунга, ещё одна – в опочивальню. Маленькое окно, спрятавшееся в нише, было забрано такими же резными ставнями и даже днём почти не пропускало света. На столе стояло всего два тройных канделябра. Эд знал, что с возрастом лорд Фосиган стал плохо переносить яркий свет.

Во всём Сотелсхейме вряд ли нашлось бы больше дюжины человек, которые видели эту комнату изнутри.

– Заходи, Эдо, – сказал конунг.

Он сидел в кресле, находившемся ближе к двери – как обычно. Одет был по-домашнему, в простой чёрный костюм, скупой украшенный золотой нитью. Голова конунга была непокрыта, и глубокие залысины в побитой проседью шевелюре поблескивали на свету.

Эд вошёл и поклонился, остановившись от конунга в трёх шагах. Тот небрежным жестом пригласил его подойти ближе и указал на кувшин, стоявший на столе между канделябрами.

– Сделай одолжение, побудь сегодня моим виночерпием. Себе тоже налей.

– Благодарю, мой конунг, но я уже пьян, – вежливо отозвался Эд.

– Правда? – удивился тот. – С виду и не скажешь. Зачем ты напился?

– Со страху, наверное.

– Руки не дрожат?

Эд вытянул руки перед собой ладонями вверх. Конунг придиричиво осмотрел их.

– Хм. Ты точно пьян? Как бы там ни было, гляди не разлей вино. Это тартоллон семьсот шестидесятого года. Робрин – ну, знаешь, мой хранитель вин – вылил и рыдал, когда я уносил бутылку из погреба.

Эд серьёзно кивнул, давая понять, что осознаёт ответственность поручения, и ловко и аккуратно разлил вино – сперва конунгу, потом себе.

– Садись, – сказал лорд Фосиган.

Эд сел. Они молча выпили. Вино оказалось достойным своей легендарной репутации.

– Я вот весь день думаю, – проговорил Грегор Фосиган, – кто же ты всё-таки: дурак или предатель. Как полагаешь, к какому выводу я в итоге пришёл?

Эд задумался на мгновение. Потом ответил:

– Ни то ни другое.

– М-да? Почему ты так думаешь?

– Если бы вы решили, что я дурак, то не стали бы звать меня для разговора. А если бы сочли предателем, то не доверили бы разливать вино.

Конунг широко ухмыльнулся.

– Ты дьявол, Эдо! И откуда ты всё всегда знаешь?

– Не всё и далеко не всегда, – честно признался Эд. – Вот, к примеру, я понятия не имею, зачем вы меня сейчас позвали.

– Но повод-то тебе известен.

– Повод никогда не имеет значения, мой лорд.

Конунг вздохнул, рассеянно поглаживая ножку кубка. Драгоценные камни на его пальцах ярко и болезненно вспыхивали в свете свечей.

– Он умер? – спросил Эд.

– Нет. И это, видимо, чудо и милость Гилас... или жестокосердие Молога, как посмотреть. Если бы твой клинок вошёл хоть на полдюйма глубже, то пронзил бы его мозг. Но ты всего лишь разрубил ему челюсть и скулу, отсек большую часть языка и лишил правого глаза. Мой лекарь шесть часов зашивал ему рану. Она не опасна, хотя и сильно кровоточила.

– Что ж, слава богам, – сказал Эд и залпом осушил кубок.

Конунг посмотрел на него так, как будто он только что снял штаны и опорожнился прямо на ковёр.

– Ты что творишь, поганый смерд?! Кто же так пьёт тартоллон?! Одного кубка должно хватить не меньше чем на час!

– А-а. Я не знал, – сказал Эд и налил себе ещё вина – оно ему действительно понравилось.

– Посмотри на меня, Эдо.

Эд поставил кувшин на стол и взглянул в чёрные глаза конунга.

- Ты хотел убить Сальдо Бристансона?
- Нет, мой лорд.
- Ты знаешь, что я собираюсь отдать за него Лизабет. Ты понимаешь, что это означает?
- Да, мой лорд.
- Неужели? И что же?
- Это означает, что после Квентина – он второй ваш наследник.
- Да. Второй, – повторил конунг и смолк.
- Эд виновато покосился на кубок.
- Можно, я выпью? – попросил он.
- Нет. Ты не умеешь пить хорошее вино. Просто удивительно, за три года так и не научился.
- Таким хорошим вы меня раньше никогда не поили.
- И правильно делал, как теперь вижу. Нет, не трогай. Я велю принести тебе какой-нибудь дряни вроде аутеранского.
- Не надо. Я бы, с вашего позволения, лучше закурил.
- Конунг поморщился, но кивнул.
- Молог с тобой, кури.
- Какое-то время Эд раскуривал трубку от свечи, а конунг рассеянно потягивал вино.
- Потом лорд Фосиган сказал:
- Лизабет была у меня сегодня. Требовала твоей казни.
- Эд, только что сунувший мундштук трубки в зубы, застыл и посмотрел на него с изумлением.
- Я тоже удивился, – кивнул конунг. – Она всегда хорошо о тебе отзывалась. А теперь говорит, что ты убийца и изменник.
- Почему убийца? И почему изменник?! – возмутился Эд и, не дожидаясь ответа, тут же спросил: – А что со свадьбой-то теперь?
- Да ничего. Сперва думали отложить, но лекарь заверяет, что лорд Сальдо будет как огурчик уже через неделю, когда спадёт опухоль. Эд, я надеюсь, между тобой и моей дочерью ничего нет, – спокойно добавил конунг, словно это было естественным продолжением сказанного раньше.
- Эд вытащил трубку изо рта.
- Есть, мой лорд. Я на ней женат. И, между прочим, это была ваша идея.
- Ох, Эдо, Эдо, – вздохнул конунг. Он сидел откинувшись на спинку кресла, и на свету была только нижняя часть его лица – кончик носа и губы, почти терявшиеся в бороде. – Эдо...
- Что, мой конунг?
- Ты не боишься выйти отсюда прямо на плаху?
- Эд обдумал ответ, неспешно попыхивая трубкой. Сладковатый дым белёсой дымкой колыхался между двумя мужчинами, сидевшими по разные стороны стола.
- Нет, – сказал Эд наконец. – То есть, вполне вероятно, однажды именно это и случится. Но не сегодня. Просто рано или поздно я вам окончательно надоем, и тогда вас начнёт раздражать то, что раньше забавляло... словом, ваше терпение иссякнет, и вы казните меня. Но это будет, если ненароком я оскорблю *вас*, а не одного из ваших слуг.
- Повисло недолгое молчание.
- Всё верно, – сказал конунг. – Всё верно, Эдо. Но ты кое-чего не учёл. Мои слуги – это члены моего клана. А в случае с Сальдо Бристансоном – это и члены моей семьи. Сперва мой клан, потом боги, потом конунг, потом я – это святой закон для каждого, кто родился дворянином или стал им. И тот, кто оскорбит мой клан, трижды оскорбит меня. Подумай об этом как-нибудь на досуге.
- Вы бы хотели, чтобы я отверг вызов лэрда Сальдо? – спросил Эд.

Конунг нахмурился.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что, отвергнув вызов или поддавшись во время поединка, я бы оскорбил ваш клан. И трижды оскорбил бы вас. Мой лорд, скажите, что, по-вашему, я должен был сделать?

– Этого я не знаю, – спокойно сказал конунг. – И не это меня тревожит. Меня тревожит то, что я не знаю, что ты *хотел* сделать. И удалось ли тебе это.

Эд не ответил. Конунг продолжил, так же ровно и невозмутимо:

– Пойми меня верно, мальчик. Если ты поссорился с Сальдо Бристансоном, дрался с ним и едва не убил – я могу это понять, хоть и не одобрит. Но ты один знаешь, была ли это обычная ссора, был ли это обычный поединок и что двигало тобой – оскорблённая честь или расчёт. Сальдо, возможно, знает ответы на эти вопросы, но сейчас затруднительно получить их от него.

Он смолк, будто приглашая Эда объясниться. И любой на его месте принялся бы возмущённо и пылко заверять, что это была самая обычная ссора – тому два десятка свидетелей, бывших позавчера в «Серебряном роге», что это был самый обычный поединок – тому свидетели секунданты и жрецы Дирха, и что это была самая заурядная, хотя и трагическая случайность – тому свидетели боги. Закончив свою пламенную речь, любой на месте Эда умолк бы, тяжело дыша, а завтра утром был бы казнён.

Эд знал всё это, а потому сказал:

– Я их ненавижу, мой лорд. За то, что они меня презирают, и презирали бы, даже если бы вы отдали мне Лизабет, а не Магдалену. Даже если бы вы произвели меня в главнокомандующие – проклятье, тогда бы они презирали меня втрое сильнее!

– Нет. Тогда бы они тебя боялись. Ты и жив-то до сих пор только потому, что не проявляешь интереса к придворной карьере... ты ведь не проявляешь его, не правда ли, Эд?

– Это вы мне скажите, – фыркнул тот. – Я тут уже три года, и до сих пор не могу понять, зачем. Милорд, ответьте честно: вы сами меня разве не презираете? Только правду.

Конунг рассмеялся.

– И за что я только люблю тебя, не знаю.

– А я знаю, – откликнулся Эд. – Но вам не скажу, и не просите.

Лорд Фосиган засмеялся снова.

– Ладно, юный ты безбашенный поганец. Можешь идти. Магда знает, где ты?

– Нет. Я не был дома с утра.

– Извелась, должно быть, бедняжка. Ты не очень груб с ней?

– Совсем не груб. Она разве жаловалась?

– Нет, это меня и тревожит. Ладно, убирайся вон, пока я не одумался.

– Разве вы всё ещё меня подозреваете? – беспечно спросил Эд, зная, как опасен этот вопрос, и именно поэтому совершенно не в состоянии от него удержаться.

И ответ стоил риска.

– Нет, – помолчав, проговорил конунг. – Я ни в чём тебя не подозреваю. Ты действительно должен был убить Сальдо, и ему просто повезло выжить, хотя и остаться изуродованным... и, откровенно говоря, я боялся, что именно это и было твоей целью. Но, уж прости, ты недостаточно хорошо владеешь мечом для такого мастерского удара. Арбалетом – да, но не мечом.

– В других обстоятельствах, я бы смертельно обиделся, – заметил Эд.

– Если, обидев тебя, я спасу твою башку, то лучше уж быть обиженным, верно?

– Верно, – согласился Эд.

И конунг снова зашёлся смехом – коротким, искренним и бесконечно презрительным.

– Вот в такие-то минуты я действительно верю, что ты безродный смерд, – беззлобно сказал он и небрежно махнул рукой, показывая, что аудиенция окончена.

Эд как раз докурил трубку. Поднявшись с кресла, он поклонился конунгу и направился к двери, ступая легко и пружинисто.

– Эдо, – позвал лорд Фосиган, и Эд обернулся.

Они смотрели друг на друга. Эд понимал, что надо уходить. Просто уйти сейчас – поклониться и уйти, и, да, это было бы дерзостью, но которой же по счёту из тех, которые он себе позволял за эти три года? Счёт шёл на тысячи – и конунгу это нравилось, поэтому надо было уходить, просто уходить, сейчас...

Но он не ушёл. И конунг сказал, глядя на него из глубины своего кресла:

– Я действительно люблю тебя, мальчик. Люблю, как родного сына. Но ты не моя семья. Помни об этом... прошу тебя.

Эд поклонился. Сделал положенные этикетом три шага назад, потом медленно повернулся и вышел из комнаты, пропахшей вишнёвым табаком и смертью, прошедшей так близко, что кончики её прохладных пальцев задели его лицо.

В коридоре было пусто. Эд остановился и тяжело привалился плечом к стене – его не держали ноги. Отсчитал двадцать ударов бешено колотящегося сердца, потом заставил себя выпрямиться и, подобрав с подставки у двери свой меч, двинулся дальше. Камердинер мог появиться в любую минуту.

И так было всегда. Уже три года из раза в раз он входил в эту комнату и не знал, куда отправится из неё. Он не однажды видел, как конунг, улыбаясь, собственной рукой отрубал головы неугодным, которые не позволяли себе и десятой части того, что Эд. И ещё он знал, что у него есть фора. Но не имел ни малейшего представления, где её предел, и близок ли он. Поэтому Эд не любил эту комнату – но ни в одном месте на земле не испытывал такого восторга, как здесь, в такие дни, как этот, когда он в очередной раз играл с огнём и снова выходил из него необожженным. Это было лучше, чем соитие, чем трубка после соития, лучше, чем Лизабет... лучше, чем разубить самодовольное лицо Сальдо Бристансона.

«Всё-таки он не знал», – думал Эд, чувствуя головокружение от этой мысли. Получается, Магда действительно не доносит отцу о том, как проводит время её беспутный муж. Потому что, хотя Эд был осторожен и спускался в фехтовальный зал в основном ночами (кроме дня накануне дуэли – но это как раз было понятно и не могло вызвать подозрений), однажды она застала его за отработкой удара – невероятно сложного из-за ювелирной точности, которой требовал размах. Клинок должен войти под нижней челюстью, на глубине не более чем полдюйма, и выйти из правого виска, не задев ни мозга, ни черепной кости. Приём, совершенно бессмысленный в обычном бою – личное изобретение Эда, который действительно никогда не был виртуозным фехтовальщиком. Его только и хватило, что придумать удар, который можно использовать лишь один раз, пока он ещё может сойти за случайность.

Эд спустился на два этажа. Был поздний вечер, большинство дворян отдыхало в Нижнем городе, и никто не встретился Эду по дороге. У последнего лестничного пролёта он снова остановился и привалился к стене, прислонив пылающий висок к голому камню. И в этот миг на него навалился страх – весь страх, который он должен был испытывать в последние часы. У Эда Эфрина был договор со страхом: страх ждал, пока всё останется позади, и только тогда являлся, в единый миг изливая на него всю свою звериную мощь. Эду показалось, что его сейчас вырвет, он с силой зажал рот ладонью и стоял так с минуту, пока спазм не прошёл. Потом расправил плечи и с усилием поднял голову. Ничего. Так уже было. Так было три года назад, в тот день, когда он встретил конунга, и так было множество раз до того дня – гораздо чаще, чем могли бы вообразить те, кто его знал... Эд принял этот страх, пережил его и отбросил прочь – до следующего раза.

Потом он выпрямился, глубоко вздохнул и продолжил свой путь.

4

На третьей неделе летнего праздника Эоху Лизабет из клана Фосиган обвенчалась с Сальдо Бристансоном. Это знаменательное событие, объединившее два великих клана, отмечалось радостно и широко – бесчисленные септы Фосиганов и Бристансонов, а заодно торговцы, актёры и зеваки со всего Бертана съехались в Сотелсхейм, чтобы поприветствовать молодожёнов и выпить дармового эля. Людей было больше, чем мог вместить город, – тысячи, и всю неделю, пока шли празднования, все ворота оставались открыты день и ночь, и нескончаемый человеческий поток втекал и вытекал из него, бурля энергией и жизнью. Сотелсхейм пестрел жёлто-зелёным – ленты, стяги, зелёные побеги и жёлтые цветы украшали каждый дом, каждое копьё и каждую телегу, кони встряхивали гривами, увитыми жёлто-зелёными шнурами, и каждая горожанка, от зажиточной торговки до поденщицы, старалась щегольнуть жёлтым цветком в волосах или вышивкой на корсаже. В эти дни никому не возбранялось носить цвета Фосиганов – в эти дни Фосиганами были все. И осознание этого переполняло и душило счастьем каждого, кто никогда не был и не будет за стеной, отделявшей Верхний Сотелсхейм от Нижнего.

Как и все церемонии, в которых участвуют члены верховного клана, бракосочетание проводилось в главном святилище Гилас, что раскинулось ниже по склону с восточной стороны замка. К церемонии допускались лишь Фосиганы и Бристансоны со своими септами, но среди них было немало высокопоставленных бардов и сплетников, потому уже к закату дня песня о трогательном величии венчания облетела весь Сотелсхейм. Разумеется, придворные поэты Фосиганов были выше того, чтобы зарабатывать своими песнями выпивку в Нижнем городе, и картина передавалась из уст в уста с некоторыми искажениями, но суть была уловлена верно. Все знали, что невеста была прекрасна и загадочна в зелёном бархате, благо шифоновая вуаль деликатно скрывала её изрытое оспинами лицо и выражение на нём, когда к ней подвели её жениха. Идти сам он не мог – воспаление от раны, полученной в недавней дуэли, перекинулось на уцелевший глаз, и юный Бристансон почти ослеп, потому передвигаться мог только с посторонней помощью. Леди Лизабет, если верить придворным бардам, с бесконечной нежностью глядела на лицо своего жениха, до сих пор обвязанное бинтами так, что были видны только ноздри, заплывшая щёлка единственного глаза и разрубленные губы. И мелодичный голос её, говорили, даже не дрогнул, когда она клялась ему в вечной любви, послушании и верности, и рука её в шёлковой перчатке спокойно лежала в его руке, когда молодой и красивый Глен Иллентри произносил за жениха слова брачной клятвы. Тот не мог сделать этого, так как вместе с языком лишился и дара членораздельной речи, поэтому только кивал после каждой фразы Иллентри, подтверждая, что будет любить и беречь свою жену вечно и вечно заботиться о ней, хотя сейчас, глядя на него, трудно было понять, как этот калека способен позаботиться хоть о ком-то, включая самого себя.

Потом были пир и бал, на котором жених и невеста не танцевали, зато гости напивались, устраивали пьяные драки и шумно провозглашали здравицы молодым. Эд побыл немного в этом балагане для приличия, а потом удрал в Нижний город, оставив Магдалену представлять их семейство на торжестве. Он вышел из зала, не чувствуя ни смущения, ни стыда – только радость от свободы и предвкушение настоящего праздника. В Нижнем городе гуляли так, что отголоски музыки и криков долетали до замковой стены. Туда он и отправился ещё до того, как село солнце, но слухи и песни о свадьбе опередили его.

Эд поспешил, чтобы догнать их. В конце концов, он был первым среди тех, кто создал этот день.

Конунгова Площадь была до отказа забита людьми, но настоящее столпотворение собралось в её южном углу. Ближайшие проулки перегородили телегами, чтобы народ не слишком

напирал, но люди всё равно лезли на головы друг другу, силясь разглядеть небольшой пяточок свободного пространства, занятый повозкой скоморохов и помостом, на котором стоял высокий, как каланча, и огненно-рыжий чтец в клетчатом трико, громко и пафосно выкрикивавший текст. Само представление разворачивалось на площади перед помостом, в плотном кольце восторженно голосащих людей, и, судя по обилию зрителей, являло собой нечто выдающееся.

– Куда ж, говорит, ударить тебя мне гоже, не знаю и маюсь. По харе, по рылу, по роже? Выбор разнообразен!

Вовсю орудуя локтями, Эд кое-как пробрался в середину толпы. Со всех сторон торчали лохматые головы, остроконечные колпаки мужиков и квадратные шляпки женщин, и за всем этим пёстрым дурновкусием разглядеть что-либо было проблематично. Эд с силой опёрся руками на плечи двух стоящих перед ним мужчин и вытянулся, пытаясь заглянуть поверх чужих голов. И когда ему это наконец удалось, он замер, а потом расхохотался.

Перед помостом, резвые и прыткие, словно бойцовские петухи, скакали два карлика, рьяно изображая поединок. Один карлик был черноволос и одет в серое, другой – в слепяще-белом трико и с невероятного вида соломенным париком на голове. Жёлтые пряди торчали надо лбом во все стороны, а сзади были завязаны в лохматую косу. Уже за одно это комедианты могли оказаться в тюрьме – намёк на героя представления становился уж совсем прозрачным. Второй персонаж был не столь узнаваем, но, признав героя белого карлика, все сразу признали и героя чёрного. Уродцы воинственно насакивали друг на друга, особенно старался чёрный; гулкий стук палок, изображавших мечи, будто отбивал такт дрянным стишкам чтеца.

– Лучше всего, конечно, по заду тебе наподдать, только ведь зад не для того потребен, а чтобы его е...ть! – рассудительно изрёк чтец, и толпа громыхнула хохотом. Смех Эда слился с ним.

Уличные комедианты разыгрывали его вчерашнюю дуэль с Сальдо Бриансоном. Причём довольно близко к тексту. Ох уж этот Рико Кирдвиг и его длинный язык...

Белый карлик подскочил на месте, крутанулся волчком – казалось, сейчас он не устоит на ногах и рухнет наземь. Оба карлика остановились, удивлённо глядя друг на друга. А потом белый перехватил палку обеими руками и со всей дури врезал чёрному по голове. Тот рухнул, точно подкошенный, и толпа взвыла от восторга, разразившись овациями. Могучий и по-прежнему исполненный торжественного трагизма голос чтеца перекрыл шум:

– Пал рыцарь несчастный, демоном белым жестоко повержен! О милая дама моя, невеста, раны мои обвяжи, где же ты, где же?

Из-за помоста выскочило третье действующее лицо фарса – рыжая карлица с громадной дубинкой в руках. Переваливаясь с боку на бок, как утка, и пронзительно вереща, она заковыляла к месту сражения под приветственные выкрики зрителей. Оказавшись рядом с белым карликом, карлица замахнулась и опустила дубинку ему поперёк спины. Толпа охнула, и стон белого карлика потонул в этом звуке. Покачнувшись, карлик низко склонил голову и шатко побежал за помост. Толпа провожала его улюлюканьем. Карлица бросила дубинку и, уперев руки в бока, остановилась над неподвижным телом чёрного карлика. Покачивая головой, посмотрела ему в лицо, потом воздела коротенькие ручки к небу.

– Демон бесстыжий, не устану тебя проклинать! – пискляво выкрикнул чтец. – Как мне теперь с раскрасавцем таким ложиться в кровать?

– А ты свечку-то погаси, и ничего, сойдёт! – выкрикнули из толпы, и народ захохотал снова. Горе Лизабет Фосиган явно не вызывало в людях особенного сочувствия.

Подняв чёрного карлика с земли пинками и невнятно причитая, карлица вместе со своим злосчастным «женихом» покинула сцену. Чтец между тем продолжал вещать:

– Дева, утешься: возмездие быстро грядёт! Гнев божий этой же ночью демону белому на голову падёт!

Под эти речи на сцену выбежали два дюжих мужика, несущих широкоую, аляповато раскрашенную ширму, загородившую весь помост. За ширмой сразу раздались топот и возня. Чтец понизил голос и совсем другим тоном, глумливым и заговорщицким, в котором не осталось и следа прежнего пафоса, добавил:

– Ну, предположим, гнев этот будет не совсем божий. И не на голову падёт, а в другое место дорожку привычно найдёт...

Две половинки ширма резко разъехалась в разные стороны. За ней, согнувшись пополам, стоял белый карлик, изображавший Эда. Через мгновение показался чёрный карлик, только что игравший Бристансона, только на сей раз он нацепил фальшивую бороду из мочала, и на голове у него криво сидел медный обруч, в котором без труда узнавался конунгский венец. Под восторженные вопли толпы он подошёл к белому карлику сзади и, обхватив его за пояс, принялся совершать характерные телодвижения, и без всяких виршей понятные любому.

– Слава конунгу великому! Дирх ему силы дал, чтобы он белого демона ревностно показал!

Трудно описать словами неистовство, в которое впала толпа при этом зрелище. Люди хохотали, хватаясь за бока, и Эдвард Фосиган смеялся вместе с ними, свободно и безудержно, так, как не смеялся уже давно. В этот миг он всем сердцем любил этих тупоголовых скотов – за то, что они не перешёптывались у него за спиной, не отводили взгляд, когда он на них смотрел, и не тыкали в него пальцами, когда думали, что он не видит. Они прямо и открыто смеялись над ним и над тем, что считали правдой. Они были честны, и с ними было так легко. «Любопытно, – подумал Эд, утирая выступившие от смеха слёзы, – где встретит завтрашний рассвет эта чудесная труппа, если карликам и чтецу суждено дожить до рассвета. Конечно, конунг справедлив и милосерден, к тому же ни на одном из участников фарса не было цветов Фосиганов или Бристансонов, но всему есть свой предел. Всему есть предел, – думал Эд и смеялся, пока артисты раскланивались, принимая шквал аплодисментов и восторженных криков. – Да, предел есть, они это знают, и я знаю, но они, как и я, никогда не согласятся отступить, подойдя к пределу вплотную. Они согласны узнать, где этот предел, лишь на собственной шкуре, которую с них сдерут заживо в подземельях Сотелсхейма, но пока они не достигли этого предела или он не настиг их, они не захотят и не смогут остановиться. Они как я. Они в точности, как я, и это здорово, это так здорово».

– Что ж, развесёлый люд Сотелсхейма, ты внимал моей глотке лужёной – будь же теперь щедр и милостив к нашим молодожёнам! – провозгласил чтец. Карлица, изображавшая Лизабет, ухватила за рукав карлика-«Сальдо» и потащила его за собой. Вдвоём они обежали толпу по кругу; карлик спотыкался и мычал, хватаясь обеими руками за плечо своей «невесты», а та фыркала на него и трясла широким бубном перед лицами людей, с довольным хохотом бросавших им медь и иногда даже серебро. Когда парочка поравнялась с Эдом, он положил на бубен золотой. Карлица взвизгнула от восторга и склонилась перед Эдом в шутовском реверансе, на удивление изящном. Когда она присела, её рукав выскользнул из руки карлика, тот взвыл, нелепо взмахнул руками и повалился носом в пыль. Толпа стонала от восторга. Эд улыбнулся и, отвернувшись, стал выбираться из толпы.

Это оказалось не так-то просто – толпа у балагана карликов переходила в толчею у помоста с акробатами, а та – в давку возле ринга кулачных бойцов, где разгорячённые ставками и запахом крови люди топтали ноги соседей особенно настойчиво, добывая местечко поудобней. Справа кто-то протяжно взвыл, слева образовалась потасовка. Спереди кричали: «Держи вора!» Сзади: «Так его, так, наседай!» И жёлто-зелёные знамёна Фосиганов победно реяли над радостно буйствующей толпой.

В конце концов Эд сдался и позволил людскому течению нести его куда придётся. В итоге его отбросило к самому краю площади, почти даже и не помяв. Ощувив внезапную свободу от переставших сминать его со всех сторон тел и получив прощальный тычок под ребро, Эд облегчённо вздохнул и сделал самостоятельный шаг по мостовой. Ощущение было восхитительным. Эд оглядел себя, одёрнул помятый плащ и обнаружил, что кошелек с пояса пропал – только болтались обрезанные завязки. Что ж, можно сказать, легко отделался, хотя идея с уличным трактиром отпала. Это в квартале Тафи его знали и всегда были готовы обслужить в долг – а здесь, в стремительно пьянеющем и теряющем самоконтроль Нижнем городе на слово никто никому не поверит, и будет совершенно прав.

Эд огляделся, пытаясь понять, где очутился и как отсюда лучше пройти к храму Тафи. Он был на самом краю площади, возле дома с наглухо закрытыми дверьми, но настежь распахнутыми окнами во втором этаже; со ставни свисал плющ почти до самой земли, и из-за окна нёсся залиvistый женский смех. Народу и палаток тут было совсем немного – только одинокий торговец сластями, уже сворачивавший свой лоток, и переносной навес, под которым на тюках вокруг маленькой жаровни сидели трое женщин. Тёмная кожа и иссиня-чёрные волосы выдавали в них бродяжек-роолло, бездомное племя, которое в обычные дни гнали от городов палками, но в праздники даже для них нашлось местечко на Конунговой площади.

Эд ещё раз окинул взглядом участок, на котором стоял. Ага, вон там виднеется северная башня, значит, этот проулок выведет к рыночной площади, а там...

Ты стал рабом своей мечты, святой поправ обет.
И перед кланом должен ты теперь держать ответ.

Эд обернулся.

Одна из женщин роолло пела. Она пела и в тот миг, когда он мельком посмотрел на них и тут же забыл; в руках у неё была лютня, и она играла, кажется, сама для себя и для двух женщин, которые сидели рядом с ней. Людей возле их палатки не было, разве что случайные зеваки проходили мимо, не останавливаясь возле бродяжек, которых продолжали чураться даже в те дни, когда сам бог солнца спускался к людям и пил и веселился со всеми и с каждым из них, как с равным. Но людям и без того сегодня хватало развлечений, а может, песни роолло им уже успели надоесть. И теперь она пела просто для себя.

Эд подошёл к навесу. Его тень упала на поющую женщину.

– Спой сначала, – сказал Эд.

Женщина смолкла и подняла голову. Две другие роолло тоже смотрели на Эда, но он не повернул к ним головы. Та, что пела, была моложе остальных, у неё были продолговатые глаза, приподнятые к вискам, странно большие на сухоньком треугольном личике с серовато-коричневой кожей. Туго заплетённые волосы блестели в закатных лучах, и блестели глаза, и губы блестели, и неожиданно тусклыми на их фоне казались медные браслеты на её узких косявых запястьях.

– Сначала? – переспросила женщина; у неё был низкий бархатистый голос с едва заметным акцентом, куда менее сильным, чем у большинства людей её племени. – Эту песню?

– Да, эту.

– Хочешь услышать песню – плати, – сварливо сказала её товарка. Другая, помоложе, улыбалась Эду, искоса глядя на него из-под загнутых ресниц. Эд посмотрел на неё, и она призывно качнула полной грудью. Все эти женщины были бедно одеты, и от них несло застарелым потом.

Эд оторвал взгляд от глубокого круглого выреза в рубашке женщины и снова посмотрел на певицу.

– Мне нечем заплатить, – сказал он. – Только что в толпе срезали кошелек. А иначе бы всё выгреб до последнего гроша, слово чести.

– Нечем платить – так поди прочь, – махнула на него пожилая роолло, явно недовольная взглядами, которыми он обменялся со второй женщиной.

– Нет, тётя Лоло, я ему спою, – отозвалась певица. И улыбнулась, без призыва, без гордыни, без вызова. Так, как будто они знали друг друга давно, и у них была общая тайна.

Эд сел на землю, прямо на мостовую. Женщина пробежала пальцами по струнам и запела снова, негромко, очень чисто и очень спокойно.

«Мой сын, из дальних сизых гор к тебе вызывает мать.
Мольбу, объятья и укор стремлюсь тебе послать.
В родимом доме на холме ты не был много лет,
И перед матерью своей тебе держать ответ».

«В глухих горах мой старый дом, и ты уже стара.
На что теперь твоё нытьё? Скорей бы померла!»

«К тебе взываю я, мой сын, сквозь мглу прожитых лет.
Молю: гордыню усмирив, послушай мой совет.
В разврате, сын беспутный мой, великой славы нет.
И перед любящей женой тебе держать ответ».

«Что знаешь ты? В постелях дам, моя старуха-мать,
Я славу, равную богам, могу себе снискать!»

«Ты стал рабом своей мечты, святой поправ обет.
И перед кланом должен ты теперь держать ответ».

«Мой клан – собрание слабаков, где каждый
трус и лжец.
И мне отныне всё равно, что с ними быть, что без».

«Твой друг, поверженный тобой, лежит в сухой траве.
Перед богами, бедный мой, тебе держать ответ».

«А что мне боги? За глаза накажут и простят.
Не бойся, мать: мне Молог сам – и лучший друг,
и брат».

«Отвергнув бога и людей, презрев жену и мать,
Перед самим собой тебе теперь ответ держать».

И тут умолк беспутный сын, потупив дерзкий взор,
И для ответа слов найти не может до сих пор.

– Это не ваша песня, – сказал Эд, когда она смолкла.

– Не наша, – согласилась женщина. – Я услышала её далеко отсюда, в северных землях...

– Где именно?

– Не помню. Кажется, в Эвентри.

– Кто тебя ей научил?

Она негромко засмеялась.

– Ты совсем не знаешь нашего племени, сиятельный лорд. Никто не может научить рооллю песне. Рооллю слышит песню и забирает её себе. Мы всегда ворует то, что хотим получить, другого пути для нас нет. – Улыбка внезапно сошла с её лица. Она протянула руку и положила прохладную сухую ладонь Эду на запястье. – Но эту песню я не крада. Мне подарили её, и это не тот подарок, от которого можно отказаться.

– Оставь его, Сигита, – отчего-то заволновалась старшая женщина.

– Нет, тётя Лоло, не оставляю.

Эд посмотрел на неё с лёгкой улыбкой. Любопытно, который раз за день они разыгрывают этот спектакль? Тёмная рука Сигиты сжалась на его запястье.

– Идём со мной. Я должна тебе кое-что сказать, но не здесь.

– Я не верю в предсказания судьбы, – предупредил Эд. – И у меня правда нет денег.

Рооллю встала, потянув его за собой. Под ворчанье старшей женщины и жаркий взгляд той, что помоложе, Эд поднялся и покорно последовал за Сигитой. Они обошли навес и остановились с обратной его стороны, оставаясь среди людской толпы, но скрытые от взгляда двух других женщин.

– Спроси, что хочешь спросить, – сказала Сигита.

– Ничего не хочу, – покачал головой Эд. – Просто я удивился, услышав эту песню... от тебя.

– Спроси, – настойчиво повторила она. Её взгляд был странно напряжённым, не таинственным и не масленным, она глядела не как воровка и не как соблазнительница, и Эд на мгновение утратил уверенность. Он неожиданно понял, что действительно хочет кое-что у неё спросить.

– Когда ты слышала эту песню, – помедлив, наконец сказал он, – кто её пел?

Рооллю вздохнула, и прозвучало это так, будто вздох у неё вырвался против воли, но в нём явственно слышалось облегчение.

– Да. Именно так, – сказала она и, кивнув, добавила: – Женщина. Это была женщина. И волосы у неё были как день и ночь.

Она не могла не заметить потрясения, которое отразилось на его лице. И смотрела жадно, как будто для неё было жизненно важно понять, что он почувствовал, услышав ответ.

– Женщина? – переспросил Эд, будто не веря.

– Да. Она сказала, что ты удивишься. Ах, как хорошо, что ты наконец пришел. Теперь мы можем уезжать. Лионе и Лоло нравится этот город, а мне нет, я не могу здесь, мне душно, тут что-то... – она наконец отпустила запястье Эда и, подняв руку, слабо пошевелила пальцами в воздухе. – Что-то странное, тёмное, чувствуешь? Здесь зреет что-то, о чём мне не хочется даже знать.

– погоди, – Эд схватил рооллю за плечи, и её рука безвольно упала. – Что это была за женщина? Что она тебе сказала? Как... какая она?

Сигита слабо качнула головой, глядя на него с лёгкой виноватой улыбкой, будто заранее прося прощения за что-то, чего пока не успела сделать.

– Волосы как день и ночь – вот и всё, что я могу тебе сказать о ней. Она дала мне эту песню и сказала, что, когда я буду петь её в Сотелсхейме, ко мне подойдёт человек и попросит, чтобы я спела сначала. И что он спросит меня, кто научил меня этой песне, и что я должна ответить правду. За это она дала мне столько денег, что мы трое смогли доехать до Сотелсхейма и осталось ещё много больше.

– У неё были волосы двух цветов? Рыжие и чёрные? Да?

– Она велела мне передать тебе две вещи. Ты слушаешь меня?

– Да... да, – медленно выговорил Эд. Его руки судорожно стискивали плечи роолло, но ни он, ни она этого не замечали.

– Она сказала: то, что ты делаешь, делай быстрее, потому что снова родился Тот, Кто в Ответе за всё.

Эд отпустил её.

– Что?..

– Она велела напомнить: в каждое поколение. Они приходят в каждое поколение. Пришёл новый, это значит, что твоё время подходит к концу, – добавила роолло, и Эд кивнул, чувствуя, как её слова проникают в его мозг и кровь, как разъедают его, подобно медленному яду, – так, как разъедали всегда.

– А второе? – спросил он. – Ты сказала, есть ещё второе...

– Да. Ещё она велела сказать: теперь можно. И сделать вот это.

Она поднялась на цыпочки, и Эд только теперь заметил, насколько она ниже его – едва достаёт макушкой ему до плеча. И она так долго, так бесконечно долго тянулась к его губам, что он мог дюжину раз оттолкнуть её и дюжину раз схватить и прижать к себе, но он просто ждал, стоял неподвижно и ждал, что ему отдадут то, чего он когда-то так хотел.

«Теперь можно», – сказала Алекзайн голосом девушки-роолло и поцеловала его губами девушки-роолло, её полными тёмными губами, потрескавшимися от ветра и вечных дорог.

Эд не остался в городе на эту ночь. Он вышел из Сотелсхейма через западные ворота и пошёл вниз по холму, туда, где по всей долине среди полей раскинулись деревеньки и хутора, кормившие жителей города. Сейчас почти все крестьяне веселились в Сотелсхейме, и долина лежала под вечерним небом молчаливым тёмным полотном, изредка поблескивая огоньками пастушьих костров.

А город пылал. Солнце уже село, но Сотелсхейм сам стал на эту ночь солнцем, сияя тысячью разноцветных огней. Эд шёл по дороге вниз, не оборачиваясь, до тех пор, пока шум и пьяное веселье города не перестали гнаться за ним по пятам. Когда он достиг подножия холма, стало совсем тихо, только шуршала трава да скрипела где-то дворовая калитка на ветру. Немного в стороне от городской стены возвышался пригорок, отведённый под пастбище. Там сейчас было пусто; Эд взобрался туда, ступая по упругому ковру короткой травы, и только тогда посмотрел на город.

Очертания башен в фиолетовом небе – будто бесчисленные клыки древнего чудовища, в пасти которого нашли приют многие тысячи людей. Чудовище давно умерло или впало в вечный сон, и эти клыки не грозили тем, кто находился внутри, но служили грозным предупреждением каждому, кто решался помыслить о том, чтобы причинить им вред. Сотелсхейм, Город-На-Холме, называли также Градом Тысячи Башен, хотя на деле их было, конечно, гораздо меньше – порядка полусотни на внешней стене и вдвое меньше на внутренних. Но эти башни, длинные и острые, были неприступны – триста лет стояли они, и триста лет никто не мог взять их штурмом. Сотелсхейм был самым безопасным местом на земле. Сотелсхейм был вечен.

Эд нашёл взглядом шпили замка с тенями реющих знамён, различных даже в сумерках. Замка, где сейчас веселится знать, громогласно смеётся конунг, скрипит зубами Лизабет Фосиган и сидит, еле сдерживая стоны, её новообретённый муж. Стена, за которую так трудно пробраться тому, кто не родился за ней, и из-за которой потом невозможно выбраться.

Эд сел на землю, ещё хранившую дневное тепло, и провёл ладонью по колючему травяному ковру.

«Эвентри. Она сказала – в Эвентри. Неужели снова...»

Пальцы медленно сжались, сгребая горсть сухой земли.

«Так вы всё-таки живы, моя леди. Живы до сих пор».

Эд Эфрин шумно и глубоко вздохнул. Откинул голову и, закрыв глаза, подставил лицо набравшему силу вечернему ветру. Здесь, на свободе, ветер ощущался крепче, злее трепал волосы и не боялся обжечь лицо. Эд вспомнил обветренную кожу роолло и провёл языком по губам.

Делай быстрее, так она сказала. *То, что делаешь, делай быстрее*, Эд из города Эфрина. Но, проклятье, он *не мог*. Три года здесь и девять – в других местах, а он только начал. Он не мог торопиться, не мог быть ни настойчивым, ни безрассудным, не мог рисковать – тогда всё потеряло бы смысл.

– Ты же этого хотела от меня, – сказал Эд вслух. – Именно этого. Что ж теперь, смотри... как я это сделаю.

Он вскинул руку, швырнул зажатую в ней горсть земли, швырнул вперёд, и она с чуть слышным шорохом посыпалась вниз.

– Смотри и не мешай, – прошептал Эд и снова закрыл глаза.

Но он знал, что лжёт самому себе. Алекзайн не пыталась помешать ему. Она просто хотела его предупредить. Новый Тот, Кто Отвечает... в Эвентри. «Ты хочешь, чтобы я поехал туда и убил его, да, дорогая? Будь ты проклята... ты же знаешь, я не могу, не могу! У меня слишком многое не окончено здесь. Хотя и сделано тоже немало. То, венцом чего стал сегодняшней праздник, – это мой шедевр, Алекзайн, ты гордилась бы мной... Даже не убийством – одной лишь несмертельной раной вывести из игры целый клан. Лизабет Фосиган – послушная дочь, но она никогда не простит своему отцу этого брака, а Сальдо Бристансону – его уродства. Даже не убийством – одной лишь несмертельной раной я разом разорвал связь между конунгом и той, которая влияла на него больше всех, и пресёк обходную дорогу к конунговым милостям для десятков и сотен лизоблюдов. И первые среди них – Бристансоны, вырождающийся, но до сих пор опасный клан, единственной надеждой которого на будущее величие был этот брак. Теперь величие им не светит: бертанцы – гордый народ, и у них никогда не будет косого безъязыкого конунга со шрамом через всё лицо. Даже не убийством – одной лишь несмертельной раной я снял Бристансонов с доски, так же, как два года назад снял с доски Макатри, а потом Деббентри, а потом Лейков... Одного за другим, шаг за шагом – но мне нельзя торопиться, понимаешь, Алекзайн? Мне нельзя. И ты вообразить не можешь, как это трудно, ведь я и сам не знаю, сколько времени ещё у меня осталось... даже без этого твоего нового мальчика из Эвентри.

Мальчик из Эвентри?.. Почему я решил, что это мальчик?»

«Это всегда мальчики», – услышал он голос Алекзайн – бархатистый, насмешливый и бесконечно понимающий голос, такой, каким он был двенадцать лет назад.

Да, это всегда мальчики. И никогда – мужчины.

«Ты так давно меня не видела», – подумал Эд и открыл глаза.

Перед его взглядом не было Сотелсхейма – только тьма ночи, уползавшая в непроглядную даль. И эта тьма, вместе с этой далью, принадлежали ему, хотя ещё сами не знали об этом.

Часть 3

Дом над обрывом

1

Из его спальни было видно море. Оно разливалось немислимой серо-стальной гладью где-то ужасно далеко – и в то же время прямо под ногами. Дом стоял на краю утёса, дугой нависавшего над Скортиарским заливом, и если высунуться в окно по пояс, то казалось, что он парит прямо над водой, покачиваясь на волнах. Но волны были очень далеко внизу, так далеко, что сюда, наверх, почти не доносилось их шума. Только если затаить дыхание и сидеть в полной тишине, можно было услышать их далёкий приглушённый рёв, будто с другой стороны света.

Адриан никогда прежде не видел моря. Откуда, если самым дальним его путешествием была семейная поездка в соседний фъев, в гости к клану Дерри, к которому по рождению принадлежала мать? Там всё было в точности таким же, как в Эвентри, только река была не так широка. По правде, Адриан никогда особо не задумывался о дальних краях и дивных местах, они не манили его так, как большинство мальчишек в его годы. Анастас иногда, взобравшись на вершину самого высокого в округе дуба, надолго оставался там и смотрел вдаль напряжённым, отстранённым взглядом, и Адриан не трогал его в такие минуты, инстинктивно понимая, что брат сейчас где-то далеко. Так далеко, как сам Анастас, видимо, никогда не окажется. Адриан был теперь там, куда тянуло Анастаса, вместо него.

Позади что-то тяжело грохнуло. Адриан подскочил и порывисто обернулся, едва не свалившись с подоконника. За последние месяцы он приучился чутко реагировать на любой подозрительный звук. Но это была всего лишь служанка, остановившаяся у самого порога с бадьёй воды. Она тащила бадью по лестнице и совсем немного не донесла – едва шагнув за порог, выпустила, расплескав по полу большую часть воды.

Адриан бросил прощальный взгляд на чарующий пейзаж за окном и неохотно повернулся к девушке. Та посмотрела на него с глухой злобой, и Адриан почувствовал себя более чем неуютно. На мгновение он заколебался и даже спустил одну ногу с подоконника, не зная, как поступить. Девушка выглядела его сверстницей, ей наверняка было нелегко таскать по дому тяжести. В замке Эвентри такую работу выполняли мужчины или самые большие и крепкие из батрачек, но... С другой стороны, она ведь только служанка.

– Тебе помочь?

Девчонка выпрямилась, быстрым движением смахнула со лба пот и упёрла руки в бока.

– Если собираешься, зачем спрашивать? – бросила она с вызовом, и Адриан почувствовал, что заливается краской.

– Если тебе нужна помощь, могла бы и попросить, – огрызнулся он, спуская на пол вторую ногу.

– Ты совсем дурак? Твои батрачки часто просили тебя помочь им по хозяйству?

– Ты не моя батрачка, – возразил Адриан, всё больше злясь и уже жалея, что вообще завёл с ней разговор.

– То-то и оно, – многозначительно заметила девчонка и сложила руки на груди, явно дожидаясь от него более активных действий. Подавив вздох, Адриан спрыгнул наконец с подоконника и подошёл к ней. Ещё месяц назад он, вероятно, не сделал бы ничего подобного и, ещё более вероятно, со стоном бы надорвался от такой тяжести. Но сейчас многое было не так, как месяц назад, и дни заточения в горах не прошли для Адриана даром. Подхватив бадью – она оказалась вовсе не так уж и тяжела, – Адриан оттащил её в дальний от окна угол, где нахо-

дился водосток и стояла небольшая мраморная ванна. Дом был удобен и красив, но не очень-то велик, поэтому купальню и спальню приходилось совмещать. Впрочем, это были первые личные покои в жизни Адриана, и ему не приходилось жаловаться.

Опрокинув бадью над ванной, а затем с грохотом опустив её на пол, Адриан перевёл дух и обернулся к девушке, мимолётно удивившись, как это она, такая маленькая и хрупкая, волокла такую тяжесть по лестнице вверх. Девчонка неверно истолковала его взгляд и задрала нос ещё выше. Она совсем не походила на прислугу из богатого дома.

– Ты половину разлила, – неприязненно сказал Адриан. – Принеси ещё.

Она фыркнула.

– Чего ты фыркаешь?

– А? – лениво отозвалась та, будто недослышав.

– Чего фыркаешь, спрашиваю? – непроизвольно сжав кулаки, повысил голос Адриан. Он не привык, чтобы слуги так себя вели, и запоздало понял, что изначально пресёк любой трепет и уважение, который могла питать эта смердка к его персоне. Что ж, его глупость, ему теперь и отвечать...

– Так, – невнятно отозвалась служанка и добавила: – Воды сейчас нет. Надо к ручью идти. А у меня на кухне дел полно.

Адриан перевёл дух. Нет, так дело не пойдёт. Он попытался вспомнить, как вёл разговоры со слугами его отец.

– Как тебя зовут?

Её взгляд стал настороженным. Руки соскользнули с боков и нырнули в складки юбки, будто она испугалась или прятала что-то.

– Вилма.

– Милорд, – жёстко добавил Адриан.

– Чего?..

– Вилма, милорд – так ты должна была ответить.

– Это ещё почему?

Адриан сглотнул. Девчонка смотрела на него хитро и подозрительно. Он внезапно понял, что так беспокоит его в её взгляде.

У этой девушки глаза были разного цвета – один карий, другой ярко-зелёный. Знак, по которому в народе безошибочно узнают людей, отмеченных Мологом.

Адриан с трудом удержал охранный жест. Вилма словно почувствовала это и скривилась.

– Ты кто такая вообще? – резко выпалил он. Служанка моргнула, кажется, слегка растерявшись. Адриан почувствовал мимолётное удовольствие от этой маленькой победы.

– Я?.. Вилма, я же сказала.

– Ты служанка в этом доме, так?

– Ну.

– Не «ну», а «да, милорд». Ты служанка в этом доме, а я гость, к тому же я дворянин, а ты...

– Тебе кто-нибудь говорил, до чего ты гадкий? – с отвращением бросила Вилма, и пока Адриан, раскрыв рот, хлопал глазами, не в силах поверить в такую дерзость, взмахнула мокрыми юбками и ушла, громко хлопнув дверью.

В замке Эвентри эта нахалка огребла бы десяток розог за такое поведение. Но Адриан сейчас был далеко от замка Эвентри. У него дух захватывало, когда он думал, как далеко.

И, кроме того, он действительно был в этом доме всего лишь гостем, а не хозяином.

Глупая перепалка с нерадивой служанкой до того расстроила его, что ему расхотелось любоваться видом из окна. Адриан попробовал воду – тёплая, хотя и маловато её. Он разделся и залез в ванну. Он мылся вчера перед сном, когда они только приехали в это место, но до сих

пор не чувствовал себя чистым. Грязь и усталость последних недель въелись в него слишком сильно, чтобы от них можно было избавиться так легко.

Воды всё-таки было мало, она быстро остыла. Адриан замёрз и выбрался из ванны, клая зубами, – и только тогда заметил, что чёртова девчонка не принесла ему полотенца. Чертыхнувшись, Адриан кое-как обтёрся простынёй (она была из чистого льна и чудесно пахла) и потянулся к брошенной на кровать одежде.

Дверь снова хлопнула, и Адриан застыл, медленно заливаясь пунцовой краской. Вилма стояла на пороге, прижимая к груди ворох полотенец. Её взгляд быстро и безошибочно нашёл место, которое Адриану меньше всего хотелось ей показывать.

Целую секунду он не мог пошевелиться, а потом поспешно схватил штаны и прикрылся ими.

– Стучать тебя не учили?! – рявкнул он, пытаясь скрыть за показной яростью жгучий стыд.

Вопреки его страхам и ожиданиям, Вилма не захихикала, как на её месте непременно поступила бы Бетани. Только отвела глаза и, шагнув в сторону, положила полотенца на кровать.

– Я тут вчера перетряхивала твоё тряпье...

– Какое тряпье?

– Рвань, в которой ты сюда приехал, – безжалостно пояснила она, и тогда Адриан наконец понял – или ему, по крайней мере, так показалось – причину её пренебрежения. Конечно... он явился вчера в одной карете с её хозяйкой, грязный и измученный, взлохмаченный, одетый чёрт знает как, а теперь заливает ей про своё благородное происхождение... Немудрено, что она ему попросту не поверила. Эта мысль его немного успокоила. Он выдавил виноватую улыбку.

– А, да, это...

– Миледи велела сжечь, – холодно продолжала Вилма. – Но я решила сперва перетряхнуть для верности. Вдруг там было что-то нужное. И вот, – она подала ему свиток, – нашла это.

Адриан машинально потянулся рукой – и только через миг сообразил, что именно в ней держал штаны. Взгляд Вилмы, к счастью, по-прежнему был направлен ему в лицо, и Адриан, поспешно перехватив штаны другой рукой, выхватил свиток из девичьей ладони.

Проклятье, как же он мог забыть?!

– Ты читала?

– Нет, конечно, я же не умею читать, – презрительно ответила Вилма. – Ты помылся? Бадью забирать?

– Потом! – огрызнулся Адриан. Она пожала плечами и ушла. Адриан бросил свиток на подоконник, поспешно натянул штаны и запер дверь. Надо было сразу это сделать...

Его взгляд упал на письмо, перевязанное лентой его родовых цветов. На постоялом дворе за много лиг отсюда он рисковал жизнью ради этого письма, а теперь так глупо о нём забыл. И гореть бы свитку в печи вместе со всяким хламом, если бы не предусмотрительность Вилмы. Надо было ей хоть монетку дать, что ли... хотя, впрочем, у Адриана всё равно не было ни гроша. Уж скорее это ему предстояло кланяться милостыню на паперти – в отличие от Вилмы, он ничем не зарабатывал себе на хлеб. Пока он здесь гость, а дальше что? Он постарался выкинуть эти мысли из головы.

Сейчас его должно было занимать письмо, написанное кем-то из уцелевших членов его семьи.

Адриан взял свиток с подоконника, сел на постель и сломал печать.

«Лорду Эдгару Ролентри, лично в руки.

Милостивый государь мой, лорд Эдгар, здравия вам на долгие годы и многие века процветания Вашему клану!

Обращаюсь к Вам я, лорд Анастас из клана Эвентри, в минуту горя и жестокой нужды, кои единые могли позволить мне нарушить ваш покой. Пишу к вам на правах главы клана Эвентри, ибо отец мой, лорд Ричард, и брат мой, Ричард-младший, его наследник и лэрд клана, подло убиты кланом Индабиран десять ночей назад. Моя мать, леди Мелинда, мои сёстры и младший из братьев предательски захвачены и силой удерживаются Индабиранами с целями, кои пока что мне неизвестны. Брат мой Адриан бесследно исчез, хотя я отказываюсь верить, что он также погиб. Сам я спасся благодаря случайности, которую проклинаю за то, что она не позволила мне разделить участь моей семьи, но и благословляю за то, что благодаря ей я сейчас могу обратиться к вашей помощи. Земли моего клана захвачены Индабираном, и вчера ночью сто воинов клана Вайленте перешли границу между Сафларе и Эвентри, чтобы присоединиться к их гарнизону; по некоторым сведениям, воины клана Тортозо также в пути. Я нахожусь в безопасном месте с несколькими десятками верных людей, и мне нужно по меньшей мере три сотни воинов, чтобы изгнать захватчиков из своей земли. Север, юг и запад фьева Эвентри блокированы заставами, поэтому я надеюсь воспользоваться единственным доступным пока восточным направлением и послать к вам гонца. Вы нужны клану Эвентри, лорд Эдгар, и нужны сейчас. Зная о вашем нейтралитете в противостоянии Фосиганов и Одвеллов, тем не менее уповаю на вашу давнюю дружбу с моим почившим ныне в обители Гилас отцом и на добрую вашу волю, которая, я верю, не позволит вам остаться безучастным, наблюдая подобные бесчинства и разбой. Я буду просить также помощи конунга, но, боюсь, он не успеет вовремя, а я не могу мешкать во имя своих родных. Что бы вы ни решили, передайте ответ через гонца, который прибудет к вам с этим письмом – ему можно доверять. Прошу вас не медлить с ответом ни часа, ибо я должен знать, уповать ли мне ещё на людскую помощь или довериться лишь богам и самому себе. С почтением к вам и клану Ролентри, лорд Анастас Эвентри».

Адриан перечитал письмо дважды, потом медленно свернул свиток. Вспышка радости – так Анастас действительно жив, жив и на свободе! – мгновенно угасла. Мысли снова спутались. Адриан не всё понял (почему, например, была свободна восточная застава и почему Анастас прячется, не выступая против захватчиков открыто?), но очевидно было одно: Анастас нуждался в помощи, и судя по тону письма, в котором сквозь сдержанную гордость сквозило отчаяние, Ролентри были единственной его надеждой...

И если так, то надеждой тщетной. Потому что гонец не доставит это письмо, ни сейчас, ни через год. Из-за Адриана.

Всё из-за него.

Адриан обнаружил, что судорожно стискивает свиток в кулаке. С трудом разжал пальцы, расправил и снова стал перечитывать. Гонец, которому можно доверять... ха! Знал бы Анастас, что это за... что это... Адриан почувствовал дрожь в коленях от одного только воспоминания о руке, упёршейся в стену над его плечом, о масляном взгляде, поблескивавшем в полутьме, – и тут же отогнал это воспоминание.

Но что-то ещё тревожило его в этом письме. Что-то важное и очевидное, но почему-то ускользавшее. Лишь перечитывая письмо в четвёртый раз, Адриан наконец понял, что именно.

Это письмо было написано не рукой Анастаса.

Адриан его почерк хорошо знал. Писал Анастас скверно, еле справляясь с начертанием собственного родового имени. И ошибок в таком длинном послании понаделал бы уйму. Хотя слог был его, да, в этом письме действительно был характер Анастаса, сам Анастас...

Или кто-то, ловко подделывавшийся под Анастаса?

Адриан сглотнул. Он покрутил бумагу в руках, пытаясь обнаружить какие-нибудь следы подделки, но, что уж и говорить, сам он был немногим грамотнее своего старшего брата и ничего не смыслил как в эпистолярном жанре, так и в способах подделки посланий. Цвета верные... Это печать Эвентри, но печать можно украсть, а подделать цвета и того проще. А что, если это письмо – ловушка... для кого, для лорда Ролентри? Для Анастаса? Или – вдруг что-то кольнуло в груди – для Адриана?..

Гилас, если бы только знать! Если б знать, что он наделал, украв это письмо, – спас своего брата или окончательно погубил его...

Дверь дёрнулась, стукнув запертой щеколдой. Адриан обернулся.

– Адриан? Ты там?

Он подумал, что не называл Вилме своего имени. Хотя чего уж там – наверняка узнала от своей госпожи...

– Я же велел тебе стучать! – зло крикнул он. И тут же подумал: нет, не надо срывать на ней злость. Всё-таки она сберегла для меня это письмо... хотя лучше б уж не сберегла! Лучше было бы мне ничего не знать!

Он распахнул дверь, чувствуя, что вот-вот разразится бесполезным злобным криком, кляня себя за это и всё равно не в силах сдержаться. Вилма стояла на пороге, глядя на него снизу вверх. Он только теперь заметил, что она ниже его на две головы. И снова ощутил стыд.

– Чего тебе? – проворчал Адриан.

– Леди зовёт тебя. Если ты готов.

В её голосе прозвучал неприкрытый сарказм. Адриан буркнул что-то вроде благодарности и захлопнул дверь.

Его взгляд упал на свиток, сиротливо валявшийся на кровати. Помедлив, Адриан взял его и сунул за пазуху. Потом открыл дверь. Вилма всё ещё стояла на пороге.

Адриан медленно перевёл дыхание и сказал:

– Идём.

И она повела его к своей госпоже.

В доме над обрывом было всего два этажа, по три небольшие комнаты на каждом. Внизу располагалась ещё кухня и каморка для прислуги, а покои, служившие гостиным залом, оказались совсем невелики и непритязательны. Там было совсем мало мебели, далеко не самой лучшей работы, и выцветшие гобелены на стенах, и светильники на топлёном сале, чадающие в медных подсвечниках. Единственным ярким пятном в комнате выделялись цветы на столе – белые лилии в низкой вазе, с огромными тяжёлыми чашечками, свисавшими к самой столешнице. Их сильный, приторный запах заполнял всю комнату и смешивался со слабым солёным запахом моря, доносившимся сюда с берега.

Самое обычное, не очень-то привлекательное место, немногим лучше среднего постоялого двора. Но и лучшее место на земле.

Потому что именно здесь, именно в этом месте она сидела у окна, выходящего на долину, примостив локоть на подоконник рядом с раскрытой книгой, и лёгкий бриз, проникавший сквозь распахнутые ставни, шевелил волосы над её лбом, смешивая чёрные пряди с рыжими.

– Миледи... я... – начал Адриан и, поняв, что охрип, смолк.

Она слегка повернулась к нему, поглядела искоса, улыбнувшись. Он никак не мог понять, что видит в её улыбке – ласку или насмешку, одобрение или упрёк.

– Иди, Вилма, – негромко проговорила леди Алекзайн, и дверь за спиной Адриана коротко и сухо хлопнула, так, что он едва не вздрогнул. Нет, ну что всё-таки позволяет себе эта девчонка!..

Алекзайн, как обычно, с лёгкостью прочла мысли по выражению его лица и серебристо рассмеялась.

– Не сердись на неё. Я знаю, она не похожа на твоих слуг... и ты прав, считая её плохой служанкой.

– Почему вы тогда её не прогоните? – с трудом сдерживая возмущение, спросил Адриан. Он всё ещё стоял на пороге, а леди Алекзайн сидела у окна, положив руку на книгу и придерживая шевелимые ветерком страницы.

– А что, в твоём доме всегда прогоняли нерадивых слуг? – странно улыбнувшись, спросила она.

– Ну... – он растерялся, как это часто с ним в последнее время случалось. – Я не знаю толком... Матушка говорила, что нет большей беды, чем пьющий муж и ленивый лакей.

– Могу спорить, теперь твоя матушка считает иначе, – сказала леди Алекзайн всё тем же странным тоном, как будто про себя, и встала прежде, чем Адриан успел придумать ответ.

Он смог впервые рассмотреть её только утром, уже после того, как позорно разрыдался перед ней, а потом так же позорно уснул у неё на коленях и лишь при свете дня поднял опухшее помятое лицо и сонными ещё глазами взглянул на неё. И если б ему дали волю, он бы до сих пор продолжал на неё смотреть, каждую минуту, каждый миг. Он не знал, сколько ей лет, но думал, что она не старше Анастаса, и в то же время было во взгляде её необычайно тёмных фиолетовых глаз что-то, чего не было в глазах его старшего брата: мудрость, терпение, понимание, которые Анастас не всегда мог проявить, даже если и хотел. Она была не очень высокой, примерно одного роста с Адрианом, и необычайно хрупкой: казалось, её талию – и вчера, в дорожном платье, и теперь, в домашнем, выгодно подчёркнутую фасоном, – можно с лёгкостью обхватить, сведя пальцы рук. Но самым странным были её волосы – не очень длинные, то небрежно уложенные на затылке, то просто присобранные у висков и распущенные по плечам. Они были двухцветными – так же, как глаза Вилмы. Одна половина чёрная как смоль, другая кирпично-рыжая – ровно по пробору, будто так они и росли. Ресницы и брови при этом были совершенно чёрными, и от этого глаза казались ещё темнее и глубже. Мелкие черты лица – небольшой нос, маленький бескровный рот – почти терялись на их фоне. И ещё у неё были тёмные круги под нижними веками, будто она всё время недосыпала.

Эта женщина была самым странным и самым прекрасным существом из тех, кого когда-либо видел Адриан. И никому в своей жизни, даже Анастасу, он не доверялся так легко и охотно, как ей.

В конце концов, однажды она уже спасла ему жизнь.

Леди Алекзайн подошла к камину и села в небольшое кресло подле него. Стояло начало осени, непривычно сухое и тёплое в этом году, и камин пока не топили, поэтому казалось, что она скорее прячется от дневного солнца, чем ищет тепла. Кресло было маленьким, с короткой спинкой, едва доходившей сидящему до лопаток, но она смотрелась в нём величественно и грациозно, будто супруга конунга на троне в Сотелсхейме. Снова полуобернувшись через плечо – у неё была такая привычка, Адриан уже успел это заметить, – она лёгким жестом поманила его к себе. Второго кресла у камина не было, и Адриан, помедлив, просто встал с ней рядом. Поколебавшись ещё мгновение, опёрся плечом о каминную полку, но тут же почувствовал себя неудобно и выпрямился, не зная, куда девать руки. Солнце ушло за угол дома, и в этой части комнаты стоял мягкий полумрак, в котором глаза Алекзайн казались совершенно чёрными и нереально большими из-за тёмных кругов под ними. Но смотреть в них было не страшно – напротив, хотелось, чтобы ничего не осталось в мире, кроме этих глаз.

– Ты видел её глаза? – спросила леди Алекзайн, и Адриан сглотнул. Да неужто она и впрямь может...

Но тут он понял, что она говорит о Вилме, и немного успокоился. Его бил лёгкий озноб – это не было неприятно, и почти не тревожно, но только он чувствовал, что сейчас случится что-

то важное, и всё равно старался не думать об этом – ему было довольно того, что он находился здесь, рядом с ней.

– Видел, – запоздало дал он ответ, которого она терпеливо ждала.

– И что ты думаешь?

Её как будто в самом деле это интересовало. Адриан задумался на миг, пытаясь угадать ответ, который ей понравится. В конце концов, если бы она сама признавала суеверия, то не стала бы держать девчонку у себя...

– Люди говорят, что это дурной знак, – осторожно сказал Адриан наконец.

– Я знаю, что говорят люди, Адриан. Я спросила, что думаешь ты сам.

Когда она назвала его имя, голова у него пошла кругом. Он вспомнил, как она звала его во тьме, когда он мчался, спотыкаясь и скользя в грязи, почти не надеясь спастись от погони, и слышал этот голос, и своё имя, потянувшееся к нему бледно сиявшей во мраке ладонью...

– Адриан?

Он тряхнул головой и виновато пробормотал:

– Ну, я не знаю, миледи... Я таких никогда не видел прежде. Это как-то... странно, что ли. Жутковато, кто ж спорит. Но я не думаю...

– Что она опасна? – закончила Алекзайн, и он с благодарностью кивнул, радуясь, что она ответила за него. – Нет, она не опасна. Это глупые выдумки глупых людей. Из-за этих выдумок Вилма с рождения была изгоем, и всегда им останется. Она из деревни в долине, помнишь, мы проезжали её вчера утром?

Адриан кивнул, хотя припоминал крайне смутно – окончательно он проснулся уже когда карета въехала во двор дома и хмурый кучер, исполнявший, как потом выяснилось, также обязанности конюха, повара и сторожа, угрюмо предложил господам выходить.

– В той деревне у неё никого нет, – продолжала Алекзайн. – Только дряхлая бабка, которая знать её желает лишь постольку, поскольку Вилма своим трудом кормит и её, и себя. До того, как я взяла её к себе, она была помощницей золотаря. Другой работы для девочки с разными глазами здесь не нашлось. Хотя и в любом другом месте её ждала бы та же участь... Что поделывать, людям нравится видеть знаки там, где их нет. Ибо истинные знаки и их значения слишком страшны.

Адриан слушал её как заворожённый. Было что-то очень странное в том, как она говорила, ещё более странное, чем её волосы, глаза и имя. Она как будто читала по памяти книгу, которую когда-то сама же написала и выучила наизусть, и теперь лишь оттачивала интонации, доводя речь до абсолютного совершенства. Адриан с трудом понимал смысл её слов, знал только, что она права. Она говорила так, как будто верила, что права, – значит, так и есть.

Внезапно леди Алекзайн взяла его за руку. Кожа у неё была мягкая, как бархат, но прохладная, словно она только что вымыла руки в ледяной воде. Адриан неуклюже дёрнул пальцами, не понимая, что это – рукопожатие или что-то другое, и не зная, как себя вести. Она слабо потянула его к себе, и он шагнул ближе.

– Адриан, – сказал Алекзайн, пристально глядя ему в лицо, – ты знаешь, что ты особенный?

У него пересохло во рту. Перед глазами всплыло лицо Тома – бесстрастное, блестящее от пота, с ярко и болезненно сверкающими глазами. Он отогнал это воспоминание с таким же страхом, с каким отгонял воспоминания об Элжероне.

– Я... – Адриан сглотнул. Она ждала ответа. Он попытался ответить: – Он говорил мне что-то... о том, что я могу менять... что от меня зависит...

– Он? – переспросила Алекзайн. – Том?

– Вы его знаете?!

Она, кажется, хотела рассмеяться, но как будто в последний миг передумала.

– Конечно, знаю. Как бы иначе я тебя нашла?

– Нашли меня? – растерянно переспросил он.

В её лице мелькнула жалость, больно его ранившая. Он так не хотел выглядеть глупым и нелепым перед ней!

– Конечно, Адриан. Или ты подумал, я случайно ехала мимо того постоянного двора? Я искала тебя последние несколько недель. Вернее, искала Тома – я чувствую его, хотя и всё хуже со временем... и, к счастью, я знала, что ты с ним. Благодарение Гилас, что ты оставался с ним.

– С ним... постойте. Я ничего не понимаю, – почти жалобно сказал Адриан.

Алекзайн сжала его руку чуть крепче, потянула было, будто хотела привлечь к себе и обнять, но не стала этого делать, и он сам не знал, рад этому или нет.

– Конечно. Он ведь ничего не стал тебе объяснять, верно? Просто увёз из дому силой и сказал, что теперь ты будешь подчиняться ему и делать всё, как он велит. Так было?

– Так... почти, – пробормотал Адриан. – Он говорил, что хочет чему-то научить меня... ну, что мне делать... с собой.

– Как ты думаешь, имеет ли он на это право? – очень спокойно спросила она, и Адриан воззрился на неё с недоумением. Именно эти слова он выкрикнул Тому в лицо во время их последнего разговора, но сейчас, сказанные Алекзайн, они прозвучали совсем иначе.

– Вообще-то нет, – неуверенно проговорил Адриан, – но...

– Что ты знаешь о чёрной оспе?

Этот вопрос был, пожалуй, самым неожиданными из всех, которые он слышал сегодня.

– Она убивает, – только и смог сказать Адриан.

Алекзайн кивнула.

– Да. Именно так, она убивает. Тридцать лет назад она убила каждого четвёртого. И каждого третьего из уцелевших ещё через пятнадцать лет. В следующий раз она убьёт каждого второго... а потом, должно быть, всех.

– Но ведь те, кто уже болел ею, не заболевают снова, – припомнив занятия со жрецом Гвидре, блеснул знаниями Адриан.

– Да. Те, кто пережили первый мор, пережили второй, переживут они и третий. И мир тогда будет состоять лишь из рябых стариков, похоронивших своих детей и внуков, и править ими будут рябые старики.

И снова было в её словах и голосе что-то столь спокойное, уверенное и столь ужасное, что Адриан безоговорочно поверил ей. Он мало что знал про чёрную оспу – в основном из уроков всё с тем же жрецом. Ему было всего четыре года, когда эпидемия пронеслась над Бертаном во второй раз – старшая сестра Ариана, Мелисса, которую он совсем не помнил, и новонарожденный братишка умерли той весной. Никто из остальных даже не заболел, но зараза унесла многих слуг и почти половину отцовских воинов. Той весной умерли многие, воистину каждый третий, и это стало решающим фактором в войне, которую Фосиганы и Одвеллы всё ещё вели тогда за трон. До мора их силы были почти равны, но время и оспа сказали своё слово – в пользу Фосиганов, которые переболели заразой все, но ни один не умер. Народ счёл это добрым знаком – впервые в Бертане появился конунг, перед которым склоняла выю даже смерть.

Адриан подумал, не конунга ли с его кланом имела в виду Алекзайн, говоря о рябых стариках. Отчего-то он остерегся спросить, боясь, что этот вопрос покажется неучтивым или просто глупым. Алекзайн всё ещё держала его за руку, и так не хотелось, чтобы она её выпускала.

Потом он понял, что настораживало в её словах. Она говорила о будущей эпидемии так, будто это было решённым делом. А ведь никто – жрец Гвидре не раз повторял это Адриану – никто, кроме богов, не знает, когда и откуда приходит мор.

– Адриан, я должна задать тебе один вопрос. Скажу правду – я искала тебя и нашла только для того, чтобы его задать.

Он напряжённо молчал, внезапно испугавшись того, что она ещё не успела сказать. Перед мысленным взглядом снова мелькнуло лицо Тома, но теперь это воспоминание не вызвало страха, только...

Он не успел довести мысль до конца. Сжимая его руку в своей холодной ладони и пристально глядя ему в лицо громадными бездонными глазами, женщина по имени Алекзайн спросила:

– Если бы ты знал, что можешь остановить грядущую чёрную оспу, ты бы сделал это, не постояв за ценой?

Адриан моргнул. Потом облизнул губы. Потом сказал:

– Ну... да... конечно, только...

– О, Адриан! – вскрикнула Алекзайн и, вскочив, заключила его в объятия.

Адриан застыл, задыхаясь от запаха её волос – или от запаха лилий, внезапно сделавшегося почти непереносимым, – и молясь милостивому Гвидре, только бы тот дал ему силы удержаться на ногах. Она была здесь, её тело, такое маленькое, хрупкое и такое волнующее, прижималось к его телу, её ладонь лежала на его шее. Адриан почувствовал, как наливается кровью его естество – и смертельно испугался. От мысли, что она каким-то образом это заметит, его охватила паника. Но тут, к счастью, Алекзайн отстранилась и, схватив Адриана за плечи, пристально всмотрелась в его лицо, а потом поцеловала в лоб.

– Я знала, – прошептала она. – Знала, что ошиблась в тебе. Мне случалось ошибаться, но не на этот раз. Слава Матери-Гилас, что я нашла тебя, Адриан Эвентри. Теперь ты сделаешь это. Ты должен пообещать мне, что сделаешь.

– Да, но... как? – тупо спросил Адриан, всё ещё весьма смутно понимая, что происходит. Эта невообразимая женщина каким-то образом нашла его... *почуяла* его через Тома, подобрала на дороге, привезла в свой дом на краю света и теперь просит, чтобы он спас мир от чёрной оспы?

«А что в этом такого, – неожиданно сказал в нём какой-то незнакомый голос, спокойный, уверенный и, кажется, очень взрослый, – Адриан никогда прежде его не слышал и замер, прислушиваясь. Что такого, в самом деле? Ведь Том, судя по всему, не соврал. Он, Адриан, – тот, кто может изменить мир. И разве Том говорил, что есть какие-то пределы этому? Может, он сумеет исцелять людей одним своим прикосновением, нет, даже одной только мыслью – почему нет? Он ведь никогда не пробовал. Ему достаточно захотеть, и решить, и... что там Том ещё говорил?

– Как мне сделать это? – спросил Адриан, с непередаваемым удовольствием ощутив, что это говорит его новый, взрослый голос, звучащий вслух так же спокойно и уверенно, как и в мыслях.

Алекзайн тихонько вздохнула, и он услышал в этом вздохе такую пропасть облегчения и радости, что ему захотелось немедленно броситься перед ней на колени, поцеловать подол её платья и поклясться вечно служить ей. И не имело никакого значения, что он понятия не имел, о чём же она его попросит...

– Так как? – настойчиво повторил он в третий раз, готовый ринуться в битву с чёрной оспой прямо сейчас.

Алекзайн села обратно в кресло. Даже в полутьме было видно, что она слегка раздумывалась, её бледные щёки лихорадочно вспыхивали. Она снова схватила руку Адриана и сжала её, теперь гораздо крепче.

– Послушай, – заговорила она. – Слушай внимательно. И в первый, и во второй раз оспу завезли андразийские варвары из-за Косматого моря. Они тогда совершали набеги на Сварливый остров, островные кланы противостояли им, но не слишком успешно. У нас тогда не было конунга, лорды Фосиган и Одвелл яростно сражались между собой, забыв о внешней угрозе. Варвары, может быть, даже захватили бы нас, если бы оспа не посекала их первыми. Но они

успели сделать своё дело. Среди жителей Бертана нашлось место предателю... нет, просто слабому глупцу, который думал, что сможет использовать кару богов в интересах своего клана. Корабль андразийцев, команда которого была уже сплошь больна, причалил на севере, недалеко от мыса Уренштой. Они не хотели войны, только помощи – перед лицом смерти даже варвары забывают о наживе. Конечно, их вырезали подчистую, но там оказался тот человек... он дождался погребения и украл останки одного из моряков. А потом проник в лагерь Фосигана, стоявший сотней миль южнее, и подбросил эти останки в ручей...

– Чтоб его Молог сожрал! – негодуя вырвалось у Адриана.

Алекзайн грустно покачала головой.

– Не спеши судить его. Он был глуп и слаб... он отчаялся. У него были свои причины так поступить, что, впрочем, не извиняет его. Из того ручья пили не только Фосиганы, но и окрестные крестьяне, а через них зараза снова попадала в другие воды и так по реке дошла до самого Сотелсхейма... – она смолкла, и, хотя это было невозможно, Адриану показалось, будто она видела всё это сама и теперь вспоминает, как бы тяжело это ей ни давалось. Потом она продолжила, медленно роняя слова из всё той же давно написанной и заученной книги: – Того безумца больше нет, но в мире много страшных людей. А ещё в мире есть оспа, которая снова идёт к нам с востока. А ещё, – она сжала его руку крепче, – в мире теперь есть ты. Останови их. Останови людей из-за восточных морей, прежде чем они принесут на нашу землю мор.

Этого Адриан не ожидал. От кружившей голову уверенности не осталось и следа. Он сперва даже не до конца понял, что она сказала.

– Остановить... их? – переспросил он.

– Да. Останови. Это единственный путь.

– Но... как? Как я их остановлю? Я же не полководец... Я даже не воин...

– Значит, придётся им стать, – жёстко сказал Алекзайн и отпустила его руку.

Адриан беспомощно смотрел, как она встаёт и идёт к окну. Ветер, трепавший страницы раскрытой книги на подоконнике, отбрасывал за спину её волосы.

– Ты должен будешь собрать войско, – сказала Алекзайн. – Большое войско, не меньше двух тысяч воинов. Построить корабли. Выйти на них в Косматое Море. Встретить там врага. Может быть, встретить смерть. Но не пустить её в Бертан. Довольно.

Она смотрела в сторону, говоря это, Адриан не мог видеть её глаз, но в голосе её ясно слышал глухую, жёсткую, непреклонную решимость. Адриан судорожно стиснул зубы. То, что она говорила, было невыносимо...

Но невыносимо ли для него?

Впрочем, в нынешнем своём положении он едва ли мог рассчитывать не то что на две тысячи – на два десятка воинов.

– Но мой клан... мой клан сейчас... – он никак не мог выговорить слово, жуткое слово, которое прежде опасался произносить даже в мыслях, и Алекзайн с неожиданной беспечной жестокостью сделала это за него:

– Уничтожен? Что ж, тогда забудь о своём клане. Придётся найти другой путь.

Она обернулась, и её лицо смягчилось, словно она только теперь осознала тяжесть груза, который взваливает на него.

– Разве я говорила, что это будет легко? – спросила она мягко, с таким сочувствием, с таким терпением, что Адриан не удержался и бросился-таки к её ногам. Он обхватил руками её колени, ткнулся в них лицом, чувствуя, что сердце вот-вот разорвёт горло и вырвется наружу... Но прохладные тонкие пальцы вплелись ему в волосы и заставили поднять голову.

– Ты сделаешь это для меня, – тихо сказала Алекзайн. – Сделаешь?

– Сделаю, – выдохнул он.

– Для меня, Адриан?

– Я сделаю это для тебя, – сказал он, и она улыбнулась, слабо и так спокойно, будто теперь ей не страшно было и умереть.

Потом, много времени спустя, Адриан встал и, пошатываясь, побрёл к выходу. Алекзайн не останавливала его, просто смотрела ему вслед взглядом, который с той минуты надолго поселился в её обведённых тёмными кругами глазах. Когда дверь за ним закрылась, улыбка не исчезла с её губ, но ноги ослабли, и она тяжело прислонилась к стене, глядя в окно и слушая шелест книжных страниц.

Я знала, что сделаю это, Том, сказала она, отдалённо ощущая его и втайне наслаждаясь его бессилием, его злостью, его отчаянием и больше всего – его невозможностью ни ответить, не перестать слышать её голос.

Не бойся, мой дорогой. Ты знал, что делаешь, но я знаю тоже. Всё будет хорошо. Теперь всё будет так, как должно быть, подумала Алекзайн и прижала пальцы к губам, то ли посылая ему поцелуй, то ли отказываясь говорить больше.

Адриан плохо помнил, как добрался до своей спальни. По дороге ему не встретилось ни души – в доме, кроме Алекзайн, жили лишь Вилма и угрюмый кучер Гильбер. Он брёл короткими и в то же время бесконечными коридорами, спотыкаясь и не помня ничего, кроме её обведённых тёмными кругами глаз, запаха лилий... и своего голоса, своего нового взрослого голоса, обещавшего сделать это для неё.

Сделать что угодно для неё.

В своей комнате он рухнул на кровать и какое-то время лежал, бессмысленно пялясь на балдахин. Потом лениво, не прибегая к помощи рук, стащил с себя ноги сапоги – новые сапоги, которые подарила ему его леди. Вся одежда, которая была на нём сейчас, была её подарком. Его жизнь была её подарком. Жизнь, и что-то большее, что-то, от чего захватывало дух, хоть он и не мог подыскать этому названия.

Его клонило в усталый сон, словно после долгой тяжёлой работы, и в то же время сердце стучало, не давая расслабиться. Адриан с тихим стоном перекатился на живот и уткнулся лицом в покрывало. Что-то царапнуло грудь, и, поёрзав, Адриан вспомнил, что сунул за пазуху письмо...

Письмо Анастаса.

Адриан сел и достал свиток. Подержал его в руках, медля, и уже хотел вновь развернуть, когда дверь распахнулась – и, как следовало ожидать, Вилма бесцеремонно вторглась в его покой.

Адриану это начинало уже надоедать.

– Чего тебе? – резко сев, грубо спросил он.

Он застыла на пороге. Адриан увидел в её руке подсвечник с толстой свечой, тускло отливавшей белизной в сумерках.

– Света тебе принесла, – ответила Вилма, и Адриану почудилась в её голосе сдерживаемая обида. Он не позволил себе раскаться и, вскочив, почти вырвал подсвечник у девушки из рук.

– Ну, принесла? Благодарствую. Теперь пошла вон.

– А огня не надо? – язвительно поинтересовалась Вилма и, не дожидаясь ответа, бросила ему огниво. Адриан машинально поймал его, снова растерявшись, но теперь только на миг. Он теперь видел, какая она ещё маленькая и до чего ничтожная. Помощница золотаря... Гилас помилуй. Девочку стоило пожалеть. И уж совсем глупо обижаться и сердиться на неё. Тем более ему – человеку, способному одним своим поступком, одним словом изменить мир.

– Спасибо. Ты можешь идти, – почти ласково сказал Адриан и, отвернувшись от неё, зажжёг свечу. Это не сразу ему удалось – огниво было плохое, а фитиль лохматый. Наконец

над воском вспыхнул тонкий огонёк. Адриан удовлетворённо вздохнул – и тут обнаружил, что Вилма всё ещё стоит за его спиной, тихо, словно не дыша.

– Что тебе ещё? Я же сказал, ты можешь...

– Дурак. Глупый... гадкий, ещё и глупый! Поверил ей, да? Слушал её? А она ведьма! Богами проклятая ведьма! – закричала Вилма и, круто развернувшись, бросилась в темноту и пропала в ней. Только гулко хлопнула дверь, отдавшись кратким эхом под потолком.

Адриан стоял, приоткрыв рот, не замечая, что свеча быстро тает и воск уже течёт по подсвечнику, и смотрел Вилме вслед.

2

В последние недели он редко видел сны. Должно быть, слишком сильно устал, и измученное за день сознание отказывалось от лишней работы, предпочитая благодатные часы небытия. Первая ночь, проведённая Адрианом в доме над утёсом, на краю Косматого моря, была первой ночью снов. Первой ночью кошмаров, и длилась она без конца.

Он не знал, что именно ему снится, даже в тот миг, когда видел сам сон. Там были краски, звуки, чьи-то золотистые волосы и шепот, переходящий в шипение, но и много чего ещё, и сон был совсем о другом. Адриан кричал, и в другое время непременно проснулся бы от собственного крика, но этот кошмар держал его слишком цепко. Потом в сон пришёл холод, чувство прикосновения – первое тактильное ощущение в этом кошмаре, кошмару не принадлежавшее, и именно поэтому оно смогло вернуть Адриана в явь.

Он сел в кровати, задыхаясь, моргая от заливавшего глаза пота и резкого света, бьющего в лицо. Был яркий, солнечный день, недавно взошедшее солнце висело в окне над морем. Леди Алекзайн сидела на краю постели и держала его руку в своих холодных ладонях.

– Всё хорошо, Адриан, – сказала она, вызвав у него мучительное воспоминание. – Теперь всё будет хорошо.

Она не сказала «это только сон», как сказал бы Анастас, как когда-то, очень давно, говорила матушка и как – что за странная мысль... – наверное, сказал бы Том. Но сделала нечто более важное – дала обещание. Адриан посмотрел на неё с невыразимой благодарностью, потом вздрогнул и отстранился, сообразив, как он выглядит после сна. Кровь прилила к его щекам.

– О, простите, миледи, – с искренним раскаянием пробормотал он. – Я вас потревожил...

Она засмеялась. Смех у неё был негромкий, как будто сдержанный – интересно, смеётся ли она когда-нибудь во весь голос, от души.

– Ты потревожил меня, родившись на свет, Адриан Эвентри. Поздно просить прощения.

Он не мог понять, шутит она или нет, поэтому промолчал. Он спал в штанах и сорочке, опасаясь очередных вторжений Вилмы, поэтому сейчас мог без особого стеснения выбраться из постели, даже не очень глупо себя при этом чувствуя.

«Странно, что она не спросила, что мне снилось», – отчего-то подумал он. Хотя ему нечего было бы на это ответить.

– Посмотри на меня.

Он послушно посмотрел. Алекзайн несколько мгновений рассматривала его, глядя снизу вверх, как изучают лицо больного, пытаясь решить, умирает он или идёт на поправку.

– Ты должен сходить вниз, – тоном лекаря, отдающего непререкаемое приказание непослушному пациенту, заявила она наконец.

– Вниз?

– В деревню. Это недалеко. Вилма проводит тебя.

– Но... – он снова ничего не понимал.

Алекзайн встала и взяла его за руку. Этот жест стал уже почти привычным, и что-то обрывалось в нём, когда она так делала, – это прикосновение стоило тысячи убедительных страстных слов.

– Ты не веришь, – сказала Алекзайн вполголоса; её лицо и глаза ярко сияли в солнечных лучах. – Ты до сих пор боишься, что всё это может не быть правдой. Но это правда, Адриан. Тебе пора свыкаться с этой мыслью. Иди вниз и сделай, что захочешь.

– Что захочу?

– Да. То, что тебе захочется сделать. Сделай. И смотри. – Она смолкла на миг, глядя на него с нежностью – так, как, он снова смутно припоминал, когда-то очень давно на него смотрела мать. – Запомни, Адриан: этот мир твой.

Он бесконечно долго стоял перед ней, босиком на каменном полу. Потом робко шагнул назад, и она без сопротивления выпустила его руку. О, милостивая Гилас, как прекрасна она была в солнечных лучах, отвести глаза от неё не было никакой возможности, но тут Адриан совсем некстати ощутил в желудке голодный спазм. Несколько ужасных мгновений ему казалось, что в животе у него сейчас громко забурчит, преступно разрушив чистоту и таинство момента. Но что поделать – он ничего не ел со вчерашнего утра, когда они прибыли сюда и угрюмый повар, он же кучер и сторож, принёс ему миску каши. Адриан проглотил её тогда, не чувствуя вкуса – он был слишком измотан и ошарашен, чтобы думать о еде. Но сейчас есть хотелось, а леди Алекзайн ни словом не обмолвилась о завтраке. Похоже, она считала, что спасители мира должны питаться солнечным светом и божественным вдохновением. Спросить об этом – значило бы опозориться, поэтому Адриан подавил вздох и, отвесив даме своего сердца как можно более куртуазный поклон, вышел из своей спальни с таким смущением, как будто спальня эта принадлежала ей. Алекзайн осталась стоять на месте, не шевелясь, пока дверь за ним не закрылась.

Адриан наконец позволил себе вздохнуть, и желудок немедленно откликнулся радостным урчанием. «Может, внизу найдётся что-нибудь», – подумал Адриан без особого энтузиазма и, пройдя коротким коридором, стал спускаться по лестнице.

Вилма как раз поднималась по ней, и они едва не столкнулись в полумраке неосвещённой площадки.

– Я за тобой, – выпалила она прежде, чем Адриан успел раскрыть рот, в очередной раз нарушив все писанные и неписанные правила поведения для прислуги.

– Я знаю, – холодно сказал Адриан. – Проведи меня в деревню, – и немедленно пожалел, что поспешил отдать приказ, потому что теперь о кухне приходилось забыть.

– Как прикажете, милорд, – пожав плечами, бросила Вилма и сбегала по лестнице вниз. Адриан медленно спустился за ней, кляня себя и недоумевая, за каким бесом ему вообще сдалась эта девчонка. Дорога-то до деревни прямая, он добежал бы и сам, если...

Если только маленькая разноглазая мерзавка не приставлена к нему в качестве сторожа.

Эта неприятная мысль до того поразила его, что Адриан на миг застыл, занеся ногу над последней ступенькой.

– Ну, что ты там застрял? – нетерпеливо донёсся голос Вилмы от дверей.

Он заставил себя идти дальше.

Ему очень сильно этого не хотелось.

Дорога с утёса шла круто вниз, петляя меж валунов и теряясь вдаль, в пёстрых пятнышках домов. Растительности здесь было мало, лишь куцая редкая трава да кусты, притулившись к крупным камням. Чем ближе к низине, тем зеленее становились краски, но и запах моря там ощущался заметно слабее.

– А здесь можно спуститься к воде? – спросил Адриан, когда они прошли пятьдесят шагов.

– Здесь нельзя, – ответила Вилма, не оборачиваясь. – Утёс тянется на лигу к северу и почти на столько же к югу. Там идёт на убыль, но толку мало – всё равно берег скалистый, там повсюду рифы торчат. Когда волна идёт, расшибёшься на раз, косточек не соберут.

– Рифы?

– Ну, скалы. Подводные, – пояснила она и бросила на него презрительный взгляд. Она шагала быстро и твёрдо. Подол её платья волочился по пыльной дороге. Адриан закусил губу.

– Каково это?

– Что?

– Жить с такими глазами.

Она резко остановилась. Адриан тоже остановился, и какое-то время они не сводили друг с друга тяжёлых взглядов. Даром что у девчонки был глаз Молога, глядел он совершенно так же, как и другой, вполне человеческий. Или это человеческий глаз перенял бесовщину от другого – шут разберёт. Как бы там ни было, в обоих этих глазах сейчас отражались самые недобрые чувства.

– А тебе каково жить таким идиотом? – наконец бросила Вилма с небрежностью, слишком наигранной после затянувшейся паузы, и быстро пошла дальше. Адриан сперва ошалело смотрел ей вслед, потом понял, что надо было изобразить снисходительность, но выглядело бы это теперь так же фальшиво, как и её беспечность. Она что, обиделась? Он же ничего такого не сказал. Будто она сама не знает, что у неё разные глаза!

Когда Адриан нагнал её, они проделали уже почти половину пути в долину. Какая-то белая птица со странным гортанным криком пронеслась над ними, и Адриан задрал голову – он никогда не видел таких.

– Это чайка, – всё тем же тоном непререкаемого превосходства пояснила Вилма. – Не глазей, а то сядет на башку да как клюнет в темечко.

– Слушай, чего ты так на меня злишься? – не выдержал он. – Я тебе ничего плохого не сделал.

– А то, – съязвила девчонка. – В деревню я, стало быть, ради собственной придури тащусь.

– Ты не хочешь в деревню? – эта мысль его не на шутку удивила – ему почему-то казалось, то Вилма сама вызвалась его провожать. Потом он сообразил, что у него нет никаких оснований так думать – она просто выполняла приказ своей хозяйки. – Но это ведь твоя деревня? Ты там родилась?

– Я там родилась. Но это не моя деревня.

Они замолчали после этих слов и молчали долго. Дорога стала шире и ровнее, а пятишки домиков внизу превратились в чёткие силуэты. Деревня имела форму вытянутого к востоку треугольника, самые крайние, ближние к утёсу дома были маленькими и неказистыми, а хутора на противоположной оконечности селения казались вдесятеро больше каждого из этих домиков. Всего, как успел прикинуть Адриан, деревня вмещала полторы дюжины дворов – немало, особенно для поселения, удалённого от господского замка.

– А замок Скортиар отсюда далеко? – радуясь возможности сменить тему, спросил Адриан. Вилма что-то неразборчиво буркнула.

– А?

– Не знаю, говорю! Откуда мне знать-то? Я дальше долины никогда не бывала. Вроде далеко.

– Да уж, для тебя всё, что за сараем, – далеко, – съязвил Адриан, задетый её грубостью в ответ на совсем уж невинный вопрос.

К его удивлению, на сей раз она не стала огрызаться. Дома виднелись уже совсем близко. Воздух здесь был совсем другой – Адриан обернулся и поразился тому, как далеко и высоко остался утёс. Дом леди Алекзайн теперь выделялся на нём крохотным ярким камушком, будто ласточкино гнездо. Скалы совсем закрывали море, и, кажется, его запах тоже не мог пробиться сквозь них. Адриану показалось, что море ужасно далеко. И те, кто придут из-за него – люди с востока, о которых говорила Алекзайн, несущие смерть, – они тоже бесконечно далеко, и им никогда не преодолеть этих скал и этого утёса.

– Дальше я не пойду, – сказала Вилма.

Он удивлённо обернулся на неё. Они остановились в полусотне шагов от ближайшей хатки, корявой и кособокой, с глинобитными стенами и погнившей от сырости соломой на

крыше. Окна хатки были наглухо заперты, забора не было, и вообще жилище казалось брошенным. Дом с привидениями, что ли? Иначе чего Вилма так перепугалась?

Адриана взяла злость. В конце концов, ему вовсе не хотелось сюда идти. На подоконнике в своей комнате ему нравилось гораздо больше, да и край утёса, даром что уходивший в обрыв, представлял куда больший исследовательский интерес, чем это селение с дурацкими халупами. Но нет, его отправили сюда, непонятно зачем, ещё и приставили эту маленькую мерзавку, чтобы она за ним проследила, – так пусть не жалуется теперь.

Адриан решительно шагнул к Вилме и сжал её руку – так, как сжимал руку Бетани, когда она становилась особенно упрямой.

– Нет, – мстительно сказал он. – Ты пойдёшь дальше. И покажешь мне тут всё. Ты ведь это место знаешь как свои пять пальцев, верно?

Изумление в её глазах было непривычным само по себе, но ещё более странным оно казалось во взгляде, принадлежащем Мологу. «Молог смотрит на меня с изумлением, – удовлетворённо подумал Адриан. – Так ему. А ведь я ещё даже не разогрелся».

Он пошёл вперёд, увлекая Вилму за собой. Она слабо попыталась было освободиться из хватки, но тут же сдалась и уныло поплелась следом.

– Мологово отродье!

Адриан подскочил на месте, то ли от страха, то ли от неожиданности, и круто развернулся к убогой хатке на краю, которую разглядывал минуту назад. Перед дверью теперь стояла старуха самого мерзопакостного вида, какой Адриан мог представить. Нос крючком, глазки навывкате, беззубая пасть с отвисшей губой, три волосинки на голове и красная бородавка во лбу – всё при ней. Ну ровно ведьма из народной сказки – Бертран до сих пор вопил и забирался под стол, когда нянька рассказывала истории про таких старух. А тут она стояла перед Адрианом живая, и, будь неподалёку стол, Адриан испытал бы нестерпимое желание под него забраться.

– У-у, мологово отродье! – прошамкала старуха и погрозила Адриану клюкой, зажатой в костлявом кулаке.

Вернее, не Адриану. Вовсе не Адриану – а Вилме.

Он понял, что всё ещё крепко держит девчонку за руку, и инстинктивно разжал её – лишь через мгновение поняв, что не мог выбрать для этого менее удачного момента.

– Что вылупилась, мерзавка? Глазищи б твои поганые повыдирать в колыбели! Так я мамашке твоей, шалаве, завсегда сказывала! У-у, не видала б я тебя, не слыхивала б вовек! Чего пришла?

– Идём, – тихо сказал Вилма и пошла вперёд, мимо продолжавшей сыпать проклятиями ведьмы. Её голова была низко опущена, пальцы крепко сжимали складки юбки.

– А? Бежишь? Глазищи свои проклятущие прячешь, не смеешь в глаза глядеть честным людям? Гадина подколотная! Прочь пошла!

Они едва миновали двор сумасшедшей старухи, когда Вилма приостановилась и сказала всё так же тихо, не поднимая головы:

– Она не всегда так. Сейчас просто увидела, что я с пустыми руками пришла, вот и... я поэтому идти не хотела. Она всегда меня выглядывает, наверняка издали увидела. А я с пустыми руками...

– погоди, ты о чём? – прервал эту сбивчивую речь Адриан. – Ты ей что-то приносишь? Зачем?!

– Она моя бабка. Ты не слушай, что она... ну... – Вилма запнулась и умолкла, а Адриан только удивлённо таращился на неё, пытаясь уразуметь, как можно кричать такие ужасные вещи своей родной внучке, пусть бы внучка и разноглазая.

– Ох, ну вот... я говорила, – тихонько сказала Вилма, и Адриан, подняв голову, заметил ещё нескольких людей, которые вышли из соседних домов или оторвались от своих занятий и с любопытством смотрели на них. Здраваться никто не собирался, хотя в этой глуши, где все

друг друга знали, появление нового человека, выглядевшего и державшегося как благородный, не могло остаться незамеченным. Проходя мимо них, Адриан мучительно раздумывал, что ему делать. Поздороваться первым со смердами он не мог – это уронило бы его в их глазах. Но и терпеть их молчаливое, однако всё равно оскорбительное любопытство он тоже не мог. Теперь он понял, почему Вилма не хотела сюда идти – и почему инстинктивно не хотел того же он сам. Но ведь леди Алекзайн, должно быть, знала, что делает...

– Вилмочка! Кого вижу, с чем пожаловала? – окликнул их весёлый голос, и Адриан радостно обернулся на него. Вилма обернулась тоже, с гораздо меньшей охотой. Они уже прошли с полдюжины дворов, и дома тут были намного опрятнее, чем на окраине деревни. Дородный мужчина средних лет стоял в воротах одного из домов, уперев руки в бока, и с прищуром разглядывал Адриана.

– Вот... хозяйкиного гостя... привела, – ответила Вилма так тихо, что сам Адриан её едва расслышал. Здоровяк радостно закивал.

– Хозяйкиного гостя, вижу! Ну, хозяйкины гости – наши гости! Заходите, попотчует чем сможем, коли не побрезгуете!

– Спасибо, дядя Урмас, некогда нам, потом как-нибудь, – протараторила Вилма прежде, чем Адриан успел раскрыть рот, и, вцепившись ему в руку, с неожиданной силой потащила за собой.

– А, ну хорошо, хорошо, – ничуть не обидевшись, крикнул здоровяк им вслед. – Ну ты, как минутка выдастся, и сама ко мне забегай, Вилмочка, милая, не забудь старика!

– Чего ты? – удивился Адриан, когда они миновали гостеприимный двор. – Он же вроде хорошо к тебе...

Она зыркнула на него так, что он едва не прикусил язык.

– Пройдём до конца деревни, – после тяжёлой тишины проговорила она. – И сразу обратно. В обход. Миледи велела тебе деревню показать, я покажу. А ты гляди и помалкивай.

Как и в большинстве подобных селений, в этой деревне была только одна улица, так что прогулка не грозила затянуться надолго. На середине её располагался деревенский трактир, в это время суток тихий и умиротворённый. Большинство сельчан были в поле, немногие ремесленники занимались своими делами, отрываясь лишь затем, чтобы бросить вслед Адриану и Вилме тяжёлый взгляд. Но что-то было не так. Адриан понял, что именно, лишь когда они прошли половину деревни и поравнялись с трактиром.

На улицах не было детей.

– Вилма! Не ждал тебя сегодня. За каким товаром? – спросил, выходя из здания, крижистый человек, державшийся как хозяин этого заведения, а то и всей деревни. Руки у него были по локоть в лоснящемся на солнце жире, и он неторопливо отирал их краем передника.

– Да я так, – ответила Вилма, несколько уверенней, чем прежде, – похоже, от этого человека подвоха она не ждала. – Вот, лордёныш к миледи приехал, велела выгулять.

Адриан потрясённо уставился на неё, отказываясь верить, что она вправду сказала такое. И прежде чем успел понять, что делает, отвесил девчонке крепкий подзатыльник.

– За языком следи, – яростно выпалил он, пылая от злости и стыда, а потом как сквозь дымку услышал негромкий смешок трактирщика и, к своему ужасу, ещё нескольких голосов. С полдюжины крестьян собрались на улочке, наблюдая за картиной.

– И впрямь лордёныш, – беззлобно сказал трактирщик и отвесил не слишком глубокий, но вроде бы не насмешливый поклон. – Счастлив услужить вашей милости. Извольте угощаться чем богаты.

Адриан надменно кивнул и твёрдым шагом проследовал в трактир. Последует ли за ним Вилма, его интересовало мало, так же как и её реакция на затрещину. Какого беса, девчонка совсем потеряла стыд! Поразительно, как это терпит леди Алекзайн.

В маленьком трактирном зале были два общих стола и небольшой угловой столик для особо важных гостей. Там сейчас сидел какой-то господин, с виду тоже незнакомый. Это отчасти объясняло не слишком большой интерес селян к Адриану – у них тут уже был свой собственный пришлый, остановившийся в трактире. Адриан посмотрел на него с интересом, но человек сидел в тени, и толком ничего нельзя было разглядеть. Занятый этим делом, Адриан даже пропустил момент, когда его усадили за общий стол, и очнулся, когда возмущаться было уже поздно.

– Чего ваша милость изволит? Вина, эля, местной самогонки?

– На ваш выбор, если вам будет угодно, – рассеянно отозвался Адриан и снова спохватился, что говорить так пристало в гостях у равного себе по происхождению, а не в захудалой сельской забегаловке. Трактирщик, однако, довольно ухмыльнулся и с поклоном отошёл. Адриан вспомнил, что у него нет денег. Потом вспомнил о Вилме и обернулся. Она мялась возле порога. Просто поразительно, как сочетались с ней эта пугливая робость с бездумной наглостью...

Адриана осенило, что, возможно, она свои слова и поступки дерзкими вовсе не считает. Она всю жизнь тут прожила и, судя по всему, никогда не служила господам, кроме леди Алекзайн... а Адриан ничего, совсем ничего не знал о леди Алекзайн.

– Иди сюда. Сядь, – позвал он. Она смутилась, бросила настороженный взгляд на человека в углу зала, но подошла и села.

– Эль у вас хороший? – неловко спросил Адриан. – А вино? Что вообще брать?

Она пожала плечами, не слишком расположенная к болтовне. Адриан ясно видел, как ей хочется отсюда поскорее уйти. И это тоже было странно – трактирщик вёл себя с ней вполне любезно, да и тот здоровяк тоже, и вообще, не считая косых взглядов да безумных бабкиных воплей, Вилме не на что было пожаловаться...

«Только она вообще не из тех, кто жалуется», – почему-то подумал Адриан. Смотрел на неё и думал об этом.

– Не пейте здешнего эля, юноша, – раздался голос из угла комнаты, заставив Адриана подскочить на месте. – И вина тоже не пейте. Вообще ничего не пейте, если вам дорога ваша печень.

– Я... – Адриан сглотнул. Речь незнакомца сильно отличалась от выговора крестьян и вообще от любого выговора, который слышал Адриан прежде. – Я умею пить.

– Не сомневаюсь. Все умеют пить. Все от этого умирают. Просто одни раньше, другие позже. От здешнего пойла вы умрёте очень скоро, я заявляю вам это со всей ответственностью.

Он говорил насмешливо, чуть растягивая слова, как будто с ленцой. Адриану ужасно хотелось попросить его выйти на свет, но он не знал, как сделать это учтиво, а выглядеть грубияном перед этим человеком не хотелось.

– Я... – он раскрыл было рот, собираясь представиться, и тут же застыл, сообразив, что не может этого сделать. Его клан сейчас – предмет раздора между сильными мира сего, и он уже без того наделал достаточно глупостей, чтобы сейчас так неосмотрительно выдать себя. Поэтому Адриан перевёл дух и закончил со всей возможной любезностью: – Я благодарю вас за ценный совет.

– Не только ценный, юноша, не только. Он ещё и в высшей степени компетентный. Хотя, впрочем, ваша гостеприимная хозяйка едва ли с вами согласится.

– Вы знакомы с леди Алекзайн? – оживился Адриан. Человек в углу зала сделал неопределённый жест, всё так же оставаясь в глубокой тени.

– Некоторым образом.

– Тогда почему вы не... – начал Адриан, но закончить ему не дали сразу два события.

Первое за событие, впрочем, сойти могло едва ли – объявился трактирщик, неся нечто, что загадочный человек в углу зала так настойчиво отсоветовал пить. Со вторым было хуже.

Второе было тем, за чем Алекзайн послала Адриана в деревню. Хотя вряд ли она знала, что посылает именно за этим.

– Мологово отродье!

Крик был бабкин, и злобное отвращение было бабкино – только кричала бабка низким и сиплым мужским голосом. Вилма испуганно вскочила, Адриан обернулся. Оба они увидели тощего, как швабра, щуплого мужика с копной волос, похожих на разорённое птичье гнездо. Разило от мужика за пять шагов, однако, несмотря на нелепый вид, рожа у него была самая свирепая. И – Адриан увидел это ясно и не на шутку удивился – Вилма его испугалась. Кажется, сильнее даже, чем того добродушного здоровяка, что звал их угоститься.

– Грязная сучка! Ты как посмела сюда зая... я-за... виться! Ты, Курт, охренел вконец, этакую шваль на порог пускать!

Адриан с надеждой посмотрел на трактирщика. Наверняка он сейчас объяснит, что всякую шваль на порог пускать и впрямь не намерен, и выставит пьяницу вон... Но хозяин лишь равнодушно пожал плечами.

– Ничего поделать не могу, Родж. Она, вишь, с лордёнышем явилась. Лордёныш к леди приехал.

– Мологово отродье! – снова взревел Родж, потрясая хилыми и длинными, как ветки, руками и выглядя при том необычайно глупо. – А ну прочь пошла! Хоть с лордёнышем, хоть без! Глянь, на общей скамье расселась, сука!

Адриан завертел головой, не понимая, что происходит. Человек в углу зала безмолвствовал, равнодушный к этой сцене. Трактирщик стоял, скрестив руки на груди и насмешливо глядя на Адриана – урезонивать пьянчужку он явно не собирался. Адриан глянул в дверной проём. Там виднелись несколько переговаривающихся и посмеивающихся мужчин – только мужчины, ни женщин, ни детей.

Женщины и дети попрятались по домам, пока мужики травят мологово отродье.

Адриан наконец понял, почему Вилма так не хотела сюда идти.

Он поднялся, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Вилма уже юркнула за скамью. Она наверняка сбежала бы, если бы пошатающийся Родж не стоял посреди прохода, раскинув ветвистые лапищи, будто силок. Он был невероятно жалок, но маленькой девочке, которую все ненавидели за то, что она родилась с глазами разного цвета, он должен был казаться воплощением зла и несправедливости. Они терпят её, потому что она служанка леди – и потому что пришла с гостем леди, – но что взять с пьянчуги, которому здравый смысл не указ? Поколотит девку всем на радость, с него же потом и спрос. А остальные что – ну, не спохватились вовремя, чья ж тут вина – это же не бычара какой, всего лишь разиня Родж, вечно пьяный, вечно без царя в голове. Не углядели, простите, госпожа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.